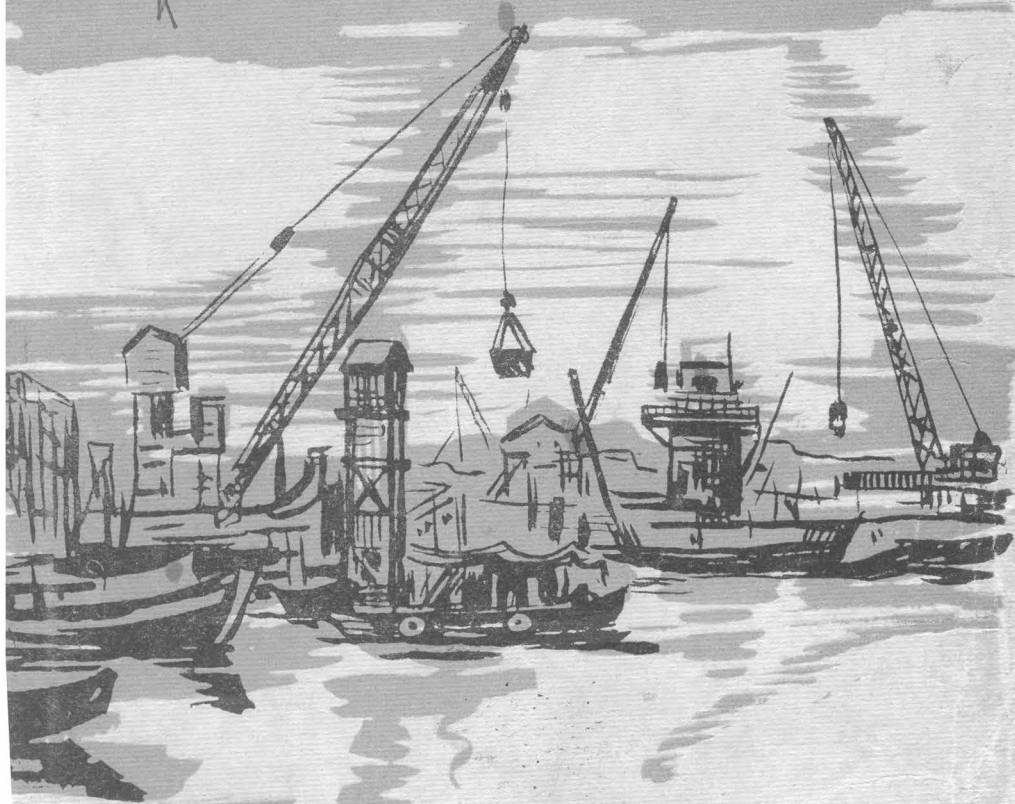

20 и

1991

66734

К

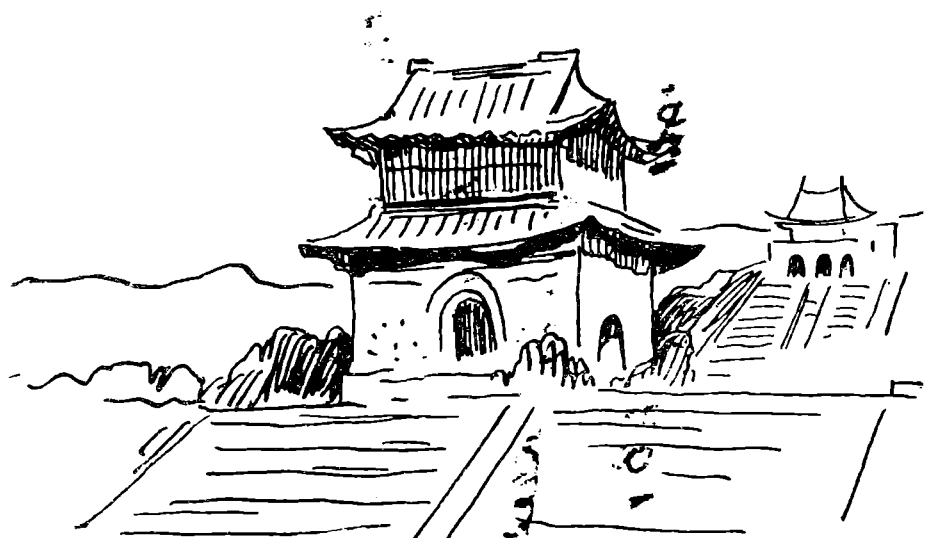

С. МУКАНОВ

ШАГИ ВЕЛИКАНА

沙比特. 木卡諾夫

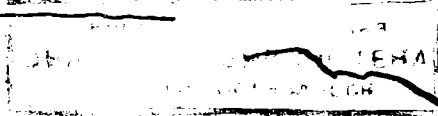
巨人的步伐

324
САБИТ МУКАНОВ М91

ЩАГИ ВЕЛИКАНА

66734

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД С КАЗАХСКОГО
И. ЩЕГОЛИХИНА

Сабит Муканов
ШАГИ ВЕЛИКАНА

Редактор *Ф. Я. Борсук*. Худож. редактор *П. Л. Дубров*.
Техн. редактор *А. И. Кузембаева*. Корректор *Л. С. Вернигор*.

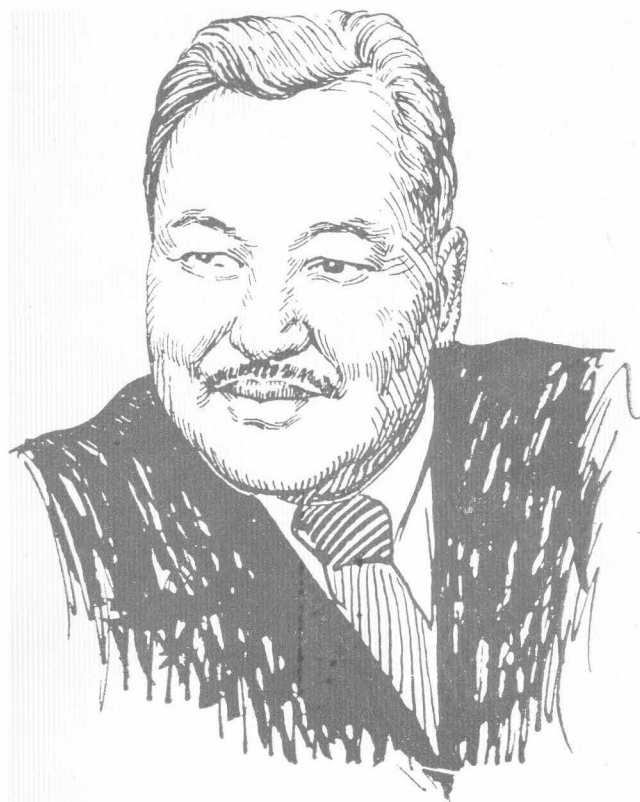
Сдано в набор 15/XII 1959 г. Подписано к печати 3/III-1960 г.
Формат $84 \times 108 \frac{1}{32} - 9,125 = 14,97$ п. л. + 1 вклейка (16,5 уч.-изд. л.)
Тираж 13000. УГ00744. Изд. № 228.
Казгосиздат, г. Алма-Ата, ул. Панфилова, 143.
Цена 6 руб. 80 коп.

Заказ № 2470. Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры КазССР
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

73

**ЭМИ СЯО—
моему давнему другу,
славному поэту нашего времени,
посвящаю.**

А В Т О Р.

С. МУКАНОВ

Глава первая

ПРИЧИНЫ ПОЕЗДКИ

14 мая 1956 года. В окна моего кабинета на четвертом этаже смотрит высокий дуб. Он роскошен, густолист, его сучья похожи на руки, а фигурные листья — на ладони. Они колышутся и тихо шелестят, словно спрашивая, над каким произведением я тружусь.

В утренние часы у меня самое хорошее расположение духа и потому легче и плодотворнее пишется.

Почему я заговорил о времени, когда легко работать? «Степной кулан привык не вовремя пастись...» — поется в одной из наших песен. В молодости и я не считался со временем, работал, не соблюдая режима, щедро и без оглядки тратил свои духовные и физические силы. Но позже, когда я перевалил через определенный рубеж, имеющий строгое и ко многому обязывающее название «пятьдесят лет», я все чаще в

своей работе стал считаться и с настроением, и с расписанием. Теперь и вдохновение стало посещать меня только в определенное время дня. Оно приходит сразу же после утренней прогулки и продолжается четыре-пять часов. Остаток дня я провожу за просматриванием газет и журналов, за чтением книг.

«У каждого месяца свои травы», — говорят казахи. Цветущий май, когда обновляется природа, когда все живое, растущее приобретает способность проявить себя в полную меру, нельзя сравнить с другими месяцами. И если мы называем писателей «людьми чувства и настроения», то именно красавец май возбуждает чувства и настроение писателя, заставляет их распуститься и цвести в полную силу!

Благотворным и памятным оказался для меня май нынешнего года, в особенности его сегодняшний день. Ночью прошел дождь, и утром я проснулся довольно поздно от ощущения холода. Окна спальни были открыты настежь. Дождь уже перестал, тучки прошли, и небо стало прозрачным, как бриллиант. Молодые, еще не полные листья умылись и очистились от вчерашней пыли и, влажные, изумрудно сверкали. Быстро одевшись, я поспешил на улицу. После ночной грозы было тихо, темнел чистый, сырой асфальт, на цветах сверкала обильная роса, тополя, березы, дубы стояли неподвижно и казались задремавшими. «Не запылит дорога, не зашепчутся листья», — вспомнил я слова Абая.

Ночной ливень растопил остатки снега на склонах Ала-Тау, оставив белыми только вершины, возле которых грудились густые яркие облака. Вершины были едва видны, они растворялись в утреннем мареве. Бурно мчались звонкие ручьи по уличным переполненным арыкам. Пели птицы, их не было видно, и потому казалось, что сама листва поет чудесные песни мая.

После бодрящей прогулки на вольном воздухе, взволнованный прелестью послегрозного утра, я вернулся к письменному столу. Теперь у меня появилось желание продолжать работу.

Положив перед собой чистый лист бумаги, я взял перо и склонился над столом. Я мечтал об одном — о тишине, о возможности сосредоточиться. Я написал первую строчку, но в это время за окном, с явным намерением отвлечь меня от работы, запел соловей. Он заливался

такими нежными, такими неповторимо новыми трелями, что мне подумалось: «А ведь он тоже творит, восхищенный утром! Наверное, он поет о любви...» Что мне оставалось делать? И я растерялся, не зная, рассердиться ли мне на соловья или отложить перо и все-таки послушать его серенаду. Ища дерзкого певца, я задумчиво поднял глаза на густолистые ветви дуба, но тут послышался стук в дверь. От неожиданности я вздрогнул и оглянулся.

— Войдите! — попросил я.

Вошел почтальон. Он подал мне телеграмму из Союза писателей СССР. В ней значилось: «Срочно вылетайте в Москву для поездки в Китай вместе с группой писателей».

Новость обрадовала меня. Я много ездил по родному краю, побывал в различных уголках Советского Союза. Поездка в Китай стала для меня первым путешествием за пределы нашей страны. Я думаю, излишне доказывать читателю необходимость подобных экскурсий людям моей профессии.

Возможность увидеть Китай своими глазами, разумеется, радовала еще и потому, что меня, коммуниста, всегда интересовало революционное движение и социалистическое строительство в любой стране, у любого народа, а тем более у народа, расположенного по соседству с моей родиной. Выражаясь образно, у нас с Китаем одна общая цель — превратить земной шар в цветущий сад коммунизма и наделить его плодами все человечество.

В первые годы после Октябрьской революции мне приходилось участвовать в бурных митингах на площадях и в клубах. Вместе с другими я с удовольствием выкрикивал боевой лозунг: «Да здравствует мировая революция!». В ту пору для меня, человека молодого и горячего, эти слова казались легко и быстро осуществимыми. Однако после, когда я стал образованнее и старше, я понял, что до мировой революции, оказывается, не так уж близко и совершить ее не такое уж легкое дело. Как и все люди, пытающиеся понять законы общественного развития, я занялся изучением марксизма.

Я узнал теорию Ленина о том, что в странах, руководимых Коммунистической партией, отсталые народы мо-

гут приобщаться к социализму, минуя ступень капиталистического развития. Пример тому мы наблюдали сами у некоторых народов советской страны. Я не раз задумывался: «А почему бы народам Востока, в частности Китая, не пойти по такому пути?»

Когда я пишу о чем-либо, когда знакоюсь с людьми, событиями, читаю о малоизвестных странах, меня прежде всего интересует история. А что может быть интереснее и загадочнее истории стран Востока и в особенности Китая! А будущее его? Какой путь развития избежит этот многомиллионный народ, составляющий четвертую часть населения земного шара — вопрос далеко не безразличный для каждого из нас.

Страна с древнейшей культурой, с огромными просторами, трудной судьбой... Народ веками боролся против гнета своих и иностранных поработителей. Первый луч свободы блеснул 26 апреля 1949 года. В этот день за подписью вождя Коммунистической партии Китая Мао Цзэ-дуна и Главнокомандующего Революционной армией Чжу Дэ была обнародована Декларация о создании социалистического государства. С того памятного дня прошло несколько лет. Экономика и культура народного Китая сделали огромный шаг по пути прогресса.

Телеграмма Союза писателей пришла в самую пору моих мечтаний побывать в Народном Китае.

Вот почему утро 14 мая 1956 года стало для меня особенно памятным.

РОДНЫЕ КАРТИНЫ

Из Москвы мы отправились втроем: Вера Казимировна Кетлинская, украинский писатель Вадим Николаевич Собко и я.

Самолет «ИЛ-12» за двадцать два летных часа должен был пролететь по маршруту Москва — Свердловск — Омск — Новосибирск — Красноярск — Иркутск — Улан-Батор — Пекин. Поднявшись с московского аэропорта, самолет взял курс по северной воздушной линии и до самого Иркутска летел над бесконечной сибирской тайгой. Знакомые с городами Свердловском, Омском, Новосибирском, мы не выходили на остановках. И только в Красноярске вдвоем с Верой Казимировной мы взяли

такси и поехали смотреть старинный, невиданный нами город на Енисее, вблизи Саянских гор. Большой, современный, с многоэтажными домами, он произвел на нас хорошее впечатление. Кое-где на окраинах мы видели сохранившиеся еще деревянные дома сибирских купцов с узорными и раскрашенными ставнями, наличниками и воротами.

Но больше, нежели сам город, произвел на меня впечатление Енисей — могучая сибирская река. Вдвоем с Верой Казимировной мы долго стояли на берегу и любовались его многоводьем. Я вспомнил об одном из интересных проектов советских инженеров и мысленно как бы перекинул мостик между Сибирью и своей республикой. Смелый проект предполагал изменить русло Енисея, подчинить его воле человека и повернуть на запад, через бескрайние, но безводные, пустынные казахстанские степи. Как бы сразу изменилась жизнь! Реальность осуществления такого проекта доказана.

Взволнованный величавой картиной, я крикнул во весь голос:

— Эй, великая река, скорей приходи в мой край!

— Что это значит? — удивленно посмотрела на меня Вера Кетлинская.

Мне пришлось рассказать ей о своих думах, об этом проекте.

— Грандиозно! — отозвалась Вера Казимировна. — Замечательная тема для большого романа.

Вера Казимировна Кетлинская родилась и выросла в Ленинграде. С двадцати двух лет она стала известна как талантливая писательница. Ее популярные романы «Мужество» и «Дни нашей жизни» посвящены людям труда, социалистическому строительству. Ее произведения переведены на многие языки народов Советского Союза и на иностранные языки. У Веры Казимировны чуткая душа, приветливое сердце, она всегда охотно поддерживает и серьезную и шутовскую беседу, она хороший товарищ и приятный спутник в путешествии.

В Иркутск мы прилетели под вечер. Нас устроили в гостинице «Интурист». С этого часа и вплоть до возвращения на родину нам полагалось все бесплатное — транспорт, гостиница и питание. Нам это, разумеется, нравилось, и мы не протестовали. Вадим Николаевич, к нашему большому удовольствию, не без юмора, рассказал о за-

дачах, которые мы обязаны были выполнить до выезда за рубеж. Сорокачетырехлетний хороший шутник украинец, Вадим Собко ехал за границу не впервые. Полковник в отставке, прослуживший долгие годы в армии, он прошел нелегкий жизненный путь, участвовал в Великой Отечественной войне, потерял в боях правую ногу, был награжден многими орденами и медалями.

Вадим Николаевич любит поговорить за чаркой вина. Как путешественник, он оказался опытнее меня хотя бы в том, что на всякий «случай» для встречи с китайскими друзьями сохранил в своем чемодане четыре бутылки коньяку.

В тот же день в «Интуристе» мы познакомились с группой работников культуры Чехословакии. Они тоже направлялись в Китай. Приятно было сознавать, что иностранцы чехи являются гражданами социалистического государства. И мы, и чехи ехали за границу и тоже в социалистическое государство. Мы скоро подружились, нашли общий язык в переносном и в прямом смысле — объяснялись по-русски без помощи переводчика. Мы пригласили чешских друзей в гости и засиделись за столом до поздней ночи.

На другой день случилась непредвиденная история, которая чуть не помешала моему дальнейшему путешествию. Я встал спозаранку, когда мои друзья еще спали, взял такси и поехал смотреть Иркутск. Иного, подходящего для знакомства с городом, случая не предвиделось — возвращаться на родину в Алма-Ату я решил по другому маршруту, через Синьцзян.

Старинный город сибирской окраины мне понравился, тем более, что знакомство с ним происходило утром, в любимую мной пору дня.

Несколько часов я ездил по тихим, опрятным улицам и как-то неожиданно вспомнил, что мне давно пора быть в аэропорту.

Когда я появился в аэропорту, пассажиры сидели на своих местах и только Вадим Николаевич с обеспокоенным и мрачным лицом, опираясь на костыль, стоял внизу у трапа. Увидев меня бегущего, запыхавшегося и виноватого, синеглазый Собко не знал, как встретить опоздавшего — смехом или руганью. Он только сокрушенно покачал головой и крикнул:

— Садись быстро! — и показал на лестницу.

— Я извиняюсь...

— Брось оправдываться, садись, самолет поднимается!

— Сперва садись ты, тебе труднее!..

— Да залезай же! Иначе опять останешься!

Мы уселись. Загудели пропеллеры, самолет взял разбег и мягко взмыл в синее небо.

Я вздохнул с облегчением.

Не успел я рассказать Вадиму о своих похождениях, как со всех сторон послышалось:

— Байкал!.. Байкал!..

Оказывается, от Иркутска до Байкала рукой подать — километров шестьдесят. Я выглянул в окно. В просветах между клочьями густого тумана, местами принимавшего очертания снежных гор, сверкала густо-синяя вода. Вот оно, славное море, священный Байкал!..

— Интересно, какая ширина его? — спросил я.

— Под нами, где летим, километров пятьдесят, — ответил кто-то из знатоков.

Возможно, что это соответствовало действительности, не знаю, но мы летели над озером довольно долго и, не отрываясь от окон, любовались его волшебной неопишуемой красотой.

Белесый туман, словно умышленно желая показать нам красоту озера не сразу, а постепенно, стал медленно отодвигаться. Облака отражались в воде, светлое небо тоже отражалось в воде, и порой было непонятно, где же озеро, а где небо. В лучах солнца, встающего из-за гор, облака стали насыщенно-багровыми, и синее озеро приобрело цвет восхода. Когда впереди показался берег, поднявшийся туман медленно осел на вершинах гор, пеленой опустился к подножьям и теперь казалось, что и горы, оторгнутые от земли туманной грядой, плывут над Байкалом.

Впервые об озере Байкал я услышал в раннем детстве от татарина-коробейника по имени Минхабир. Он приезжал к нам в летние месяцы, ставил маленькую палатку на краю аула и бойко торговал всякой мелочью. Когда заходило солнце и широкую степь покрывала ночная мгла, Минхабир доставал дребезжащую дешевенькую гармонь и задушевым, немного гнусавым голосом пел под нее татарские народные песни. Особенно любил он

одну заунывную песню, которая начиналась, как мне помнится, с таких слов:

Велик и могуч оказался Байкал,
Раньше я волн его не видал,
Не знал глубину и голубизну,
Прежде чем горе не испытал...

Позднее, когда повзрослел, я научился русскому языку, узнал русские песни и теперь сам пою многие из них, в том числе, конечно, и знаменитую «Славное море, священный Байкал»...

Об этом глубочайшем в мире чудо-озере я читал в географической литературе. Читал, удивлялся и не знал, что когда-то придется пролетать над ним. Любуясь Байкалом, я подумал о красоте нашей великой Родины. Мне было приятно сознавать, что я советский человек, значит, вся советская земля — моя родная земля, все воды ее, вся красота ее принадлежат мне, как и всему народу. Невольно мне припомнились строки из поэмы «Совет-стан» Сакена Сейфуллина.

Есть земли, куда не доскачешь верхом,
И много племен и народов кругом
Под знаменем рдяным,
В труде неустанном
Раскинутым станом
Живут здесь, как братья, в союзе одном.¹

Как хорошо сказал Сакен о нашей действительности! — восхищенно подумал я.

НЕБО МОНГОЛИИ

Мы знали, что за дальним берегом Байкала начинается Бурят-Монгольская республика, а за ней, отделенная узкой пограничной полосой, — Монгольская Народная Республика. Могучая сибирская тайга, покрывшая половину континента, протянулась и до северной Бурят-Монголии, расположенной ближе к Чите. Мы прошли ее стороной и долго летели над ровной пустынной степью. Такой же оказалась и сама Монголия — ни гор, ни лесов, ни рек, унылая, похожая на нашу Голодную степь. Лишь кое-где белели, очевидно, соленые озера, с ровными очер-

¹ Перевод В. Бугаевского и А. Тарковского.

таниями, похожие на рассыпанную в степи муку. Изредка блестела извилистая и узкая, как брошенный аркан, полоска реки. Где вода — там жизнь. Возле речек были разбросаны селения, бродили табуны скота. Очень редко попадались небольшие города...

Какая огромная, бескрайняя степь!

А за Улан-Батором и того хуже — началась однообразная, утомляющая глаз знаменитая пустыня Гоби. По своей величине она считается второй в мире после Сахары.

Пустыня Гоби распласталась между Монголией и Китаем. Подробно она еще не обследована. Ее длина, по некоторым сведениям, равна четырем тысячам километров, а ширина составляет более полуторы тысячи километров. Если прибавить к ней пустыню Такла-Макан, расположенную по соседству, то, как говорится, бог знает, какая получится территория.

Гоби делится на две части — песчаную и каменистую. Наша трасса, как видно, пролежала над каменистой Гоби. Был конец мая, лето только начиналось, но зеленый покров уже успел выгореть от жары, и степь тянулася бледно-серая, удручающая. Кое-где зелеными пятнами встречались оазисы, было заметно движение, какие-то признаки жизни. Наверное, там пробивались родники, начинали свой недолгий путь степные речушки.

Обозревая окрестности безотрадные, малолюдные, я вспомнил историю этого когда-то могучего народа. Семь веков назад небольшие, но воинственные племена стали воевать с соседями. За какие-нибудь сто лет они захватили весь Китай, Среднюю Азию, большую часть Русского государства, Кавказ и Крым, всю восточную Европу, создали в Пекине «Белую», в Самарканде «Синюю», а на побережье Волги «Золотую» Орды. По величине территории и количеству населения Монгольское государство в Средние века было самой великой империей в мире. Но созданная на порабощении других народов империя не могла существовать долго. Из-за экономической и культурной отсталости великое государство монголов пошатнулось и распалось. Монголы ушли на восток и снова обрели себе пристанище в Гобийской пустыне. Но и здесь они не смогли сохранить своей самостоятельности и целостности. Маленькое государство продолжало дробиться на все меньшие и мень-

шие владения. Народ утра - тил былую славу.

«Бедный монгол! Перед кем только ты не стоял на коленях, не гнул спины в своей истории! — подумал я. — Кто только тебя не бил и не угнетал?!.. Разве не Великая Октябрьская социалистическая революция в России освободила тебя от порабощения, от векового иностранного гнета и «собственных» феодалов? С помощью Советского Союза в 1921 году твое государство стало независимой Народной республикой. Но Внутренняя Монголия по-прежнему оставалась рабыней империализма. С того дня, когда Китай вступил на путь социализма, и для нее открылись двери счастья. Свободной и равноправной стала Внутренняя Монголия.

Продолжай идти вперед, набирай высоту, монгольский народ!»

ВЕЛИКАЯ СТОЛИЦА

В полете над однообразным, малоинтересным пейзажем Гоби я незаметно для самого себя задремал. И в каюте парохода, и в кабине самолета я всегда чувствую себя как дома и потому благодарен природе, подготовившей меня к путешествиям на всех видах транспорта. За эти сведения, думаю, простит меня читатель.

Проснулся я от оклика и толчка в бок:

— Сабит, проснись!

Я открыл глаза и увидел перед собой оживленного Вадима.

— Великая китайская стена! — крикнул он и буквально прилип к стеклу.

Я поблагодарил внимательного спутника и тотчас последовал его примеру.

Великая стена!.. Самая мощная, самая известная и самая длинная в мире! Каких только легенд мы не слышали о ней! И вот она теперь перед нами. Место было гористым, стена тянулась с севера на юг и, казалось, нет у нее ни конца, ни начала. Опускаясь в низины, она исчезала из глаз, но вскоре снова поднималась на склонах невысоких гор.

Каждый, кто путешествовал по воздуху, наверное, замечал одно интересное явление. Когда смотришь вниз, на землю, кажется, что твой самолет висит на одном месте, как привязанный, и земля неподвижна. Но достаточно отвести взгляд от интересующего тебя объекта, как он уже остается позади. Так получилось и с китайской стеной. Думали, что летим над ней очень медленно, но не заметили, как пролетели. Хорошо бы познакомиться с ней на земле, посмотреть поближе!

Говорят, что китайцы построили свою стену для защиты страны от нашествия монголов. Мне кажется, что стена не столь защитила от кочевников, сколь преградила путь опустошительным суховеям и кочующим пескам из Гобийской пустыни. Известно, что земли Китая с древних времен на всем своем протяжении отличались высоким плодородием и обилием воды. Это явилось одной из причин, удержавших китайцев от переселения на другие земли. Китайцы никогда не были захватчиками, зато неоднократно воевали за свое освобождение с другими государствами.

За китайской стеной ландшафт изменился. На горных склонах появилась растительность, хребты стали выше и потянулись цепью. Кто-то из пассажиров предположил, что это Большой Хинган. Побежали извилистые реки, на равнинах и плоскогорьях появилось множество поселений. Обработанные под посевы поля походили на квадраты шахматной доски. Местами посевы захватывали окраины и даже улицы и площади поселений. Чем дальше мы удалялись от стены, тем гуще и гуще попадались города. И, наконец, они слились в одну непрерывную цепь.

— Пекин! — крикнул один из наших спутников.

Пекин, вот он!.. Столица Великой Республики!

После Шанхая это второй по величине город Китая. Когда мы пролетали над Москвой, бросалась в глаза громада высотных зданий, широкие, прямые, как стрелы, проспекты. Мне показалось, что в Пекине не много больших домов и прямых улиц. Я не заметил строгих линий и порядка в кварталах. Но город был хорошо озеленен и, что особенно восхитило нас, так это множество озер в городе. Они были хорошо видны с самолета. Природные они или искусственные?

На аэродроме нас встретила большая группа китайских писателей, работников культуры и искусства и представители общественных организаций. Просторный зал одноэтажного, приземистого аэропорта был полон народом. Среди встречавших китайцев нетрудно было различить европейцев по облику и языку.

Первым приблизился к нам среднего роста, полный, смуглый человек, председатель Комиссии по связи с иностранными литераторами при Союзе писателей Китая товарищ Чэнь Бай-чэнь. К нему подошла стройная, хрупкая, с миловидным лицом китаянка.

— Ваша переводчица Наташа, — представилась она.

Девушка слегка картавила и по-русски говорила довольно бойко с едва заметным акцентом. Позднее мы узнали, что ее настоящее имя Ли Цзюн-цзинь и что ей двадцать два года. Она уже замужем и имеет двух престелстных детей — девочку полутора лет и трехлетнего сына.

При встрече по китайской традиции гостей перво-наперво угостили чаем. Друзья повели нас в один из залов аэропорта и усадили за невысокие столики, на которых стояли яркие цветастые термосы с горячим чаем. Во время чаепития в разговоре с Наташей мы узнали, что китайцы называют себя Ханьцзу. Слово «цзу» означает «народ», а «Хань» — название династии, правившей Китаем два-три столетия еще до нашей эры. Стало быть, они называют себя народом Хань, а государство — Чжунго.

От аэропорта до города восемь километров. Широкая асфальтовая дорога по обеим сторонам окаймлена могучими ветвистыми деревьями, похожими на наш карагач. За деревьями виднелись поля пшеницы и клевера. На автостраде не было такого непрерывного движения, как

у нас, машины встречались редко. Мы заинтересовались причиной этого. Чэнь Бай-чэнь по-китайски объяснил Наташе.

— Я был в Советском Союзе,— перевела девушка его слова,— и видел у вас целые табуны машин. У нас их мало, мы еще не успели выстроить автомобильный завод. Когда построим — а это уже скоро,— то каждые три минуты с конвейера будет сходить по машине. Сперва будем выпускать грузовики для нужд промышленности и сельского хозяйства, а потом и легковые машины. В ближайшие годы вступят в строй несколько автозаводов. Мы поставили перед собой задачу в десять-пятнадцать лет обогнать Англию. Насколько нам это удастся, покажет жизнь. А пока что мы пользуемся машинами, купленными у друзей, и трофейными машинами, отобранными у врагов.

Навстречу нам все чаще и чаще стали попадаться велосипеды, в основном трехколесные. Везли на них, судя по всему, нелегкую поклажу.

— Вот пока самый распространенный вид нашего транспорта,— заметил Чэнь Бай-чэнь.— В Пекине насчитывается около ста тысяч велосипедистов. Большинство из них кооперированы.

Помимо велосипедистов, по дороге нам встречались телеги, запряженные ослом, мулом или волами. К каждой телеге были прикреплены два небольших мешочка: один под самым хвостом животного, а другой — на задке телеги. На наш вопрос, для чего это, Чэнь Бай-чэнь ответил следующее:

— У нас пока что мало искусственных удобрений, нет своих заводов. По традиции наших экономных отцов мы решили использовать навоз домашних животных и собираем его очень тщательно.

Впереди показались крепостные ворота Пекина. Масивные, из серого кирпича, с плавно загнутой чешуйчатой крышей, как и у всех старинных китайских зданий, они имели толщину стен около тридцати метров.

— В давние времена крепостные стены окружали весь город,— пояснил Чэнь Бай-чэнь, когда наша машина проехала ворота.— Крепость стояла многие века, но в последнее время стала мешать росту города. Мы убрали стены и только кое-где оставили ворота. За ними сразу же начинается город.

— Пекин — один из старейших городов мира. Ему, как определяют историки, пять тысяч лет.

Мы выехали на древнюю, с невысокими, в основном двухэтажными домами улицу. Дома стояли серые, однотонные, словно покрытые несмываемой пылью прошедших тысячелетий.

С любопытством разглядывая улицы, я вспомнил одну из записей столетней давности в неопубликованном еще дневнике Чокана Валиханова. «На китайских улицах Кульджи, — записал Чокан в 1856 году, — нет ни одного домика, в котором со стороны улицы не было бы лавочки или кустарной мастерской...»

Пекин оставался таким же... Но Чокан Валиханов, кажется, упустил одну небольшую подробность: все подпорки, колонны, дверные косяки и вывески на домах были выкрашены в ярко-желтый, местами в ярко-красный или ярко-синий цвета. Краски сверкали свежестью, словно были наложены только сегодня.

Строго спланированных кварталов, характерных для наших городов, в Пекине мало. Улицы кривые, иногда кольцевые, узкие и запутанные. По обеим сторонам они довольно густо обсажены тенистыми деревьями.

Нас удивила одна любопытная деталь. Мы давно слышали, что китайские города отличаются теснотой и перенаселенностью. Перед нами был Пекин, столица, а не какой-нибудь заштатный городишко, но, странно, мы не заметили особенной суеты на его улицах, мы не видели гуляющих, празднующихся. Все работали, все были чем-то заняты. Изредка у светофоров останавливались машины, грузовые и пассажирские велосипеды, что на короткое время создавало впечатление какой-то загруженности — и только!

Мы уже знали, что в Китае много особого рода извозчиков, которых европейцы называли «рикшами». Есть они и сейчас, и я впервые видел их. На легких велосипедах одни рикши перевозили людей, а другие — огромные и, как видно, тяжелые грузы. Причем везли не просто

шагом, а обязательно рысцой. Все они были худые, загорелые и мускулистые. В большие тележки впрягались по пять-шесть человек.

Я долго пристально разглядывал их. Мне казалось, такая работа оскорбляет человеческое достоинство. Заметив мое любопытство, Чэнь Бай-чэнь обратился ко мне:

— До образования Народной республики, по статистическим сведениям, рикш было около двухсот тысяч. С каждым годом их число уменьшается, они постепенно устраиваются на другие работы. Сейчас рикш осталось около двадцати тысяч. Некоторые кооперированные артели рикш обзаводятся специальными велосипедами, облегчающими перевозки. Мы надеемся, что в течение ближайших десяти лет эта профессия исчезнет не только в Пекине, но и во всем Китае.

В разговор вмешался Вадим Николаевич:

— Прежде в стране было огромное количество безработных. Ясно, что в таких условиях каждый мог согласиться работать рикшей, лишь бы не пропасть с голоду. Закономерно.

Его поддержала Вера Казимировна, добавив, что рикши существовали веками, что они не могут исчезнуть за такой короткий срок — ведь народная власть существует в Китае всего лишь семь лет. Но все-таки уменьшить число рикш от двухсот тысяч до двадцати тысяч — удивительное достижение.

Вскоре мы выехали на улицу с высокими и нарядными домами. До революции здесь жили богатые капиталисты-иностранцы, а теперь располагаются правительственные учреждения и общественные организации.

— В Пекине пока что немного благоустроенных улиц, — говорит Чэнь Бай-чэнь, — но мы ведем широкое строительство. Скоро на месте старого города вырастет новый, красивый, социалистический Пекин. Конечно, не сразу, тотчас, — говорит он, будто извиняясь за слишком радужные перспективы столицы. — Для реконструкции и построения нового города потребуется несколько пятилеток.

— Здания, представляющие исторический интерес, вероятно, будут сохранены? — спросил Вадим Николаевич.

— Все до одного. В том же виде, со всеми деталями.

И если нужно, будем реставрировать. У нас в Пекине, да и в других городах, много ценных памятников старины. Мы постараемся показать их вам, насколько позволит ваше время.

Древние, загадочные памятники манили нас. Скорее бы познакомиться с ними, подробнее с Пекином и со всей страной!..

Чем дальше продвигались мы по улицам, тем больше раскрывался перед нашими взорами великолепный облик китайской столицы.

— Да, это действительно большой город,— единодушно согласились мы.

ПЕРВЫЙ МОСТ

Наши распорядители устроили нас в гостинице «Синь Цяо», что в переводе означает «Новый мост», в красивом, недавно выстроенном шестиэтажном здании. Очевидно, оно было предназначено для приема иностранных туристов — у входа мы встретили людей разных рас и национальностей.

Мне ответили 489 номер — нарядный полулюкс. Едва я успел устроиться, как постучали в дверь.

— Войдите!

Эми Сяо!

— Эми!

Мы крепко обнялись — ведь мы с ним старые друзья! Еще в 1931—1933 годах в Москве на литературном отделении института Красной профессуры мы сидели за одним столом. Эми Сяо — это псевдоним, настоящее его имя Сяо Сань. Он старше меня на четыре года, но в пору нашего обучения я помню его очень энергичным молодым человеком. Сейчас он изменился, постарел, как-никак исполнилось шестьдесят лет. Его короткие, подбритые усики и зачесанные назад волосы были по-прежнему угольно-черными, но морщинистое лицо было пепельно-серым, с печатью большой усталости. Я спросил, что с ним?

— Болею,— ответил Эми Сяо.— Ничего удивительного...

Да, ничего удивительного! С девятнадцати лет он в самой гуще революционного движения, молодым человеком вступил в Коммунистическую партию, почти тридцать лет вместе со своими соратниками нес на пле-

чах огромную тяжесть революционной борьбы, своими руками помогал строить Народный Китай. Трудно в такой напряженной борьбе и работе сохранить здоровье.

— Но все это ничего,— говорит Эми Сяо после рассказа о своих недугах.— Все-таки я достиг цели, живу в Народном Китае, участвую в строительстве социализма. А многие мои товарищи погибли на пути к счастью, так и не увидев победы. Теперь у меня одно желание — посвятить остаток жизни счастью народа и моей семье...

Немного отдохнув с дороги и переодевшись, я спустился в парикмахерскую. Я не без цели рассказываю о подобной мелочи. Пожилой китаец-мастер усадил меня в широкое кожаное кресло, легко откинул спинку, и я оказался в лежащем положении. Я ожидал традиционного намыливания, но мастер быстро растер в ладонях какую-то сверкающую мазь и легким прикосновением нанес ее мне на лицо. Окончив растирание, он взял бритву с тонким лезвием и толстым черенком и начал брить. Любопытный от природы, я краешком глаза глянул по сторонам. Рядом со мной, на таком же кресле лежал человек, похожий на араба. Другой мастер брил сверкающую, глянцевитую, как хромовая кожа, голову, тоже без мыла.

Я почти не ощущал прикосновения бритвы к подбородку, кроме блаженства, ничего не испытывал и удивлялся нежным, искусным рукам мастера. После бритья он мокрой горячей салфеткой обтер мое лицо, сделал легкий массаж, снова обтер сухим полотенцем и кивнул мне: «Готово, пожалуйста, можете вставать!» Я спросил, все ли так бреют, как он, без применения мыльного порошка и одеколona.

— Я вам причинил беспокойство? — спросил он.

— Нет, нет, благодарю вас! Чистое любопытство.

— Мыло и одеколон мы считаем лишней тратой материала. Мы, китайцы, привыкли работать экономно.

Мне осталось добавить:

— Не только экономно, но и хорошо!..

Немало удивлений доставило нам знакомство со знаменитой китайской кулинарией. Мы пошли обедать вместе с Чэнь Бай-чэнем и Эми Сяо.

— В наших больших ресторанах обычно две кухни — европейская и китайская,— предупредил нас Чэнь Бай-чэнь.— Какую вы пожелаете?

Мы слышали, что китайцы едят змей, лягушек и вся-

ких неприятных червячков. Деликатная Вера Казимировна первая нашлась, что ответить:

— Нам все равно, какая кухня, лишь бы вкусно.

— На вкус, говорят, товарища нет,— улыбнулся Чэнь Бай-чэнь.— Мое любимое блюдо может показаться невкусным другому человеку. Пожалуйста, сами выбирайте. По утверждению специалистов кулинарии, европейская кухня имеет около пятидесяти названий блюд, а китайская готовит их до пятисот. Вас, как почетных гостей, мы можем угостить обедом из ста блюд!

— Ого! — воскликнул Вадим Николаевич.— Я согласен на китайскую кухню.

— Если будут поданы блюда, которые вам не по вкусу, то вы сами просите замены, не стесняйтесь,— посоветовал Эми Сяо.

— Нет, так не годится,— возразил я.— У казахов есть поговорка: «Чем угощать по требованию, угощай кулаком!» Лично я буду есть все, что поставят передо мной.

Мы обедали в зале фантастически красивом, нарядно убранном в китайском стиле с орнаментом и пышно раскрашенными вазами. И в аэропорту, и в гостинице я обратил внимание на изящную и, в отличие от европейской, низкую мебель.

В Китае большинство кулинаров и официантов — мужчины. Они работают легко и расторопно. Кушанья подают небольшими порциями и беспрерывно, одно за другим. Между блюдами из питательных трав и морских растений подаются блюда мясные и из морских животных. Все они имеют оригинальный вкус и вызывают хороший аппетит. Для еды подают ложки и две тонкие, длиною в четверть, палочки. Сами китайцы орудуют палочками очень ловко. Даже пшениные крупинки подхватывают они так легко, будто склеиваются.

Мы же с палочками мучились, но отказываться от еды, разумеется, не думали. Под смех и шутки наших товарищей мы решили, что лучше отказаться от палочек, нежели от еды, и попросили европейский столовый прибор.

За обедом хозяева усердно потчевали нас винами, водкой, но сами пили крайне мало, лишь слегка пригубливали. Кстати, пьянства, как такового, в Китае вообще нет. За двухмесячное свое путешествие по городам и селам мы нигде — ни на улицах, ни в ресторанах и столовых — не видели ни одного пьяного китайца. Видно, этой

традиции крепко придерживались и наши хозяева. Они приносили остроумные, любезные, можно сказать, медовые тосты, и я убедился, что китайцы — мастера говорить и вряд ли какой другой народ может перещеголять их в изысканности.

За столом, глядя на наших хозяев, и мы пили очень немного, зато ели не меньше их. Из блюд, поданных нам в первый день, меня немного насторожило кушанье из трепанга. Слизистый, темно-зеленый, скользкий, он был подан в сваренном, теплом виде. Признаюсь, без привычки решиться съесть такое блюдо было трудно.

Рассказ о китайской кухне мне хочется закончить наиболее пикантным блюдом — из змеиного мяса.

Мы были в гостях у Эми Сяо. Присутствовали многие китайские писатели, артисты, работники культуры. Одно за другим следовали вкусные блюда... И вот подали жареное мясо. Из большого подноса все стали накладывать на свои тарелки. Я тоже взял небольшую долю и стал жевать, пытаясь по вкусу определить, что это за мясо. Напоминает говяжьи почки... Очень вкусно...

Затем объявили перерыв, и все мы вышли в садик во дворе. Здесь, в чудесном саду, моему изумлению и восторгу не было конца. Привыкший к необозримым просторам своей родины, я просто изумлялся, как на участке, прямо-таки величиной с ладонь, китайцы умеют сделать нечто невообразимое. На маленьком дворе цвел сад с удивительными, пышными растениями, названия которых я не знал. В цветах заливался соловей, словно желая угодить дорогим гостям. Под руку с Эми я прогуливался по коротким дорожкам сада.

— Сабит, тебе понравилось последнее блюдо? — спросил мой друг.

— Вкуснее ничего не может быть, — искренне ответил я.

— Если еще раз подадим, станешь есть?

— Конечно!

— Представь себе, это блюдо приготовлено из змеиного мяса.

Мне осталось только философски подумать, что все в мире относительно...

В один из первых дней мы побывали у советского посла в Пекине Павла Федоровича Юдина. Он является одним из моих учителей. В тридцатых годах в институте

Красной профессуры Павел Федорович читал нам курс советской литературы. В сороковых годах он работал в аппарате ЦК, занимаясь вопросами идеологии, а после войны был послом в Германской Демократической Республике. С начала пятидесятых годов он посол в Китайской Народной Республике. Об этом я знал и раньше, из печати, хотя не встречался со своим учителем более десяти лет. Суровое время наложило свой отпечаток на его облик — густые, выющиеся волосы его поределели, на лице появилось много морщин, но сам он остался таким же ясным, спокойным и мягким человеком.

Мы беседовали больше часа. Павел Федорович многое рассказал нам о жизни сегодняшнего Китая и о его будущем.

— Но это только слова,— сказал он в заключение.— Для писателя лучше видеть все своими глазами. Я понимаю ваши благие намерения и неперменное желание объять необъятное. Но, к сожалению, у вас мало времени, всего-навсего один месяц! А Китай — это великий океан.

— Может быть, вы нам поможете обрести недостающее время? — спросил Вадим Николаевич.— Хотя бы еще на месяц продлить наше путешествие.

Юдин обещал помочь, а пока посоветовал не терять времени и выбирать маршрут.

Вечером в гостинице я сел за дневник записать сегодняшние впечатления.

Ночь... Стих дневной шум, город, казалось, готовился к ночному отдыху. Из широкого окна вдали мне виден темный силуэт строящегося моста через большой канал. Он будет делить город на две равные части. Город уже засыпал, а работа на мосту не прекращалась. Светили фонари, местами, то там, то здесь, сверкали синеватые огни автогенов. Я уже знал — они будут сверкать до рассвета, пока не растворятся в свете наступающего дня.

Я вспомнил — Эми Сяо рассказывал, что этот мост двухъярусный. Внизу по нему пойдут машины, всевозможный транспорт, а по верху — пешеходы. Строительство моста должно закончиться в следующем году. Он будет самым большим и самым красивым мостом во всей Азии...

Я склонился над записной книжкой. Записей пока было не так уж много, да и путешествие только начиналось. Я утешил себя пословицей «Поспешишь — людей насмешишь» и обстоятельно, не торопясь, стал перебирать в

памяти все события, все встречи за последнее время. Я задумался: «А что же можно записать из сегодняшних впечатлений, какую главную, какую хорошую мысль выделить?»...

Я вспомнил название нашей гостиницы «Синь Цяо» — «Новый мост». Это первый китайский дом, в который мы вошли. Наш путь в другие дома и вообще по стране начинался с него. «Новый мост» это не только название, это новый переход на нашем жизненном пути к новым людям, встречам, впечатлениям. Этот мост как бы соединял в моей душе родину с Китаем, это, наконец, был еще один мост в светлое завтра человечества...

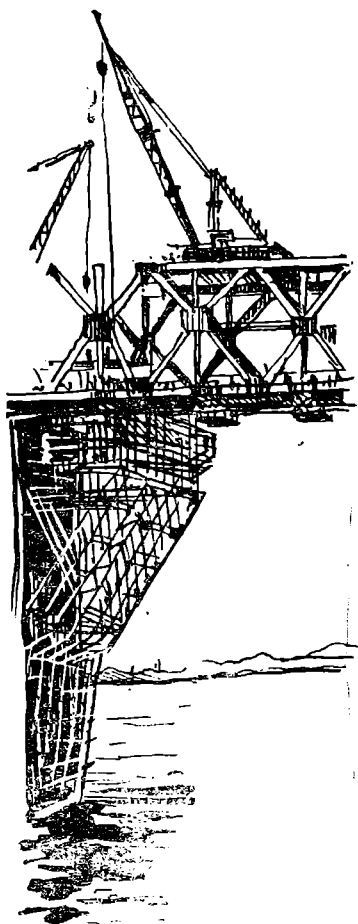
КОРОТКО О МАРШРУТЕ

На следующий день нас принял председатель Всекитайского объединения писателей и министр культуры товарищ Мао Дунь. Он не один раз уже бывал в Советском Союзе и встречался со многими нашими писателями. С первых же слов он выразил удовлетворение нашим приездом и поинтересовался сроками путешествия. Когда мы ответили, он пожалел, что времени у нас не столь уж много.

— За такой срок вы успеете разве только на самолете совершить прогулку по Китаю. Вам придется выбрать несколько городов для более детального ознакомления и не распыляться на все сразу. Какие у вас самих предложения, желания?

— Желание у нас одно — узнать как можно больше, — ответил за всех Вадим Николаевич. — А что вы покажете — воля ваша!

— Народная власть в стране существует всего седьмой год и, несмотря на значительные успехи, есть еще теневые стороны, — ответил Мао Дунь, — и немало порочного. Короче говоря, еще много такого, до чего просто не дошли руки. Мы не любим чужих писак, которые возвеличивают недостатки и кроме них ничего не видят. Но вам-то мы можем показать все, — продолжал Мао Дунь с улыбкой, — вы — другое дело, мы с вами свои люди. Мало того, нам хочется, чтобы в советской стране узнали о нас как можно больше, чтобы мы увидели и наши недостатки, которых мы, может быть, не замечаем. Я ду-

маю, всему миру известна та огромная помощь великого нашего друга Советского Союза, которую он оказывает нам в развитии нашей экономики и культуры. Ваш народ знает, в каких условиях мы живем, хорошо понимает наше положение. Мы искренне хотим, чтобы советские люди знали о наших и достижениях и недостатках.

Когда мы стали выбирать маршрут и советоваться, как нам лучше увидеть наиболее интересное, Мао Дунь рассказал, что в Китае проживает более сорока различных национальностей. Среди них имеются народности, насчитывающие миллионы человек, — монголы, тибетцы, дунгане, уйгуры, но есть и насчитывающиеся только тысячами — яо, сибо, ли и другие. Девяносто шесть процентов населения — собственно китайцы, или, как они себя называют, Ханьцзу. Они живут по всей стране, но основная масса их сосредоточена в центральной части. Национальные меньшинства рассеяны в основном в северных, южных и западных провинциях.

— Вы можете выбирать любое направление, любую провинцию.

— Прежде всего нам хочется ознакомиться с Ханьцзу, с народом, составляющим основу государства, —

выразил свое пожелание Вадим Николаевич.

Мы с Верой Казимировной поддержали его.

— А что, если вам начать с Пекина? — немного подумав, сказал Мао Дунь. — Это самый древний город, к тому же столица. Знакомиться придется бегом, город большой. Отсюда можно поехать на юг, в Кантон, затем на восток, в Шанхай, и по пути сделать остановки в Ханькоу, Нанкине и других городах. Осмотрев их, вы будете иметь возможность сравнить наши города, расположенные в разных концах страны, узнаете их отличительные особенности.

— Пусть будет так! — решили мы.

— Хорошо, если в Кантоне вы успеете побывать до наступления жары. Город расположен на границе с тропиками и с середины июня там наступает невыносимый зной. Я знаю, что в Советском Союзе есть немало городов с жарким климатом, но с Кантоном в этом отношении их не сравнить.

Мы последовали совету Мао Дуня, осмотрели Пекин и через несколько дней вылетели в Кантон. Нас сопровождал китайский писатель Гун Мо, человек немногословный, деликатный, очень начитанный, хорошо знающий историю своего народа. Он больше слушал, нежели говорил. Впрочем, деликатность в обращении — отличительная черта большинства китайцев. Вместе с нами была Наташа — Ли Цзюн-цзинь и второй переводчик Ху Дэ-жэнь, которого мы звали просто Сашей. По натуре верткий, проворный, он был полной противоположностью сдержанной изящной Наташе. Ему тоже было двадцать два года, как и Наташе, и он шуточно говорил, что уже давно помышляет жениться, да все никак не соберется — слишком много на свете красивых девушек, не знаешь, на какой остановить свой выбор.

Мы побывали в Кантоне, Ханькоу и Шанхае и, насколько позволяло нам время, ознакомились с этими городами и их окрестностями и снова вернулись в Пекин. Срок нашей командировки истекал. Что было делать?

Мы успели увидеть, наверное, только одну тысячную долю того, что бы нам хотелось увидеть. Досадую на малые сроки, мы все-таки сознавали, что увидели много такого, чего никогда бы не узнали из книг. Мы ознакомились с жизнью городского и сельского населения Ханьцзу и теперь мечтали узнать, как живут другие народности Китая.

Нас выручил Павел Федорович Юдин. Поговорив с Москвой, он получил разрешение продлить нашу командировку еще на один месяц.

Теперь было решено разбить нашу, и без того маленькую, бригаду из трех человек на две части. Кетлинская и Собко выбрали направление в сторону Харбина и Мукдена, где среди китайцев много русских, а я решил поехать в Синьцзян в Кашгарию, искать следы Чокана Валиханова. Я давно собираю материал о жизни и деятельности казахского просветителя и думаю со вре-

менем написать о нем роман. Синьцзян прежде назывался Кашгарией и одно время Восточным Туркестаном. Эту страну Чокан посетил в 1857 году и оставил о своем путешествии интересные записки. Теперь мне хотелось побывать в тех местах, где бывал он, и описать их. Спутники одобрили мое решение.

В Синьцзян я вылетел утром 19 июня, сделал по пути две или три незначительных остановки и в тот же вечер заночевал в городе Ланьчжоу. Это — конечная остановка новой железной дороги Актогай — Ланьчжоу, названной «Дорогой Дружбы». Я ознакомился с городом, его окрестностями, побывал на строительстве дороги, по которой пойдут поезда из Казахстана, и поехал дальше, на восток, в город Кумул (по-китайски Хами), и, наконец, достиг Урумчи — центра Синьцзянской автономной области.

Целый месяц проездив по городам и селам Синьцзяна, побывав в Кульдже, я 21 июля прибыл в пограничный город Кургас, или по-русски Хоргосс.

Здесь, на границе, уже порядком утомленный, я всю ночь просидел за столом над рукописью и только на рассвете задремал, склонившись на листы моих записок. Всю ночь я перечитывал записные книжки. За время вылета из Иркутска и до сего дня я сделал ни много ни мало как 496 страничек записей. Перечитывая их, к своей неожиданной радости я понял, что за два месяца беглого ознакомления с жизнью великой страны я увидел и узнал много нового и интересного. И я решил, вернувшись на родину, привести в порядок свои записки, дополнить их и написать небольшую книгу.

Прошло два года, прежде чем мне удалось выполнить это намерение¹. Помешали другие, неотложные дела, которых так много в повседневной жизни. К тому же я создал, что писать о такой великой стране сходу, не продумав увиденного, не записав впечатления, — дело трудное и ответственное. Мне не хотелось ограничиваться только увиденным, и я засел за книги. Между очередными делами я просматривал все, что было издано у нас о Китае, о его прошлом и настоящем. И чем больше я читал, чем больше узнавал, тем труднее мне было организовать материал и написать.

Но писать было нужно. Своим литературным трудом

¹ Книга на казахском языке вышла в 1959 году.

я должен был отблагодарить братский народ за сердечное гостеприимство. Но как это сделать? Сумею ли я создать произведение, отражающее всю глубину помыслов этого народа, всю широту жизни этой страны?..

Я вспомнил изречение мудрого Абая: «Ты превратишься из свободного в раба, если на недостижимое устремишься». Вспомнил я и другую не менее мудрую истину о том, что необъятное не обнимешь, и в своей книге решил ограничиться простым обзором своих впечатлений во время путешествия.

Я еще раз напомним читателю о многочисленности китайского народа. Многие знают о том, что долгое время неправильно учитывалось население Китая, не было учтено сто с лишним миллионов, что равно населению таких государств, как Франция и Италия, вместе взятые. Вполне возможно, что шестьсот миллионов тоже не являются точной цифрой, потому что много неучтенного населения живет в тропических лесах и в труднодоступных горных районах.

Приведу такой интересный разговор. Будучи в Пекине, мы побывали на приеме у премьер-министра товарища Чжоу Энь-лая. В дружеской беседе разговор зашел о населении Китая и о рождаемости каждый год.

— Чем лучше благосостояние народа, тем выше рождаемость, — ответил нам Чжоу Энь-лай. — К примеру, в прошлом 1955 году у нас родилось двадцать три миллиона детей.

— Так это равно населению Польши! — воскликнул Вадим Собко.

Сто два года тому назад в своем дневнике Чокан Валиханов отметил, что многочисленные агрессоры, пытавшиеся поработить Китай, не могли нарушить его национального единства. Мало того, они сами растворились в народе и стали китайцами.

«Китай пока отстаивается, набирает силы в своей глубине, — писал Чокан, — но настанет день, когда этот океан взволнуется, забушует и тогда он покажет себя!..»

Чокан оказался ясновидцем. Его предсказание сбылось в наши дни. После долголетней и упорной борьбы китайский народ завоевал свободу, создал свое правительство и вступил на путь социализма.

Уважаемый читатель! До сих пор по мере своих способностей я писал нечто вроде рассказа обо всем виден-

ном, слышанном, пережитом мною, писал кратко, по порядку, начиная с первого дня. Теперь же мне хочется начать повествование, как-то систематизировав свои впечатления. Вначале я расскажу о Центральном Китае, а затем о провинции Синьцзян. Еще раз хочу напомнить о том, что речь пойдет о Китае 1956 года. В стремительно развивающейся стране многое изменилось, стало славной историей борьбы за построение социализма.

Глава вторая

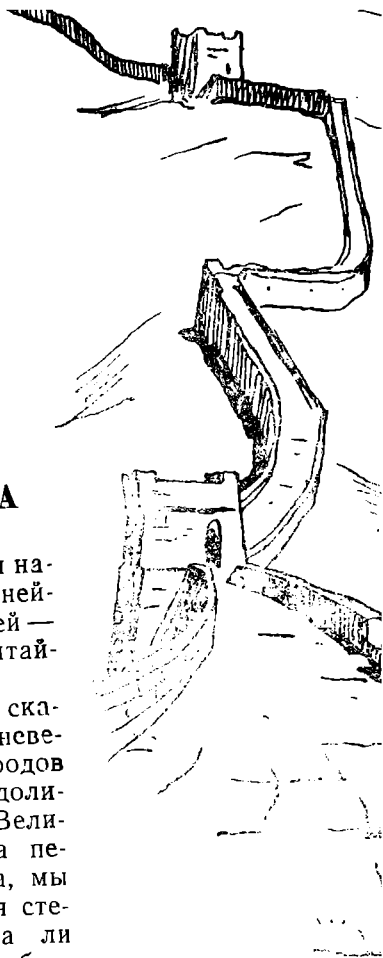
ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ СТЕНА

Знакомство с Китаем я решил начать с описания одного из древнейших его достопримечательностей — всемирно известной Великой китайской стены.

Кто из нас не слышал о ней сказок и рассказов, правдивых и невероятных? Почти у всех народов мира все самое трудное, непреодолимое обычно сравнивалось с Великой китайской стеной. И когда перед нами стоит легкая задача, мы говорим: «О, это не китайская стена!». Посмотрим же, всегда ли правы были люди, когда они обращались в трудную минуту к такому сравнению.

Только вчера мы пролетели над этой мировой знаменитостью и с борта самолета имели удовольствие обозреть в течение нескольких минут ее нечеткие, теряющиеся в далах контуры. И естественно, еще в полете у нас возникло желание ознакомиться со стеной поближе, приблизиться к ней, воочию убедиться в ее неприступности. Да и кому из людей земного шара не захочется сделать этого!

И вот сегодня мы выехали из Пекина по широкой асфальтовой дороге в направлении на северо-запад. На

первой машине ехали Гун Мо, Наташа и я, на второй — Вера Казимировна, Вадим Николаевич и Саша. День выдался ясный и сравнительно нежаркий. По обеим сторонам дороги часто проносились села и деревни. Километрах в двадцати от Пекина из высокой трубы какого-то завода валил густой дым. В первый день, как и водится, нам все было интересно, все занимало наше внимание, все вызывало любопытство: и эти, остающиеся позади незнакомые деревни и этот неизвестно что производящий завод.

— Но только не задерживаться, — деликатно предупреждает Гун Мо. — Мы едем в гористую местность, а там у нас часто бывают дожди. Надо поторопиться осмотреть стену, пока ясно. В дождь у нас не будет настроения, да и стена будет выглядеть иначе.

Проехав километров тридцать, мы очутились среди гор, не слишком высоких, особенно в сравнении с нашим Ала-Тау, не покрытых лесами. Изредка попадались голые, отвесные скалы. Всюду журчали родники, ручьи и речки. На пологих склонах оврагов, на дне ущелий, на холмах густо лепились китайские селения — их называют цунями. В селениях было много народу, но, как и в Пекине, не видно было зевак и праздношатающихся. Все чем-то заняты, все копошатся, как трудолюбивые, дружные муравьи. Возле цуней раскинулись фруктовые сады. Не было ни одного клочка необработанной земли не только между селениями, но даже на улицах и площадях внутри селений. Яркие, пышные цветы красовались на маленьких клочках земли перед окнами и дверями и даже на крышах фанз.

Когда мы стали переваливать через один из хребтов, то впереди, справа и слева, увидели две довольно высоких горы. По ним цепочкой в несколько рядов тянулись какие-то ряды, издали похожие на ряды овец, привязанных одна к другой бесконечно длинным арканом.

— Обратите внимание, это стена! — сказал Гун Мо. Оказывается, Великая стена не везде тянется в одну линию. В иных местах она делится на несколько ответвлений. Здесь в семидесяти километрах от Пекина стена имела семь рядов. Все они смыкались в один ряд где-то далеко-далеко. Чтобы достигнуть основной, седьмой стены, мы должны были проехать через ворота шести смежных стен.

С вершины перевала мы видели, как параллельные линии стены то спускались в низину, то опять взбирались на другой склон горы и скрывались из глаз.

Беспокойно оглядываясь по сторонам, стараясь не упустить ни одной детали, мы проехали через шесть ворот. Каждые из них имели толщину стен в двадцать-тридцать метров. Возле долгожданных седьмых ворот мы увидели скопление многих машин и людей.

— Конечный пункт, — объяснил Гун Мо. — Для проезда дальше требуется специальный пропуск.

Стоя внизу, мы попытались определить высоту ворот и близлежащей стены. Прикинув наметанным глазом, бывший воин Вадим Николаевич Собко сказал, что ворота имеют высоту не меньше пятнадцати метров, а стена — не меньше десяти метров. Ворота и стены были облицованы гранитом.

Стояла ясная погода. Легко одетые, оживленные, любопытные люди поднимались на стену и опускались с нее по нескольким внутренним, расположенным в нишах, лестницам. Мы тоже вошли в одну из ниш и увидели перед собой гранитные ступени. За долгие столетия они были истерты и отполированы ногами миллионов людей. Мы пошли по древнему граниту. Подъем изрядно утомил нас, и мы едва добрались до так называемой «башни» — небольшой площадки, без крыши, огороженной гранитной стеной высотой в человеческий рост. В стене имелись бойницы и два, по обеим сторонам, выхода. Отсюда хорошо обозревались окрестности. Вдали, на стене, мы заметили еще две-три таких башни, расположенных на довольно далеком, примерно с километр, расстоянии одна от другой. Между башнями в нескольких местах были пристроены широкие наружные лестницы, тоже из гранита, одни пологие, а другие довольно крутые. И всюду на седьмой стене виднелись люди. Стена уходила вдаль, поднималась на гору, переваливала через вершину. Сколько видел глаз, везде карабкались люди. Издали они казались маленькими движущимися куклами, вышедшими на прогулку в горы.

— Далеко ли до той горы? — спросили мы Гун Мо.

— Не меньше трех километров, — ответил он. — Но любители древностей не считаются с этим, лезут и на гору. Попадают такие пешеходы, которые с рюкзаком за плечами совершают по стене многодневные путешествия.

— А как мы, не рискуем? — спросил Вадима Николаевича.

Я уже писал, что Собко во время Отечественной войны лишился правой ноги и сейчас ходил с помощью костылей. Как же он станет взбираться на гору? А если не сможет, разве мы его оставим?

Словно поняв мои мысли, неизменно добрый, никогда не унывающий Вадим Николаевич задорно сверкнул своими глазами, еще раз оглядел гору и решительно произнес:

— Давайте подниматься! Я постараюсь пройти сколько смогу. В крайнем случае присяду, подожду вас, а вы пойдете дальше.

Решение было принято единогласно, и мы стали взбираться. Вадим крепился долго, шел не отставая от нас, но вынужден был сдаться первым и сел отдыхать. Дальше мы пошли втроем — Вера Казимировна, Гун Мо и я. Ступени были крутыми, мышцы уставших ног судорожно подергивались, мы задыхались. Никто из нас так и не добрался до вершины. Следующими остановились мы с Гун Мо. Вера Казимировна продолжала мужественно взбираться, но и она скоро остановилась, обернулась к нам, прокричала: «Ох, и устала!» — и повернула обратно.

Мы немного отдохнули и решили спускаться к Вадиму Николаевичу. Когда повернули обратно и прикинули, сколько же нам идти, то мы невольно приуныли. Как говорил один казах: «Хотя и в шутку, а пробежал немало!» Незаметно для себя, не оглядываясь, мы забрались довольно высоко. А как известно, спускаться с крутой горы куда труднее, чем взбираться на нее, особенно усталым людям!

Еле-еле мы добрались до Вадима Николаевича. Яркое светило солнце, времени прошло немного, но мы после энергичной прогулки изрядно проголодались. Предусмотрительный Гун Мо, к нашей всеобщей радости, захватил с собой провизию, и мы уселись закусывать тут же на стене. Мы ели и с удовольствием обзоревали бескрайний простор.

Отдыхая, мы, конечно, говорили о стене, на которой сидели. Под рукой очень кстати оказалась книжка с историческими сведениями, и мы начали ее листать. Оказалось, что отдельные части Великой стены были известны

еще за два-три века до нашей эры. Но, по словам Гун Мо, никто сейчас не может достоверно указать время ее возведения.

— Очевидно, она возникла вместе с народом Ханьцзу, — говорит он. — А народ был известен в истории человечества за пять-шесть тысячелетий до христианского летоисчисления.

Во времена Ханьской династии стена постоянно удлинялась, достраивалась, разрушенные ее части обязательно восстанавливались. Стена служила защитой Китайской империи от нашествия гуннов, монголов, маньчжур и других племен. Из века в век народ продолжал строительство этого гигантского оборонительного сооружения. И лишь при династии Минов, в XIV—XVII веках нашей эры, прекратилось возведение стены. Разрушенные места с того времени больше не восстанавливались.

Известно, что самая длинная, непрерывно тянущаяся часть стены составляет 1 800 километров. А если учесть, что она во многих местах разветвляется на ярусы, то общая длина ее, по одним сведениям, равна пяти тысячам километров, по другим — шести тысячам. Я представил, что в нашей стране такая стена заняла бы пространство между Алма-Атой и Ленинградом.

— Между прочим, точная длина стены еще не установлена, — говорит нам Гун Мо. — Еще ни один человек не прошел ее от начала до конца. Охотников изучить ее целиком — много, и кажется, они вполне могут открыть еще неизвестные нам части стены и ответвления. Так, например, в начале нашего столетия известный английский археолог Стейн в песках Гоби обнаружил неизвестную в истории часть стены протяженностью в несколько сот километров!..

Установлено, что стена построена в основном из двух материалов: в гористой местности из камня, а в степной — из карабуры, о которой я расскажу позднее.

Мы внимательно изучили стену вблизи нашего привала. Она имела высоту местами девять, местами пятнадцать метров и ширину от шести до двенадцати метров. Гранитные и мраморные плиты служили как бы облицовкой, причем гранит был по бокам, а мрамор сверху. Пространство внутри было заполнено мелким гравием, смешанным с глиной. Ворота и башня целиком состояли из гранита или мрамора.

Как сумели китайцы несколько тысяч лет тому назад перетащить и поднять на высоту такие огромные каменные плиты по несколько тонн весом каждая! А таких башен, по утверждению знатоков, располагается вдоль всей стены ни много ни мало шестьдесят тысяч!..

Из гранита и мрамора возведено три четверти Великой стены. Один из инженеров подсчитал, что на постройку каждого километра потрачено 42 тысячи кубометров камня. Сколько же камня потребовалось на сооружение всей стены? И что самое удивительное — камни в стене в большинстве случаев не похожи на породы, встречающиеся в здешних местах. Они доставлялись из других частей Китая.

Вадим Николаевич достал блокнот и что-то подсчитал.

— Сто шестьдесят восемь миллионов! — воскликнул он.

— Что??

— На постройку всей стены потрачено сто шестьдесят восемь миллионов кубометров камня.

И это в те времена, когда на каменоломнях и карьерах не было даже намека на современную технику, когда недельная выработка одного рабочего не превышала одного кубометра! Сколько миллионов людей и за сколько дней могли добыть сто шестьдесят миллионов кубометров?

— То были времена рабовладельчества, — заговорила Вера Казимировна. — В каменоломнях работали рабы. Одни из них, обессиленные и изнуренные, падали и тут же умирали, а на их место ставились другие! Это был упорный терпеливый, рабский труд... Но меня удивляет другое. Товарищ Гун Мо сказал, что большая часть камней доставлена издалека. Каким же способом их доставляли, каким транспортом пользовались?

Вадим Николаевич красноречиво почесал затылок.

— Тайна древней эпохи! Та же самая загадка, что и в египетских пирамидах!

— Пирамиды пустяк по сравнению с этой стеной, — возразила Кетлинская. — Стена превосходит тысячи пирамид.

— Это верно, — согласились мы.

Я уже говорил, что при сооружении стены древние китайцы пользовались наряду с камнем и карабурой.

Уважаемые читатели моего романа «Сыр-Дарья», вероятно, помнят, что это за строительный материал. Казахи обычно сооружали из карабуры довольно крепкие и долговечные плотины на реках. Каким образом?

Из молодого камыша свивали длинные толстые жгуты и растягивали их параллельно на земле, на расстоянии метра один от другого. Затем сверху на жгуты клали поперек слой камыша толщиной в четверть, все это забрасывали толстым слоем сухого песка и глины и обливали водой. Все это месиво в заключение свертывалось валиком, как это делают казахи при валке войлока или кошмы. Получалось нечто похожее на огромное толстое бревно. Это и называется карабурой. Несколько таких бревен карабуры укладывается штабелем на дно реки, поперек течения. Высота запруды наращивается до необходимого уровня. Во времена, когда не было в обиходе ни цемента, ни железобетона, для строительства плотин карабура являлась самым надежным и легкодоступным материалом. Все народы Востока, занимавшиеся поливным земледелием, для гидротехнических сооружений с древних времен пользовались карабурой.

Оказалось, что при сооружении стены, да и других монументальных сооружений, мудрые китайцы тоже использовали карабуру. Юго-западная часть Великой стены, длиной около восьмисот километров, проходит по песчаным пустынным степям. Камни здесь встречаются редко, а если и попадаются, то чаще известняк, очень хрупкий, легко поддающийся разрушительной силе ветра и воды. На помощь пришла карабура. Стена, построенная из нее, выдержала испытание временем. Ни знойные лучи, ни холодные ветры, ни бурные ливни не смогли ее разрушить, по сей день она стоит в полной сохранности. И только местами повреждена во время нашествия вражеских полчищ.

Вдосталь наговорившись о размерах стены, о строительном материале, мы коснулись причин, которые побуждали китайцев воздвигнуть на границах своей империи такое колоссальное сооружение. Ответ был ясен с самого начала — любая крепостная стена воздвигается для защиты от нападения врага и в меру своей крепости выполняет свою задачу. Оправдала ли стена такие надежды, оправдала ли она огромный труд нескольких

поколений или с самого начала ей было суждено лишь удивлять мир своими размерами и мнимой неприступностью?..

О том, что китайцы являются одним из древнейших народов мира, о том, что отдельные роды его были известны истории за четыре-пять тысячелетий до нашей эры, что разрозненные китайские племена стали объединяться в одно целое при Инь или Шанском государстве, за полторы тысячи лет до христианского летоисчисления, мы знаем из литературы.

Иньской династии не удалось целиком объединить всю огромную территорию, населяемую китайскими племенами. Это свершилось при Циньской династии. Вероятно, поэтому китайцев всюду называют «чинами». Казахи, например, называют их «шинами». Упоминающееся в песне «Корлан» известного казахского певца Естая «Шин-машин», вероятно, означает искаженное «цин»¹. Почему же русские называли этот народ китайцами? Существует много предположений, но какому из них отдать предпочтение — сказать трудно.

За два века до нашей эры началась эпоха царствования Ханьской династии. Родоначальник ее объединил воедино все китайские племена и создал Великую китайскую империю. Вот почему китайский народ по сей день называет себя Ханьцзу, то есть народ Хань.

После Ханьской династии государство то дробилось, то снова воссоединялось, пока в 1234 году не было покорено Чингис-ханом. Под названием Белой Орды Китай становится одной из частей Великой монгольской империи. Столицей Белой Орды объявляется Пекин.

В истории этого завоевания достойны удивления два факта: во-первых, как ни строили китайцы стену из поколения в поколение, она не смогла защитить их от нашествия монголов, и, во-вторых, оседлые, хорошо защищенные крепостями, с высокой культурой и по численности намного превосходящие завоевателей, как могли они покориться монголам — кочевому, невежественному и малочисленному народу? Некоторые историки объясняют это междоусобицей, начавшейся в те времена между китайскими князьями. Недаром казахская поговорка гласит: «Шестеро врозь не сделают того, что четверо вместе».

В 1644 году Китай был завоеван северным соседом — маньчжурами, кочевым, малокультурным народом. И на этот раз завоеватели были по численности вдесятеро меньше покоренных, и на этот раз Великая стена не смогла преградить дорогу захватчикам. С того времени Маньчжурская династия правила страной вплоть до одиннадцатого года нынешнего столетия.

С середины прошлого века кровавые руки империализма начинают протягиваться к обширной стране. С того времени все сменяющие друг друга императоры являлись марионетками иностранных государств.

В 1911 году последний император Маньчжурской династии пятилетний Пу И был свергнут. Вместо монархии, существовавшей две с половиной тысячи лет, установилась республика. Новое правительство возглавил Юань Ши-кай. Однако и он служил не китайскому народу, а грабившим страну английским, французским, американским и российским империалистам и вся его деятельность была подчинена их интересам. Против Юань Ши-кай боролась партия Гоминьдана во главе с Сун Ят-сеном. Его партия пришла к власти в 1917 году и повела страну по пути прогресса. Но после смерти Сун Ят-сена во главе Гоминьдана становится Чан Кай-ши. Начались годы реакции. Новое гоминьдановское правительство повело антинародную политику, Чан Кай-ши пошел на компромиссы с японскими оккупантами, распоряжавшимися в Китае с 1937 по 1945 год.

В 1920 году под руководством Мао Цзэ-дуна создается Коммунистическая партия Китая. За короткий срок она становится могучей силой, способной руководить революционным движением. Ряды партии растут из года в год, растет ее авторитет среди народных масс. Она организует и возглавляет борьбу за национальную независимость, за национальное освобождение шестисотмиллионного народа. В 1949 году народ, руководимый Коммунистической партией, одерживает полную победу над внутренними и внешними врагами и на всей огромной территории, кроме острова Тайваня на юго-западе и Гонконга на юге, впервые в истории Китая создает великое, народное независимое государство.

Нелегко далась эта победа. Тот, кто сейчас посетит Китай, может увидеть еще немало интересных сле-

дов героической борьбы Коммунистической партии за создание народной власти.

Когда нам приходилось лететь над Китаем, мы не раз обращали внимание на многочисленные крепости, раскинувшиеся на горных склонах и вершинах. Таких крепостей много в Синьцзянской провинции и в Советско-Китайской пограничной зоне. Сперва мы принимали эти крепости за старинные замки князей, но потом оказалось, что все они были построены правительством Чан Кай-ши для ограждения Китая от революции!.. Как много их понастроили! Сколько средств и рабочей силы потратила китайская реакция на это мероприятие!.. И все попусту, ни одна из крепостей не смогла противостоять все возрастающей силе революционного движения. Народная армия, не задержавшись ни у одной крепости, очистила территорию от врагов. Пресловутые крепости не спасли Чан Кай-ши и его приспешников. Они бежали на остров Тайвань под защиту американских империалистов и по сей день хозяйничают там. Но китайцы говорят, что скоро рухнет и этот последний оплот империализма на китайской земле.

А Гонконг?

По сравнению с Тайванем это маленький клочок земли возле южного города Кантона. Здесь протекает Жемчужная река. Она делит город надвое и впадает в Южно-Китайское море. Устье реки китайцы называют «Пастью тигра». Неподалеку находится Гонконг. Дальше устья проход в море закрыт, потому что в Гонконге хозяйничают англичане!..

Не достойно ли это удивления? Англичане после изгнания, как утопающий за соломинку, ухватились за клочок китайской земли и закрепились на нем. Что они могут сделать с великой страной, на что надеются?

— Если раньше это место было Пастью тигра для китайцев, то теперь клыки этой пасти направлены в сторону англичан, — сказал однажды китайский поэт Чэнь Лю-тинь. — Пусть только вздумают хоть на шаг продвинуться в нашу сторону, мы их растерзаем злее самого злого тигра!..

Мы еще долго сидели на верху стены и вели неторопливый разговор обо всем понемногу — о жизни, о стене, об истории и политике.

— Уже вечерет, может быть, нам пора возвращать-

ся?.. — задумчиво произнес наш китайский друг. — Великая стена, да и другие памятники древней культуры, безусловно интересны. Вы убедились, что стена длинная, высокая, прочность ее проверена веками. Но стена и раньше не могла защитить китайский народ от поражения, от страданий и вечной нужды и сейчас не сможет. Единственное, что сможет защитить и поднять нашу родину — это ленинизм!

Некоторое время спустя мне довелось снова побывать возле китайской стены, только уже на другом участке.

Самолет, поднявшись в Ланьчжоу, летел по краю Гобийских песков в направлении горы Богды. Перед посадкой я заметил какие-то строения, вереницей уходящие вдаль и теряющиеся в песках. На вопрос, что это такое, мой новый проводник товарищ Ню Чань-чэнь объяснил, что мы летим над Великой китайской стеной, пересекающей пустыню Гоби.

В Чью-Чуане самолет задерживался полтора часа, а стена проходила всего лишь в семнадцати километрах от аэропорта. Я попросил начальника аэропорта товарища Бао Цинь-чаня разрешить нам ненадолго отлучиться. Он любезно согласился, и мы на легковой машине помчались по серой каменистой дороге в пустыню. Степь лежала ровная, как стол, и голая, без единого кустика. Почва вокруг была настолько плотной, что мне казалось не только табуны скота, но даже тракторы не могли бы оставить на ней следа. На такую площадку свободно могли бы приземлиться тысячи самолетов!

Машина остановилась у стены. Иссеченная ветрами и дождем на протяжении тысячелетий, она стояла цельная, незыблемая, без крупных следов разрушения. Только в местах, где отвалилась глиняная облицовка, торчали почерневшие от времени концы камыша, словно иголки ошетилившихся ежей. Эта часть стены была построена из карабуры.

Неподалеку сохранились ворота с башней. Мы поднялись наверх. Далеко вокруг, кроме песчаной пустыни, ничего не было видно. Лишь на западе у горизонта в туманной дымке белело что-то похожее на облачко.

— Что это? — спросил я у Ню Чань-чэня.

— Либо снежная вершина Богды, либо просто мираж, — ответил он.

Уже перед возвращением в аэропорт я увидел, что гранитные плиты башни были испещрены надписями на всех языках мира. Это было традицией всех путешественников и туристов — отдавать дань уважения, оставляя свою подпись на граните, словно в почетной книге посетителей. Еще далеко не вся поверхность камня была покрыта росписями, и мне самому страстно захотелось оставить памятную надпись. Но как и чем? Я извлек из кармана карандаш и авторучку и растерянно посмотрел на них. Сколько дней продержится такая надпись? Все автографы на стене были сделаны краской, которой у меня не было.

Я растерянно посмотрел на Ню Чань-чэня. Он понял меня и рассмеялся:

— Краска есть!

— Да что вы говорите! Где?

— Здесь. — Ню Чань-чэнь открыл свой портфель.

В маленькой жестянке, завернутой в бумагу, оказалась синяя китайская краска и кисть.

— Откуда она у вас? — обрадовавшись, спросил я, не зная, как благодарить своего спутника.

— Я был уверен, что она вам пригодится именно для этой цели, — ответил проводник. — Вот и захватил ее с собой.

Я был чрезвычайно тронут и восхищен его предупредительностью. Мой проводник оказался истинным сыном своего народа — внимательным, благородным и вместе с тем сдержанным.

Он рассказал мне, что китайская краска не линяет, не выцветает и что на стенах башни начертаны надписи тысячелетней давности.

С помощью Ню Чань-чэня я оставил на Великой стене китайскими иероглифами и современной казахской транскрипцией свое имя, фамилию и дату посещения.

ГДЕ УСЫПАЛЬНИЦА ИМПЕРАТОРОВ?

Когда в один из первых дней пребывания в Пекине мы задали себе вопрос, с чего начать осмотр достопримечательностей столицы, китайские товарищи посоветовали:

Побывайте в усыпальницах Минской династии.

— Что в них интересного?

— Если рассказать заранее, пропадает весь интерес. Пока мы ни слова не скажем. Поезжайте, не будете рас-
каиваться!

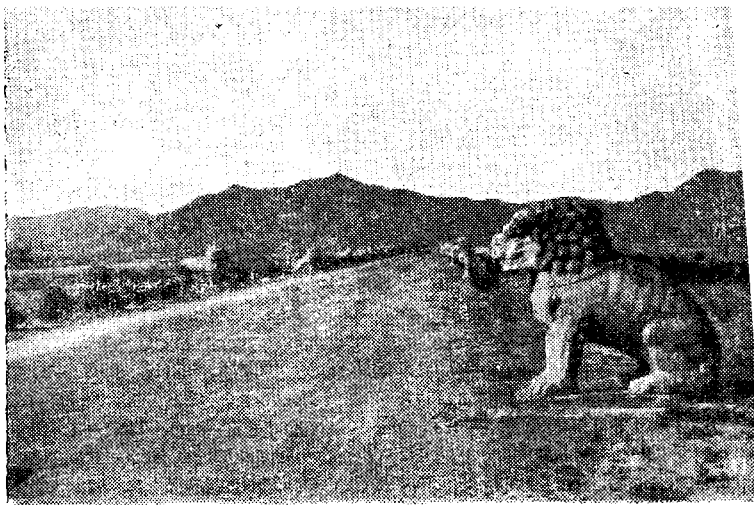
По широкой асфальтированной дороге мы выехали в северо-западном направлении. Нас сопровождали китайские друзья. Всего нас поехало семь или восемь человек. Дорога, как и все дороги Китая, была обсажена с обеих сторон тенистыми деревьями, похожими на наш карагач и джиду. Сразу же за обочиной начинались пшеничные поля, обсаженные высоким подсолнечником. Огромные, с желтыми, похожими на блюдо, головками подсолнухи клонились на восток. Их ровные ряды отделяли посевы одной деревни от полей другой. Километров через тридцать наши машины свернули с широкого тракта вправо и покатили по узкой дороге. Я ехал на передней машине и сразу же у поворота заметил белеющие вдали высокие стены. Я не знал, что это, но расспрашивать не стал, помня об уговоре смотреть все своими глазами. Вскоре мы увидели высокую с барельефом аркаду на колоннах с капителями. Я еще не видел таких высоких и величественных арок. Когда машина приблизилась вплотную, мы увидели, что аркада вся построена из белого мрамора с тонкой, искусной резьбой.

— От этих ворот начинается тропа, ведущая к усыпальницам династии Минов,— объяснил сопровождавший нас Гун Мо.

Мы вышли из машины и стали осматривать ворота. Это был образец высокого архитектурного и скульптурного искусства. В девять метров высоты, с шириной прохода в одиннадцать метров, они были сложены из мраморных плит весом в несколько тонн каждая. Откуда и как могли доставить такие громады шестьсот лет тому назад, поднять на такую высоту и установить?

Плиты были пригнаны одна к другой исключительно тонко, линии стыка были совершенно незаметны, отчего все колоссальное сооружение казалось сделанным из цельной мраморной горы. Поражало искусно вырезанное изображение огромного дракона с плоской головой, толстым туловищем, разинутой пастью и странно выпученными глазами.

Известно, что китайцы непревзойденные резчики по камню, кости, дереву. Ворота были доказательством их редкого мастерства. Какой тонкий и вместе с тем твер-

Дорога к усыпальнице династии Минов.

дый инструмент нужен был для вытачивания нежной, кружевной резьбы по каменной глыбе! Какие мудрые руки делали это и как поразительно легко, словно воск, подчинялся твердый мрамор этим рукам, нигде не ломаясь, не трескаясь, не крошась!..

От ворот вглубь мы пошли пешком. Не успели пройти ста шагов, как увидели перед собой двух белых похожих на львов животных, лежавших друг против друга. Это оказались мифические священные «шицзы». Их огромные, в полтора раза больше натуральных, фигуры были сделаны из цельного мрамора и выглядели как живые. Через сто метров от них снова попались два таких же льва, но уже не лежащих, а сидящих на задних лапах. Дальше строго через каждые сто метров были установлены искусно высеченные шесть слонов, затем шесть верблюдов, шесть лошадей, шесть ослов. Еще дальше возвышались скульптурные фигуры двух солдат, двух офицеров, двух генералов, двух младшего и двух среднего сана священников, двух лам... И, наконец, галерея завершалась скульптурой самого императора. Однако на этом зрелище не кончалось — за императором снова повторялись все фигуры, но уже в обратном по-

рядке, начиная от двух лам и кончая двумя лежащими львами.

Замечательная галерея тянулась на три километра... Мы прошли ее, не заметив расстояния, обращая внимание только на скульптуры.

Место захоронения Минов находилось еще дальше, километрах в пяти, на холмистом, покрытом лесом участке. Мы добрались до высокой толстой крепостной стены, которая поднималась по горному склону, уходила вверх и терялась в неизвестной дали. За невысокими из серого мрамора воротами мы увидели множество больших и красивых зданий в древнекитайском стиле с загнутыми по углам высокими крышами. На ступенях и лестничных площадках зданий стояли статуи богов. Все это — и здания, и статуи — было из мрамора, украшенного тонкой художественной резьбой. В больших зданиях размещались гулкие залы.

Мы осмотрели несколько пагод и всюду видели статуи Будды. Самую большую, около трех метров высоты, статую Будды мы увидели в нише, у входа в отдаленный храм, расположенный у подножья высокой горы.

— Под храмом есть подземный ход, — сообщил Гун Мо.

— Так давайте спустимся! — предложили мы.

— Нет, нельзя. Этот ход как раз ведет к усыпальницам императоров.

— Тем лучше! Разве не разрешается их осматривать?

— Разрешалось бы, — улыбнулся Гун Мо, — если бы усыпальницы располагались в известном месте.

Удивлению нашему не было предела.

— Как это понять?

— Сам я туда не спускался, — начал объяснять Гун Мо. — Но, по рассказам побывавших внизу, подземная пещера имеет большие, пока еще никому не известные, размеры. Вдобавок ко всему, это не просто подземелье, а сложный, очень запутанный лабиринт. Выбраться из него невозможно. Говорят, с древнейших времен и по сегодняшний день никто еще не смог разгадать тайны лабиринта.

— Интересно, для чего был сделан такой лабиринт?

— Для погребения императоров Минской династии и их близких.

— Но если никто посторонний не видел места захоронения, то могильщики, вероятно, видели, знали? Не могли же императоры сами себя погребать!

— Могильщики знали, но они погибали сразу же после захоронения, не успев никому ничего поведать.

— Странно!..

— Я расскажу вам то, что мне самому рассказывали. Первым императором Минской династии был воинственный Чжу Юань-чжан. Во время одного из своих набегов на туранские племена он захватил много пленных и среди них привел одну туранскую девушку необыкновенной красоты. Император влюбился в нее и сделал ее своей женой. С того времени он совсем забыл о других многочисленных женах и наложницах, и в часы любви уединялся только с ней, туранской красавицей. Ревнивые и мстительные жены, на которых император теперь не обращал внимания, возненавидели его возлюбленную и, однажды сговорившись, убили ее. Чжу Юань-чжан велел построить усыпальницу и в наказание приказал отрубить головы всем женам и наложницам.

Первой в усыпальнице была похоронена туранская пленница. Народная легенда рассказывает, что император похоронил ее пышно, наполнил усыпальницу золотом, серебром, драгоценными камнями. Но чтобы никто никогда не нашел ее усыпальницы и не пытался унести драгоценности, он приказал вырыть вокруг гробницы непроходимые лабиринты. А на тропинке к ней велел закопать казненных жен убийц, чтобы все, кто ни шел, топтали их прах.

— Как это жестоко, — произнесла Вера Казимировна, поежившись. — Очень жестоко!

— Дальше было еще хуже, — продолжал Гун Мо. — Когда лабиринт был готов, то в одном из его ходов были собраны все строители-могильщики. Затем в этот ход пришли специально посланные воины и перебили всех до единого. Но чтобы воины в свою очередь никому не рассказывали о страшной участи могильщиков, палачи казнили и их. Так были уничтожены все свидетели.

— Какое злодейство! — воскликнул всегда спокойный Вадим Николаевич.

— История гробницы не кончается преступлением Чжу Юань-чжана. Жестокий обычай был передан по наследству и стал семейным преступлением династии Ми-

нов. В церемонии похорон всех последующих царей и их приближенных убийство могильщиков превратилось в традицию... Так из года в год сохранялась страшная тайна.

— И всякий раз царей хоронили с драгоценными кладками?

— Конечно!

— В таком случае, несметная казна лежит у нас под ногами. Дорогие ткани за столетие могли истлеть, но металлы и камни должны сохраниться.

— Это верно.

— А почему бы не найти этот клад?

— Для этого нужно разворотить всю гору,— полушутливо ответил Гун Мо.— Но клад от нас не уйдет. Успеем найти. Чем заниматься поисками царских тайников, пусть лучше наши геологи ищут более существенные кладки, спрятанные в недрах земли самой природой. Она всегда была щедрее императоров.

Впоследствии я вспомнил это пожелание Гун Мо. В одну из встреч в нашем посольстве мы услышали, что по предполагаемым запасам ископаемых Китай занимает одно из первых мест в мире. Нет ни одного элемента в таблице Менделеева, который не лежал бы в недрах китайской земли. Неисчислимы запасы нефти и угля. Все это богатство, высасываемое раньше иностранными капиталистами, теперь является достоянием народа и в последние годы усиленными темпами осваивается. Если учесть, с одной стороны, деловитость, трудолюбие и мастерство китайцев, в чем мы не раз убеждались сами, а с другой—несметные природные богатства, то легко можно представить, как быстро страна достигнет вершин экономического и культурного прогресса.

Уходя с кладбища Минов, мы снова любовались скульптурными шедеврами. Мы говорили о том, что немало следов жестокости и деспотизма оставили времена феодалов, и мы восхищались тем, что, несмотря на многовековой гнет, народ все же сумел сохранить свое национальное искусство, сумел оставить незабываемые памятники вдохновенного творчества в таких монументальных сооружениях, как Великая китайская стена и кладбище Минской династии. Сколько осталось изумительных, достойных подражания следов древнейшей культуры великого народа!..

НА МИРНЫХ УЛИЦАХ

Пекин делится на две части — внутренний город и внешний город.

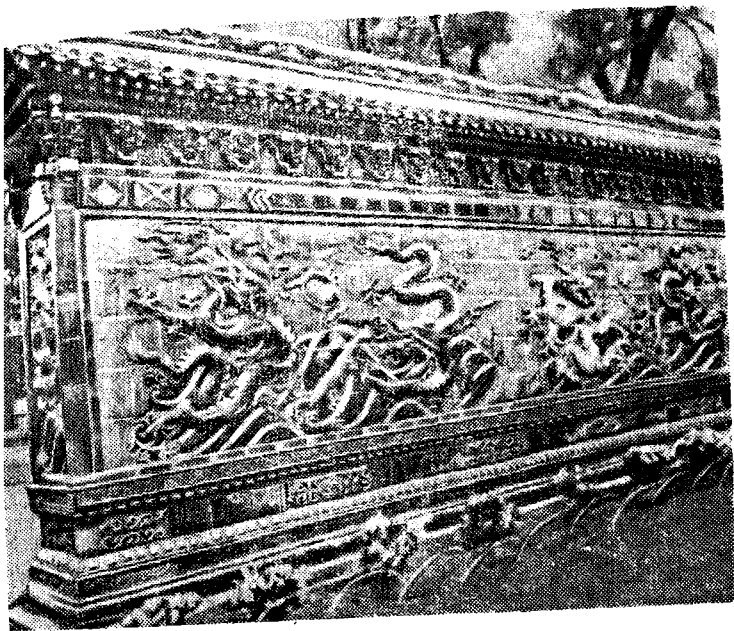
Внутренний Пекин — это бывшие дворцы императоров в огромном цветущем саду. Он окружен толстой кирпичной стеной и имеет площадь восемь километров в длину и пять — в ширину. Украшаемые на протяжении долгих столетий дворцы постепенно обрели неповторимый вид.

Здесь располагается более семидесяти дворцов и храмов, не считая множества подсобных зданий. Все они изнутри и снаружи украшены драгоценными камнями и носят названия по цвету украшений: «Белый дворец», «Серый храм», «Зеленый...», «Желтый...» и так далее. Внутри храмов и снаружи вокруг них много статуй и скульптурных ансамблей с дорогостоящими орнаментами из драгоценных камней. На одной из высоких стен храма есть чудесное мозаичное изображение под названием «Девять драконов». Фигуры драконов и окружающая их природа сложены из множества цветных камней. Мозаика представляет собой сверкающую коллекцию драгоценностей и стоит миллионы рублей золотом.

По словам нашего экскурсовода, в садах внутреннего Пекина можно найти любую породу деревьев, трав и цветов, произрастающих во всех, кроме тропических, районах Китая. Мы с большим интересом осматривали незнакомые диковинные деревья и растения. Вот китайский кедр, дерево из семейства хвойных, отличающееся долговечностью. Оно может стоять тысячелетия. Экскурсовод показал нам один из таких кедров, очень высокий, толщиной в три обхвата, с толстыми, как бревна, сучьями. Этот кедр был собственноручно посажен императором из династии Вэй, царствовавшей в третьем веке нашей эры. Значит, тысячу семьсот лет стоит дерево и все еще плодоносит: на нем вырастает множество вкусных орехов!..

С одной стороны внутренний Пекин омывается безбрежным озером Бэйхай, или Северным морем. Берега его гористы, покрыты густым лесом, изрезаны глубокими ущельями, оврагами и балками. На самой высокой вершине виднеется белая башня.

— Интересно, как она называется? — спросили мы экскурсовода.

Стена с «Девятью драконами».

— Это знаменитый Белый храм, известный во всем Китае, — ответил он.

Мы поехали к озеру. (Нас одолевало любопытство, хотелось осмотреть озеро вблизи и подняться к Белому храму). Возле озера мы вышли из машины, решив прогуляться пешком. Здесь было множество тропинок: одни вводили в гору, другие петляли по набережной. Дорога по-над озером шла зигзагом, повторяя береговую линию. Вдоль нее, чуть поодаль, возвышались вереницы навесов на столбах. Часто встречались роскошные дома отдыха в зелени и цветах, буфеты, закусочные. Веселые, празднично одетые люди проводили здесь свой отдых.

Побродив вдоль берега, мы стали советоваться: вернуться ли отсюда в город или пойти осмотреть знаменитый Белый храм? Единодушно решили подняться к храму и по горной тропинке зашагали к цели. Китайцы, всегда и во всем любящие порядок, не оставили без внимания и эту тропинку — всюду виднелись указатели, на крутых подь-

емах помогали ступени из камня, кое-где стояли скамейки для отдыха.

Гора, издали казавшаяся нам цельной, на самом деле была исполосована вдоль и поперек многочисленными каналами с прозрачной сверкающей водой. Все каналы шли от озера. Отсюда, сверху, оно казалось нам гигантским синим пауком, который хитро сплел густую светлую паутину и поймал в сети эту гору с Белым храмом.

Всюду через каналы были переброшены железобетонные долговечные мосты. Пробираясь по бесчисленным мостам, то спускаясь в низины, то карабкаясь наверх, мы кое-как добрались до белой башни. Она была построена из белого, как молоко, мрамора и по форме напоминала казахскую кибитку, только в пять-шесть раз выше ее и раз в пятнадцать-двадцать шире. Башня была богато расписана художественной резьбой изнутри и снаружи. Мы ознакомились с ней, прошли внутрь, несколько раз обошли снаружи. С высоты как на ладони виднелся Пекин, со всеми дворцами, пагодами, ближними и дальними окрестностями. Внутренний город-сад казался сверху зеленым морем, а загнутые вверх голубые крыши домов походили на корабли, плывущие по зеленому волнам.

Большая половина столицы — внешний Пекин лежал перед нами каким-то темно-серым беспорядочным нагромождением. Когда с такой высоты смотришь, например, на города, расположенные у подножья гор в Крыму или на Кавказе, то отчетливо можно видеть улицы, переулки, площади, иногда дворы. Но Пекин с высоты Белого храма казался грудой хаотически разбросанных гигантских камней. Прогуливаясь по его улицам, мы видели обилие зелени, но сейчас и зелень словно утонула в темно-серых волнах высоких городских строений. В разных местах на окраинах возвышались уже выстроенные или строящиеся высокие в современном стиле здания, намечались широкие улицы.

— Окраина стала застраиваться после прихода народной власти. Там будут в основном учебные заведения, жилые дома для рабочих, дипломатические корпуса, дома отдыха, ипподром, — объяснил экскурсовод.

Местами из высоких, но довольно редких, фабричных труб валил черный дым. В столице только зарождалась промышленность. До прихода народной власти Пекин оставался типичным городом феодальной эпохи.

Налюбовавшись вдоволь окрестностями, мы собрались спускаться с горы, но наш экскурсовод нерешительно занялся и не обнаруживал желания уходить отсюда.

— Вы, кажется, хотите что-то сказать нам? — спросил Вадим Николаевич.

— Да, я хотел спросить вас, не считаете ли вы, что это озеро, большая гора с ущельями, леса на склонах являются природными образованиями?

— Этот же вопрос я хотела задать вам, — отозвалась Вера Казимировна.

— Все это сделано человеческими руками. С незапамятных времен Пекин был столицей Северной империи. Во внутреннем городе жили цари и их приближенные, а во внешнем — простой народ. Говорят, до пятнадцатого века ни горы, ни озера, которое называется Бэйхай, ни каналов, ничего не было. Как ни удивительно, но здесь расстилались ровные посевные поля. Воздвижение горы, создание искусственного озера началось, кажется, при династии Минов и создавалось в течение двухсот лет. Раньше вся эта область была недоступна простому народу. Теперь же здесь место отдыха и культурных развлечений для трудящихся.

— Если так, — сказал Вадим Николаевич, шутливо подмигивая, — то нам следует благодарить императоров, создавших такое чудо для рабочих!

— Не императоров, а народ следует благодарить, — возразил экскурсовод, видимо, приняв шутку всерьез. — Все, что создано народными руками, всегда, рано или поздно, становится народным достоянием!..

На следующий день мы отправились в дом-музей известного писателя, прозванного «китайским Максимом Горьким», Лу Синя, жившего с 1881 по 1936 год. На русском языке издано его собрание сочинений.

Дом-музей Лу Синя уже находился во внешнем городе, и по дороге к нему мы увидели подлинный облик старого феодального Пекина.

Узкие, кривые, мощенные крупным булыжником улочки, по которым не разминуться двум встречным арбам... Низкие, серенькие дома с лавчонками или кустарными мастерскими, кривые, высохшие деревья...

Машина с трудом продвигалась по запутанному, бесконечному лабиринту улиц. Ехали мы довольно долго и не встретили по пути ни храмов, ни башен, ни радующих

глаз строений. Чтобы все это унылое зрелище не повергло гостей в тоску, сопровождающий нас товарищ начал рассказывать:

— Вы видели роскошь императоров и вельмож, а теперь видите, в каких условиях жил народ. В тесноте, в нужде, в невежестве на протяжении тысячелетий... Только сейчас он стал пробуждаться, строиться, улучшать свой быт, стремиться к культуре. Трудно у нас еще с жильем, трудно, но не безнадежно. Ведь теперь народ строит для себя...

Машина остановилась у каких-то ворот.

— В дом-музей Лу Синя мы пройдем здесь,— сказал сопровождающий.

За воротами оказался большой двор, застроенный такими же невзрачными, убогими домишками, какие попадались нам в пути. Мы долго пробирались через какие-то двери, калитки, узкие проходы, пока не вышли в крохотный дворик площадью в несколько квадратных метров, чистенький, с тополями, акацией, можжевельником. Между деревьями алели цветы, в ветвях акации пели птицы.

Здесь помещался музей Лу Синя. Нас встретил старый китаец с длинной и реденькой бородой, оказавшийся директором музея Ли Ю-юем, и стройная красивая молодая женщина, научный работник музея Сю Тинь-мэн.

Мы вошли в небольшой серый домик — квартиру Лу Синя. Маленькая кухня, узкая спальня, в которой едва помещались две кровати, и еще комнатуха — рабочий кабинет и библиотека писателя. Вся квартира в общем имела не больше двадцати квадратных метров. Все было просто, без излишеств, без дорогой мебели и украшений. На стенах висели личные вещи великого писателя. Одежда, сделанная искусными руками, была поношена, но выглядела изящно. Особенное внимание привлекали к себе книги, напечатанные на желтоватой бумаге в разноцветных переплетах, собранные в шкафах, расставленные на столах и скамейках. Среди книг попадались и рукописи с четкими иероглифами, расположенными длинными столбцами.

Один из лучших знатоков современного и древнекитайского языков Лу Синь в совершенстве владел японским и английским, читал и писал на этих языках, самостоятельно изучил русский и мог читать книги наших соотечественников.

Сю Тинь-мэн показывала нам книги, собранные Лу Синем, и рассказывала о них. Большинство книг были написаны иероглифами. Оказывается, китайские, японские и корейские иероглифы, несмотря на разность языка, имеют одинаковое начертание и одинаковое толкование. Поэтому китайцы, японцы, корейцы, не зная языка друг друга, могут читать книги друг друга и понимать их...

Помимо китайских, мы увидели много книг на английском языке. Из русских были произведения Некрасова, Чехова и Горького.

Если внимательно присмотреться к иероглифам, то можно заметить, что одни из них начертаны ясно, хорошо, а другие неразборчиво. Так же как и на любом другом языке, рукопись зависит от индивидуальных особенностей пишущего. Почерк Лу Синя отличался особой четкостью. По утверждению знатоков, иероглифы Лу Синя относятся к числу каллиграфических, самых красивых и изящных. Кисти, которыми он писал, сохранились до сих пор — иероглифы наносятся не пером, а особыми кисточками.

Ознакомившись с этим домиком, мы пошли в другой, напротив — «приемную» Лу Синя. При жизни писателя приемная была местом паломничества трудового народа и сочувствующей его идеям китайской интеллигенции. Все обиженные, угнетенные, все истинные патриоты, страждущие за судьбу народа, приходили к нему за советом. Посетители шли непрерывно, и Лу Синь никогда не уклонялся от помощи делом или мудрым советом.

— А как же власти? Они не преследовали его? — спросила Вера Казимировна.

— Преследовали. Лу Синь был вынужден неоднократно бежать из Пекина и подолгу скрываться в провинциях. Народ любил его и никогда не выдавал в руки врагов. Китайцы справедливо называли его нашим Горьким.

На входной двери приемной мы увидели барельеф из серого мрамора с изображением головы Лу Синя и иероглифами. Мы попросили расшифровать надпись. Это были слова Мао Цзэ-дуна:

«Лу Синь высоко поднял и непоколебимо нес знамя нашей новой культуры. Лу Синь не только великий литератор, он выдающийся мыслитель и революционер. Лу Синь самый честный, самый стойкий, самый преданный и самый пламенный наш националь-

ный герой. Это он именем народа нанес сокрушительный удар вражьей крепости на литературном фронте...»

Лу Синя, получившего такую высокую оценку организатора Китайской Коммунистической партии, от чистого сердца почитаем и мы. Склонив головы перед его светлой памятью, мы молча вышли из этого священного дома...

Во дворе наш сопровождающий решил устроить нам маленькое испытание, которое также в некоторой степени обогащало наше представление о городе.

— Может быть, вы сами найдете дорогу на улицу? — спросил он.

— А почему бы нет? Найдем! — охотно отозвался Вадим Николаевич.

— Тогда пожалуйста, ведите нас.

Собко решительно направился в узкий кривой проход между двумя высокими стенами.

— Стойте! — крикнул ему сопровождающий, не трогаясь с места. — Это целый километр в обход!

Собко повернул обратно и ринулся в соседний проход. И снова не туда! Тогда и я, тоже охваченный азартом, присоединился к своему товарищу. Казалось, проще простого найти выход из такого маленького дворика! Но в какую сторону мы ни направлялись, все — не туда! Опять хитроумный лабиринт! Вера Казимировна, не принимая участия в нашем состязании, стояла в стороне и посмеивалась. Наконец, признав собственное бессилие, мы оба позорно сдались «на милость» сопровождающего и через минуту вышли на улицу и сели в машину.

— А теперь, скажите, сумели бы вы попасть обратно в дом-музей? — спросил нас сопровождающий.

Вадим Николаевич безнадежно махнул рукой.

— Вряд ли! Но меня удивляет, разве Лу Синь не мог иметь более удобную квартиру? Или он с умыслом выбрал такую?

— Да, он сам выбрал, но без особого умысла. Он не хотел отрываться от простого народа, всегда любил жить вместе с тружениками. И если ему приходилось выезжать в Шанхай, Нанкин, Кантон и другие города, то он обязательно выбирал себе такую же примерно квартиру...

Вечером, выйдя из гостиницы, мы решили прогуляться пешком по внешнему Пекину. Мы долго шли по запутан-

Сабит Муканов и Эми Сяо.

ным улицам и переулкам, пока не вышли на центральную площадь Тяньаньмэнь.

Стояла темная, безлунная ночь, но здесь от ярких фонарей было светло, как днем. Все меньше и меньше попадались машины, все реже и реже встречались пешеходы.

Мы вышли на центральную улицу. В старое время она была кривой и как бы охватывала крепостные стены, повторяя их линию. Сейчас она выпрямлена, превращена в одну из центральных магистралей, для чего пришлось снести немало старых строений. После реконструкции эта улица должна стать совершенно прямой, широкой и самой длинной улицей в мире.

— А сам город? — спросили мы сопровождающего.

— Заверить, что он станет первым городом, было бы бахвальством. В мире немало красивых городов. Наша цель сделать Пекин одним из лучших. Для этого придется реконструировать весь внешний город. Все низенькие дома феодальных времен будут снесены и на их месте станут современные высокие здания на широких улицах и площадях. Но это не сразу. Потребуется напряженная работа в течение многих лет.

— Сколько же времени примерно потребуется? — спросила Вера Казимировна.

— По государственному перспективному плану не меньше двух-трех семилеток.

— Это не так уж долго.

— Мы постараемся сократить и эти строки.

Беседуя, мы долго гуляли по городу и не заметили, как наступила полночь. На городской каланче пробило двенадцать. В этот час движение на улице почти прекратилось. Тишину нарушали лишь изредка проходящие машины.

Мы шли мимо мелких лавок и больших магазинов. Всюду было тихо. Двери большинства магазинов были просто прикрыты, без всяких замков и запоров. Сторожей также не было видно.

Видя такую картину в темную безлюдную полночь, мы невольно перешли к разговорам о грабежах. Мы уже слышали, что в Пекине, да и в других городах страны, совершенно нет грабежей, воровства, убийств и вообще каких бы то ни было злодеяний. Рассказывают, что в старое время безработные и бездомные нищие в Пекине, в Шанхае, в Нанкине, в других городах ежедневно умирали сотнями от голода, но, даже умирая, они не решились идти на воровство. «Надежнее всего заперта та дверь, которую можно оставить открытой», — говорит китайская пословица.

Я уже говорил, что китайцы лишены такого довольно распространенного среди людей порока, как пьянство. Воздержание от алкоголя — это древняя традиция китайцев. Нам объяснили ее происхождение следующим образом.

Вечно ошутимая нужда воспитала в китайцах расчетливость и умение во всем соблюдать экономию. Когда в семье каждая копейка на счету, то, разумеется, тратить деньги на водку и другие излишества — тяжкое преступление. В каждой семье по традиции в начале нового года тщательно обсуждается возможный заработок всех ее членов, выясняются предполагаемые источники дохода, подсчитывается необходимый расход. Теперь, после твердой договоренности на семейном совете, каждый член семьи стремится выполнить все ему порученное, сделать все, от него зависящее. Но если только кто-либо осмелится нарушить этот священный договор, он изгоняется из семьи. Ясно, что трата средств на водку резко подрывала благосостояние семьи, преследовалась и каралась самым жесточайшим образом.

Почему существуют кражи, мы знаем. В основном от бедности, от имущественного неравенства. В Китае было и то и другое, однако краж не было. Чем это объясняется?

— Двумя причинами,— ответил нам сопровождающий.— Во-первых, каждый китаец, всасывает с молоком матери понятие о том, что пища, добытая не собственным трудом,— запретна! А пища поддерживает жизнь человека. Следовательно, для того чтобы жить, надо работать.

Надо сказать, что китайцы работают очень добросовестно и начатую работу обязательно доводят до конца. Они не любят спешки, торопливости, но никогда не работают спустя рукава. Над большими произведениями искусства работает не один человек, а несколько. Вещь, начатая, скажем, отцом, упорно доделывается его сыном, внуком, правнуком, пока не достигнет безупречного завершения. Китайца интересуют прежде всего не темпы и количество, а совершенство предмета, его качество.

— Вторая причина отсутствия краж вытекает из первой,— продолжал проводник.— Трудлюбивые по своей природе китайцы презируют туеядцев и бездельников. Воровство — одна из форм безделья. Народ нашел жестокий, но верный способ его искоренения. У вора, попавшего в первый раз, на месте преступления отрубали пальцы правой руки. Если он попадался вторично — отрубали кисти обеих рук. Если же вор провинился и в третий раз — публично вешали. Ясно, что при таких условиях никакого воровства не могло быть. При чанкайшистах древний обычай стал нарушаться и изредка стало появляться воровство. Но после прихода народной власти народ снова повел борьбу с этим злом и быстро искоренил его. Теперь, как видите, никто не запирает свои двери.

...Вскоре мы подошли к правительственному зданию. Прежде это был один из императорских дворцов, выстроенный на холме в пределах внутреннего города. Сейчас над дворцом полыхает государственный флаг Китая, а на фасаде сверкает его государственный герб. Возле дворца — трибуна, на которой в дни торжественных празднеств члены правительства принимают военные парады и приветствуют народные демонстрации.

Тихо на улицах в полночный час. Тишина и мирный покой, кажется, царят не только здесь, но и на всей террито-

рии великой страны Чжунго. Но так ли это на самом деле? Все ли отдыхают сейчас в объятиях блаженного сна?

Нет, безмятежно спят только те, кто хорошо поработал днем. На всех фабриках и заводах, в больших и мелких мастерских люди работают в три смены. Двадцать три часа в сутки по стране гремят машины, гудят станки, снуют трудовые рабочие руки. Они трудятся по восемь часов. Между сменами всего на двадцать минут останавливаются механизмы. За это время смазываются, протираются, проверяются машины, убираются и проветриваются цеха. После короткого перерыва к работе приступает следующая смена.

Глубокой ночью мы вернулись в гостиницу и еще долго говорили о трудолюбии китайцев и об удивительных возможностях ручного труда.

Индустрия в стране стала развиваться совсем недавно, поэтому подавляющее большинство фабрик и заводов сейчас плохо оснащено современной техникой.

Основными производителями одежды, обуви, продовольствия, всех товаров широкого потребления в новом Китае являются кустарные мастерские, где главным орудием производства служат руки. А рук в Китае достаточно! Ручной труд обеспечивает страну хлебом, а товары широкого потребления производятся в таком количестве, что не только покрывают нужды населения, но и экспортируются за рубеж.

А если задуматься, легко ли обеспечить ручным трудом шестисотмиллионное население, да еще и производить излишек для экспорта? Сколько надо вложить труда! Помогает китайцам врожденная выносливость, любовь к работе, желание сделать вещь как можно лучше, красивее, прочнее. Все эти качества проявляются в народе как на заводах, фабриках, артельных мастерских, так и в частной жизни, внутри семьи. Дома сын заменяет уставшего от работы отца, а дочь — мать. Не оставлять дело недоделанным, — это замечательная, нерушимая традиция китайской семьи. Давний замысел какого-нибудь предка в семье обязательно будет приведен в исполнение потомками, сколько бы лет ни прошло.

В прежние времена на протяжении столетий миллионы искусных рук вынуждены были бездействовать — не хватало работы. Установлено, что до прихода народной влас-

ги сорок процентов китайских трудящихся не имело работы.

Китайский народ неоднократно поднимал восстания против иностранных империалистов и своей буржуазии, так называемых компрадоров. В память погибшим героям знаменитого Кантонского восстания 1927 года на восточной окраине Кантона нынешнее правительство воздвигло памятник. Он стоит в центре большого, в несколько гектаров, парка, окруженного каменной стеной. На памятнике высечены имена погибших героев.

ГОРОД НА ЖЕМЧУЖНОЙ РЕКЕ

Нас успокаивали, что в Кантон мы прибыли в хорошую пору, что жара незначительна — это только цветики, а ягодки будут потом. Но тем не менее мы никак не могли привыкнуть к тропическому зною. В номерах нашей гостиницы окна и нижняя часть дверей состояли из реденьких, досчатых жалюзи, отчего по комнате постоянно гулял сквознячок. На потолке неустанно вращал крыльями вентилятор, большой, размашистый, как пропеллер самолета, и, несмотря на все эти приспособления, в комнате стояла духота. Но стоило только открыть окно, как в номер сразу же налетала туча комаров с реки. Даже удивительно, как они могли подниматься на высоту пятнадцатого этажа! Служители при гостинице говорили, что комары малярийные. Боясь захворать, мы закрывали окна и тотчас начинали страдать. Не от малярии, конечно, а от духоты.

Особенно тяжело было по ночам. Временами казалось, что лучше переносить укусы малярийных комаров, чем невыносимую духоту. Однажды, лежа в кровати, я решил опустить прикрепленный к потолку специальный полог. Он с успехом защитил меня от комаров и с неменьшим успехом — от доступа воздуха. Я мгновенно вспотел, начал задыхаться и поднялся с кровати. Пришлось сесть у открытого окна и любоваться ночной панорамой реки и города.

Здесь в Кантоне мы жили в пятнадцатизэтажной гостинице «Ай Цюнь», в одном из самых высоких зданий города, на берегу Жемчужной реки. Из окна моего номера город виднелся как на ладони.

Гостиница «Ай Цюнь» в Кантоне.

Согласно сохранившейся в народе легенде, южный город Кантон возник на берегах Жемчужной реки за три века до нашей эры. За последние сто лет он превратился в вотчину иностранных капиталистов, стал центром их политических козней и агрессивных махинаций. Иностранцы выстроили на улицах города высокие дома в европейском стиле. Обширную площадь в дельте впадения Жемчужной в океан они застроили роскошными коттеджами и дачами, утопающими в пышном великолепии тропической

растительности. Дачный район соединялся с городом с помощью мостов, по которым имели право ходить только европейцы, но ни в коем случае не китайцы. Больше ста лет существовал этот запрет для китайцев на их же родной земле! Прогнав капиталистов, народ сделал своей собственностью все мосты, шикарные коттеджи и дачи. Сейчас в них размещаются детские учреждения.

Кантон — город с беспокойной историей. Оттого что эксплуатация народа иностранцами приобрела самые разнузданные формы, Кантон стал одним из центров освободительной борьбы. Здесь неоднократно поднимались крупные восстания, происходила наиболее ожесточенная борьба за установление народной власти. Герои, погибшие в борьбе с гоминьдановцами, также похоронены в центральном парке.

В Кантоне жили и руководили политической борьбой такие выдающиеся вожди революционного движения, как Сун Ят-сен и Мао Цзэ-дун.

Кантон — один из самых больших портов мира. Ни один корабль, бороздящий воды Великого или Тихого океана, не проходит мимо Кантона. Некоторые из них останавливаются в гаванях, заходят в устье Жемчужной реки. Китайские корабли днем и ночью беспрерывно плывут по реке. Увлекательное зрелище представляет собой вид океанского порта в ночное время. Рядом с неподвижными и многоярусными огнями гигантских теплоходов, ставших на причал, движутся мелкие, юркие, ярко освещенные суденышки с разноцветными огнями, снуют быстроходные джонки. Фонари, как звезды, отражаются в волнах, искрясь и переливаясь тысячами огней.

Нам удалось вблизи понаблюдать жизнь в джонках. В старое время многие бездомные китайцы с побережий, не имея жилья на суше, жили в джонках целыми семьями. Они жили на воде веками, из поколения в поколение, не выбираясь на сушу. Это был особый, наиболее жестоко угнетаемый отряд рабочего класса. Жители джонок чаще других поднимались на кровавую борьбу с поработителями. Во всеобщем, длившемся несколько месяцев восстании рабочего класса Кантона в 1927 году смелые жители джонок были самой мощной и самой надежной силой повстанцев. В пору реакции, в дни жестоких преследований многие революционеры продолжали вести борьбу, скрываясь в джонках.

С приходом освобождения жители джонок постепенно стали селиться на берегу и поступать на работу в государственные учреждения. По словам председателя Кантонского городского Совета товарища О Ян-шаня, за сравнительно короткий срок количество джонок в порту сократилось в десять раз. Осталось около двадцати тысяч.

Джонки — это небольшие лодки с крытым верхом. Сейчас, как и раньше, на них перевозят грузы. Лодка служит для хозяина и жильем, и средством передвижения, и транспортом для заработка. Джонки, раньше работавшие единолично, сейчас перевозят грузы по заданию кооператива. Все трудоспособные члены семьи работают на джонке грузчиками. Здесь же находятся и неработоспособные жильцы — старики и дети. Они не выходят из лодки, потому что на берегу у них нет другого жилья, а целые дни оставаться на суше под палящими лучами солнца в ожидании, когда окончится работа, невозможно.

При близком знакомстве с джонками видно, что в общем большинство лодок содержится довольно опрятно, а некоторые выглядят даже нарядно. Джонки, как правило, изнутри и снаружи выкрашены, разрисованы узорами, завешаны цветастыми занавесками. Всюду чистота. В горшках выращиваются цветы. Одна часть лодки предназначена для жилья, другая — для перевозки грузов. Вечером, когда джонка становится на причал, хозяин осматривает ее, ремонтирует, женщины моют ее, убирают, подкрашивают.

В джонках живут и дети. Когда ребенок начинает ходить, родители надевают на его плечи и грудь особые лямки, чтобы он случайно не упал за борт. К лямкам привязывается веревка, которая крепится за крючок на крыше лодки. Длина ее рассчитана так, что если ребенок выпадет из лодки, — он не достанет до воды. Дети повзрослее, которые могут сами ходить, не привязываются, но на их спины пришивается приспособление из пробкового дерева или из бамбука. Оно предохраняет их от погружения в воду. Мы видели многих маленьких детей с такими приспособлениями. Они барахтались возле лодки, резвились и чувствовали себя неплохо. Дети обитателей джонок уже с трех-четырех лет плавают в воде не хуже рыб.

Мы видели однажды, как мать послала маленькую девочку на соседнюю лодку за спичками. Девочка с бамбуковой связкой на спине бесстрашно прыгнула в воду, быстро

поплыла и вскоре благополучно вернулась к матери с коробкой спичек в зубах. Девочке было всего пять лет!..

В прежние времена никого не трогала судьба обитателей джонок. Никто не организовывал их, не помогал найти работу. Без работы они часто голодали и умирали от голода целыми семьями. В те времена в Кантоне и Шанхае бывали дни, когда в джонках умирало от голода по десять-пятнадцать тысяч человек. Полиция не успевала хоронить и просто выкидывала в реку трупы несчастных. Теперь джонки кооперированы, их владельцы обеспечены работой, необходимым продовольствием, о них заботятся партийные и правительственные организации. В Кантонский городской Совет избрано двенадцать депутатов от жителей джонок, в районный Совет — восемьдесят депутатов. Они руководят всеми хозяйственными и культурными делами, принимают меры для улучшения бытовых условий обитателей джонок. Многие из обитателей так привыкли к жизни на воде, что отказываются от квартиры в городе.

С джонок, стоящих против нашей гостиницы «Ай Цюнь», каждый вечер доносились песни, музыка, шум развлечений. Там любят петь и играть на национальных музыкальных инструментах. Поют и днем на работе, и вечером на отдыхе. Вечерней порой на стоянке джонок можно услышать выступления целых ансамблей. Веселые люди, они любят работу, отдых, мир...

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

В Пекине мы получили разрешение присутствовать на очередной сессии Всекитайского собрания народных представителей. Сессия должна была проходить в нарядном зале одного из бывших императорских дворцов. Перед началом заседаний во дворе, в чудесном саду с цветами и фруктовыми деревьями, мы видели, как прогуливались представители всех народностей Китая. Они говорили на разных языках и диалектах и каждый был одет в свою национальную одежду. Здесь были руководители разных отраслей социалистического строительства и простые труженики. В многонациональной толпе я видел представителей казахского народа — одной из равноправных наций Китая...

В зале заседаний мы встретились с многочисленными журналистами и корреспондентами всех стран, аккредитованных в Пекине. Большинство из них сидели в задних рядах. Нам предоставили право сесть недалеко от президиума.

Когда народные представители и гости заняли свои места в зале, на сцену из внутренних дверей вышли члены президиума во главе с Мао Цзэ-дун. Весь зал, стоя, устроил овацию. Мао Цзэ-дун шагал не спеша, широко и уверенно. Он ответил на приветствие аплодисментами, улыбаясь, поклонился всем, и когда президиум стал рассаживаться, он сел в глубине сцены рядом с какой-то женщиной в национальной одежде. Женщина была очень маленького роста, в большом, похожем на котел, головном уборе с большими, как стремя у седла, серьгами в ушах, с массивным кольцом, вдетым в нос и закрывающим весь рот. Платье ее было прозрачным, сквозь ткань виднелось черное, как уголь, тело. Мы узнали, что она была представительницей народности И.

Как и в нашей стране, на сессии обсуждался государственный бюджет Народной республики. Это большие, бесконечные цифры, в которых нам, людям неподготовленным, трудно разобраться. Выступления ораторов мы слушали в кратком изложении переводчика. И вообще, мы больше смотрели на народных представителей, чем слушали. Мао Цзэ-дун, поговорив с черной женщиной, незлышно пересел к другому представителю, тоже странно одетому, и долго потихоньку и деловито разговаривал с ним, одновременно слушая выступления ораторов. Во время перерыва он находился в тесном кругу людей, приехавших издалека, вел с ними сердечную, оживленную беседу, шутил и смеялся.

Мы присутствовали только на первом заседании. Времени было в обрез, и мы ушли готовиться к поездке дальше, удовлетворенные тем, что нам довелось увидеть представителей народной власти.

САМОЕ ДРАГОЦЕННОЕ В КИТАЕ

В обычном понимании людей драгоценностями считаются золото, серебро, алмазы, бархат, шелк, парча и прочие металлы, камни и ткани. Но есть и другие драгоцен-

ности. Казахи, например, говорят: «Ячень и пшеница — пища, золото и серебро — камень!»

В Китае самым драгоценным является человек, который честно трудится.

Вот что писал Чокан Валиханов об уважении китайцев к своему труду:

«Если, к примеру, тарелка, которую вы держите, выпала из ваших рук и раскололась на части, вы собираете осколки и, обычно, выбрасываете их в помойную яму. Истинный китаец никогда так не поступит. Он никогда не считает сломанную вещь негодной, не выбрасывает ее, а кропотливо и тщательно чинит ее, чтобы снова превратить в годную для употребления. Я сам ел из одной тарелки, в которую было вложено по меньшей мере пятьсот гвоздиков для скрепления осколков...»

Конечно, не только в такой бережливости заключается одно из драгоценных свойств китаев. У них немало очаровательных вещей, неповторимых по изяществу, по тонкому художественному мастерству. Описывать их подробно не хватит ни времени, ни бумаги. Я попытаюсь вкратце рассказать только о некоторых, созданных руками китаев диковинках, которые удивляют всех, кому пришлось их видеть.

На одной из окраин Пекина высятся две башни — одна большая, другая поменьше. Обе они похожи на войлочную кибитку с оборкой наверху. В радиусе ста метров их окружает стена пятнадцатиметровой высоты. Если прикинуть на глаз, получается довольно обширная большая площадь. Большая башня называется «Хуан То», что означает «Храм моления небу», другая, поменьше, — «Ти Нянь» — «Храм моления урожаю». На южной стороне стены имеется небольшая огороженная площадка. На нее взбираются по высокой, высеченной из белого мрамора лестнице. Площадка носит название «Шен Е-шу» — «Храм небесной гармонии».

В древнем Китае молились небу о ниспослании дождя и высокого урожая. Именно для молебнов один из императоров Минской династии построил в 1420 году «Хуан То». С той же целью в 1530 году другой император построил рядом с ним храм поменьше — «Ти Нянь». В первом стали молиться и просить дождя, во втором — высокого урожая. После молебна устраивались развлечения на площадке «Шен Е-шу». Здесь играла музыка,

звучали песни, здесь танцевали. Поэтому и назвали площадку «Храмом небесной гармонии».

Обычай просить у бога дождя, хорошего урожая, устраивать обрядовые празднества, игры, зрелища на известных исторических этапах существовал у многих народов мира. У древних греков — знаменитые Дионисии, у римлян — Сатурналии, у тюркских народов — Науруз и так далее.

Но в данном случае не столь интересны древние китайские молитвы, сколь странные «заколдованные» звуки, которые слышатся возле этих храмов. Тонкий акустический расчет китайских зодчих создал удивительное, загадочное явление.

К башне ведет мраморная лестница в пятнадцать широких ступеней. Если стать на самой верхней, пятнадцатой ступени и ударить в ладоши один раз — эхо повторяет удар один раз, если же спуститься на ступень ниже и опять ударить в ладоши один раз, эхо повторяет удар уже два раза, на тринадцатой ступени — три раза, на одиннадцатой — пять раз. На всех нижеследующих ступенях эхо снова откликнется только по одному разу.

Другой акустический секрет китайских мастеров можно послушать у стены, окружающей храм. Если стать лицом к стене и произнести вполголоса несколько слов, то человек, стоящий у противоположной стены, в самой отдаленной точке, отчетливо услышит эти слова. А двор храма довольно большой, если войти в него и крикнуть в одном конце, то в другом будет едва слышно. В чем же дело? Вдоль стены не проведен телефон, нет никакой проволоки, никаких приемо-передающих радиостанций. Холодная каменная стена!

Говорят, и по сегодняшний день ни один физик в мире не разгадал этого секрета китайских зодчих.

С незапамятных времен китайцам были известны многие законы физики, химии и механики. Они успешно применялись на практике. Всем известно, что порох был впервые изобретен китайцами. Они же изобрели немало других интересных химических составов. Уместно будет напомнить, что самый древний и в научном отношении самый правильный календарь в мире также был создан китайцами.

В городах Китая сохранилось много замечательных памятников архитектуры. Гений народа создал великолеп-

ные, неповторимые по красоте, оригинальности, по богатству росписи сооружения. При осмотре древних памятников неизменно привлекает к себе внимание одна деталь — краска.

Росписи тысячелетней давности не только изнутри храмов, но и снаружи под дождем и солнцем не линяют, не блекнут, не выгорают, остаются такими же яркими, свежими, сверкающими, словно наложены только сегодня. Китайцы любят насыщенные цвета — густо-желтый, синий или пурпурный. Такими тремя основными цветами расписывались строения в течение тысячелетий, и ни дождь, ни снег, ни жаркое солнце не могли нарушить ярких тонов. Что же это за краска? Из каких элементов она составлена?

Секрет древних китайских химиков по сей день не разгадан учеными.

Китайцы издревле прославились как мастера создавать непревзойденные по изяществу вещи из камня, кости и дерева. У них традиционно феноменальное искусство резчика. Дети кропотливо изучают опыт родителей, чтобы самим в свою очередь снова передать его по наследству. Ничего не стоит китайскому мастеру на пне, на куске коры, на обломке камня вырезать пейзаж своей деревни или запечатлеть картину огромного города со всеми его выразительными деталями.

В городе Ухане в одном из антикварных магазинов мы видели небольшую, величиной с воробьиное яйцо, тыкву. Один из художников красочными, микроскопически маленькими линиями нарисовал панораму города, имеющего больше двух миллионов жителей. Через лупу на этой миниатюрной тыквочке, с воробьиное яйцо, можно различить дома, узнать наиболее характерные городские памятники, можно увидеть также реку Янцзы, разделяющую город надвое, и даже окрестности.

В Кантоне на выставке народного искусства мы видели большую шкатулку со стеклянной крышкой. В ней хранится объемистый, толщиной в четыре пальца, роман Лу Синя. Рядом со шкатулкой лежала небольшая, величиной с баранью лопатку, слоновая кость.

И что вы думаете?

На этой кости микроскопическими иероглифами был выгравирован весь роман Лу Синя! Сопровождающий нас

товарищ, вооружившись лупой, склонился над слоновой костью и вслух стал бегло читать начертанный роман.

Нечто подобное мы видели на выставке в Шанхае. На небольшой тюлевой занавеске крохотными иероглифами был выткан солидный по объему роман.

В Ханькоу поэтесса и певица Тянь Юнь-вэнь подарила мне изящный веер из слоновой кости. На перьях веера я заметил очень мелкую надпись. Это было сочинение знаменитого китайского поэта Цюй Юаня — его поэма в несколько тысяч строк.

Приведу еще один пример.

Однажды в сопровождении китайского поэта Цзан Кэ-цзяна мы осматривали музей искусств, расположенный в одном из бывших императорских дворцов в Пекине. Высокохудожественных, ошеломляющих своим виртуозным изяществом, уникальных, бесценных вещей было так много, что просто теряешь представление о том, что же в конце концов можно еще сделать, да и есть ли вообще предел человеческому мастерству! На зернышке риса выгравирована комната со всей обстановкой и фигурой занятого по хозяйству человека!.. На тонком человеческом волосе иероглифами выписано целое послание!..

Музей был настолько богат, что для подробного ознакомления с его экспонатами потребовались бы недели. На это у нас не было времени, и мы успели только бегло осмотреть самую незначительную часть собранных в нем сокровищ.

Возле одной из витрин товарищ Цзан Кэ-цзян остановился.

— Посмотрите, пожалуйста, сюда, — сказал он, — склоняясь над каким-то предметом.

Мы увидели кусок слоновой кости длиной около метра, утолщенный с одного конца, — слоновый бивень! Густо расписанный резьбой, он выглядел на первый взгляд неуклюже и грубо по сравнению с изящными вещами по соседству.

— Смотрите внимательней, поближе, поближе!

Мы стали разглядывать бивень через лупу. То, что мы увидели, было ошеломляюще, поразительно, уму непостижимо!

Из одного цельного бивня слона был сделан китайский храм — пагода. Храм имел девять этажей, внутри каж-

дого из них были вырезаны комнаты со всей необходимой утварью. Некоторые детали сделаны настолько мелко, что их можно разглядеть только через сильное увеличительное стекло. На самом верхнем этаже возвышалась статуя Будды. Резчик создал шедевр, нигде не поломав кости, не оставив ни одной зазубрины.

Положим, не так уж трудно расписать кость снаружи. Но как можно внутри ее вырезать не только комнату, но и всю ее обстановку, если в мельчайшую ажурную ткань нельзя просунуть не только резец, но даже шило или иглолку! Какими золотыми руками, какими инструментами все это производилось!

Цзан Кэ-цзян рассказал нам историю восхитившей нас пагоды. Она оказалась не менее значительной. Над созданием пагоды около ста лет трудились три поколения мастеров — дед, сын, внук. Тот, кому выпало на долю счастье сделать последний удар резцом, преподнес чудесное творение в дар жене одного из императоров. И с того времени изумительная пагода, переходя по наследству, хранилась в особом музее императорских сокровищ, как память о народном гении.

Но вот к власти пришел Чан Кай-ши. Он боролся против свободы китайского народа и тратил большие средства на то, чтобы задушить революцию. В один из кризисных для своей власти моментов, он решил пополнить казну и продать американским империалистам за крупную сумму часть сокровищ из императорского музея. В их числе оказалась и эта бесценная пагода. Но ему не удалось выполнить свое черное намерение.

Служители музея, случайно узнав о злом решении диктатора, успели спрятать сокровища. Чан Кай-ши бросил работников музея в тюрьму и потребовал указать место, где спрятаны сокровища. Но истинные патриоты, верные сыны народа, даже под зверскими пытками палачей не выдали тайны. Некоторым из них палачи отрубили головы, но тайна оставалась тайной, люди продолжали молчать.

После освобождения страны и установления народной власти оставшиеся в живых работники музея извлекли эти сокровища и в полной сохранности передали их народному правительству.

Так дорого, вплоть до самопожертвования, ценит народ и хранит творения своих мастеров.

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

Эти два слова так же, как Великая китайская стена, широко вошли в разговорный обиход многих народов. Китайская грамота — это предел непонятного, сложного, непосильного.

Китайцы не имеют алфавита. Только с помощью иероглифов они могут прочесть и правильно понять литературные произведения писателей всех времен, как древних, так и современных.

Жители Пекина и Кантона, принадлежавшие к единой нации, при встречах и разговоре не понимают друг друга. А таких провинций, население которых не понимает разговорной речи соседа, немало в стране Чжунго. И все они изъясняются с помощью иероглифов.

На земном шаре много разных народностей и племен, не понимающих друг друга. У них разный алфавит, разное начертание слов, разное произношение. Даже корни слов единоплеменных народов во многих случаях бывают разными. Русские, словаки, чехи, поляки, принадлежащие к одной славянской группе, не понимают друг друга. К тюркской группе принадлежат казахи, чуваша, азербайджане, якуты и другие нации, и все они плохо понимают, а зачастую совсем не понимают ни разговорной речи, ни письма этих национальностей. Образно выражаясь, они глухи и немы по отношению друг к другу. Мурые иероглифы избавляют китайский народ от подобной глухонемой.

Диковинные знаки китайской грамоты хранят в себе удивительные тайны человеческой культуры в глубине веков. Китайцы двух провинций, говорящие на разных диалектах, без всяких затруднений общаются друг с другом с помощью иероглифов. Я еще раз с удовольствием повторю, что такие разные нации, как китайская, корейская и японская, с помощью иероглифов правильно понимают друг друга.

Мне довелось побывать в Академии наук Китая и встретиться с ученым-лингвистом, товарищем Цюй Ань-дунем.

Где бы то ни было, в учреждении, или у себя дома, китайцы беседуют с гостем обязательно за чашкой чая. И сейчас наш разговор с Цюй Ань-дунем протекал за чаем. Когда я заговорил о чудесных свойствах иероглифа, уче-

ный-лингвист взял со стола чайник с великолепным китайским узором и поставил его передо мной.

— Не правда ли, эта вещица имеет известную форму и предназначена для определенной цели? — спросил он, указывая на чайник. — Предположим, что вокруг этого чайника сошлись представители народов Ханьцзу, казахского народа, народов германских, славянских, финских и других. Все мы видим перед собой чайник, и каждый из присутствующих называет его по-своему, называет его по-разному, хотя свойство и предназначение чайника от этого несколько не меняются — во всех случаях у всех народов он служит для заварки чая. И все собравшиеся об этом знают. Вы согласны со мной?

— Вполне согласен.

— Точно так же окно, дверь, дом, город, дерево, земля, вода, цветы, небо, луга, солнце, дождь, снег и бесчисленное множество других понятий имеют у разных народов разные названия, хотя все одинаково себе представляют, что это за предмет или явление природы.

Иероглиф передает смысл и назначение каждого предмета через условный, в той или иной мере, набросок, рисунок его контуров. Например, иероглиф, обозначающий солнце, пишется кружочком с точкой по середине. Если этот кружок разделить пополам черточкой, получится обозначение луны. Если же эти два полукруга повернуть друг к другу дужками, получится уже не солнце и не луна, а третье, новое значение. Если бы иероглифом рисовали, вернее, срисовывали каждую вещь, какой она есть на самом деле, — продолжал рассказывать Цюй Ань-дунь, — то получилось бы не письмо, не грамота, а просто-напросто рисование, которое невозможно было бы использовать как средство литературного общения. Ведь на свете имеются миллионы непохожих друг на друга предметов, разве хватит иероглифов, чтобы обозначить каждый из них оригинальным знаком!

— Нет, конечно.

— Иероглиф, обрастая вспомогательными черточками или в соединении с другими иероглифами, способен передавать сложные мысли пишущего. Его не так просто расшифровать. Вот, например, на языке Ханьцзу понятия «мужчина» и «женщина» обозначаются двумя различными иероглифами. Если из этих двух иероглифов составить один сложный, то он приобретет совершенно другое зна-

чение и его следует читать, как «хорошее», «наслаждение», «блаженство...» В китайском языке имеется немало слов с одинаковым иероглифическим начертанием, но с разным значением.

Я слушаю примеры, которые приводит мне Цюй Ань-дунь, и вспоминаю о существовании точно такого же явления в казахском языке. Так, например, казахское слово «ту» означает в одном случае «знамя», в другом — «жирный». Скажем, «Кзыл-ту» — это значит Красное знамя, но «ту-бие» — жирная кобыла. Слово «кур» имеет даже три совершенно разных толкования — тетерев, шерстяная тесьма для юрты и нагульный скот. Слов омонимов, имеющих одинаковое звучание, но разный смысл, немало и в других языках. У казахов есть слова, имеющие до пяти разных значений. А в китайском языке можно найти слово, которое имеет до сорока значений, в зависимости от сочетаний с другими словами.

Первоначально иероглиф появился как контурное представление о предмете. Со временем понятия усложнялись, вместе с ними усложнялись и иероглифы. И, наконец, наступило время, когда в иероглифах стали разбираться только подготовленные люди. По утверждению Цюй Ань-дуня китайский язык является одним из самых богатых языков мира.

Я поинтересовался, каким же образом люди читают толстые романы, написанные иероглифами. Ведь если представить, что каждый знак требует немалого умственного напряжения для расшифровки, специальных знаний, то как медленно, вероятно, читаются книги на китайском языке.

— Дело не в том, чтобы каждый читатель обязательно знал все иероглифы, — пояснил Цюй Ань-дунь, а в том, чтобы понимать принципы их построения. Человек, хорошо знающий эти принципы, может легко разобраться в любом новом, ранее неизвестном ему иероглифе.

За время нашей беседы с лингвистом я, к сожалению, не мог усвоить всех глубин китайской грамоты. Для этого, по крайней мере, требуются годы, а не минуты или часы. Я не стал излишне углубляться и только спросил о будущей судьбе иероглифов.

— Разве письменность, основанную на рисунке, нельзя заменить буквами, создать новый простой алфавит,

легко доступный для изучения любому китайцу? — спросил я.

— Конечно, можно. Кстати, у нас тоже имеются буквы. Их не так уж много, около тридцати. Сейчас создается проект нового китайского алфавита на основе латинских знаков.

— Интересно, когда будет осуществлен переход на этот новый алфавит?

— Точного срока нет, да и установить его не так просто. Если мы сейчас, сразу же, откажемся от иероглифов и перейдем на новое написание, то многие китайские провинции, не понимающие друг друга, окажутся разобщенными и в экономическом и в культурном отношении. Вы понимаете, отказаться от иероглифов, значит расчленить единый народ Ханьцзу на отдельные нации! Ведь язык является одним из основных объединяющих начал.

Да, великий народ, имеющий одну общую территорию, единый образ жизни на протяжении тысячелетий, единую историю, культуру, психологию и письменность, разъединять ради латинского алфавита было бы неправильно и с политической и с исторической точек зрения.

— Но все-таки есть ли выход из этого трудного положения?

— Выход есть. Вместе с проблемой перехода на латинский алфавит мы поднимаем вопрос о создании единого языка для всех китайцев. Так же, как в России, московский диалект является основой и образцом русского языка, так же и в Китае пекинский диалект должен стать образцовым для всей страны. В связи с принятием латинского алфавита мы постепенно в печати, в учебных заведениях всех провинций станем вводить в практику пекинский диалект. Когда это будет — сказать трудно. Возможно, лет через десять, а может быть и через сто, или еще больше. Но придет время, когда все китайцы, безусловно, будут говорить на одном языке.

— Следовательно, тогда вы откажетесь от иероглифов?

— Вряд ли! Мне кажется, нам вообще нет смысла совсем отказываться от них.

— Почему?

— Иероглифы просуществовали несколько тысячелетий. Имеются миллионы китайских книг, хранящих в себе немало мудрости и знаний по всем отраслям науки, куль-

туры, искусства. Если даже часть этих книг, нужных нашим современникам, переиздать на новом латинском алфавите, потребуются сотни лет. Отнять же у нынешнего и у будущего поколений возможность пользоваться бесценным наследием, читать эти книги в оригинале, было бы непростительным преступлением не только против нашей древней, но и настоящей и особенно будущей истории. Единственный способ избежать этого варварства в учебных заведениях — это наряду с латинской грамотой обучать людей иероглифической письменности. Вдвойне благородная задача — воспитать новое поколение всесторонне образованным. Иероглиф никогда не может быть сдан в музей как экспонат! Я подчеркиваю эту мысль. В нем бьется живое сердце народа Ханьцзу. Остановить это сердце, значило бы убить историю Китая. Никто не в силах сделать этого и никто не решится на это. Следовательно, как бы ни была трудна наша грамота, иероглиф будет существовать не только сейчас, но и в грядущие времена.

ПЯТОЕ ИЮНЯ

В этот день мы были в Ухане, отдыхали на берегу Восточного моря — искусственного гигантского озера, расположенного в живописной горно-лесистой местности на окраине города. Говорили, что длина береговой линии Восточного моря равна ста километрам. Оно вплотную подступает к горам, заполняет ущелья, низины, овраги. Озеро молодое и глубокое. Совсем недавно выпущенная в него рыба стала быстро размножаться, и озеро приобрело крупное хозяйственное значение. Множество рыболовецких артелей ведут на нем успешный промысел.

На берегу, среди чудесных рощ, построены дома отдыха. Небольшой уютный городок, расположенный вдали, на возвышенном побережье, оказался одним из отделений Уханьского университета.

Со времени создания озера не прошло и десяти лет, но оно уже стало одним из важных мест промышленного лова рыбы и излюбленным местом отдыха. По зеркальной глади его днем и ночью снуют расписные лодки с разноцветными парусами, слышны характерные китайские песни и музыка. Вместе с отдыхающими в домах отдыха развлекаются на озере рабочие и служащие, приходящие из города на один вечер. Допоздна на озере разносятся их голоса, в звездной

воде проплывают тени лодок, парусников, дрожит и искрится на волне отражение фонарей с кормы.

Пятое июня — день памяти Цюй Юаня. Он жил за три столетия до нашей эры. Крупнейший поэт, талантливый композитор и ученый, теоретик иероглифического письма, он по сей день остается непревзойденным литератором по богатству языка. Его мудрая, эмоциональная, изящная по форме поэзия поныне остается лучшим образцом, которому подражают и по которому учатся современные китайские поэты. Созданные им песни стали народными, их с любовью исполняют и с удовольствием слушают по всему Китаю.

При его жизни беднейшее крестьянство под руководством народного героя Чэнь Шэня поднялось против императора Цинь Ши-хуана. В этой кровавой борьбе глашатай восстания Цюй Юань своим словом, своими песнями вдохновлял народ на борьбу с угнетателями.

После беспощадного зверского подавления восстания Цюй Юань, преследуемый правительством, не видя спасения, бросился в волны Янцзы и погиб...

Китайский народ свято хранит вечную любовь к своему сыну. По поверью, бросившийся в волны Цюй Юань не погиб, а по сей день живет на дне Янцзы. Он непоколебимо верит в победу народа, он собирает со дна реки жемчуг, кораллы и другие драгоценные камни, чтобы украсить ими будущий Дворец Свободы.

Цюй Юань утонул пятого июня.

С того времени прошло две с лишним тысячи лет, но, несмотря на такой долгий срок, ежегодно в день 5 июня народ очень оригинальным способом отмечает его память. В этот день все китайцы, богатые и бедные, каждый по своим возможностям, варят пельмени из риса и ранним утром отправляются к ближайшей реке. Они останавливаются на берегу, бросают пельмени в воду и поют все, хором, с теплыми проникновенными словами, обращаясь ко всему живущему в воде: «Наши пельмени — угошение для всех!.. Как мы почитаем и угошаем вас, так и вы любите и угощайте нашего Цюй Юаня...»

Затем собравшиеся развлекаются, устраивают на берегу игры и пляски.

Этот день и поныне является всенародным праздником в Китае. Что может быть значительнее такого признания для поэта!..

Вечером накануне дня памяти Цюй Юаня мы сидели на открытой веранде дома отдыха на берегу Восточного моря. Мы не стали зажигать яркий свет, чтобы не будоражить беспокойных комаров, а кроме того, чтобы удобнее наблюдать празднество на озере.

Еще днем, когда мы катались на моторной лодке, уже заметно было праздничное оживление на озере и в его окрестностях. Навстречу нам попадались сотни рыбацких шлюпок, парусников. В них сидели нарядно одетые люди, с добрыми, светящимися весельем лицами. У молодых на головах красовались венки, на груди у каждого были приколоты цветы. Почти у всех в руках были какие-нибудь музыкальные инструменты — и свои национальные и европейские, такие, например, как аккордеон.

С наступлением сумерек все озеро наполнилось чудесным дрожащим светом от лампочек на лодках, от звезд на ясном небе. Музыка и пение еще зазвучали громче, и замечательное зрелище беспредельного веселья предстало перед нашими глазами.

Охваченные всеобщей радостью, мы тоже всю ночь веселились и встретили восход солнца, не смокнув глаз.

Еще с вечера мы договорились с нашими китайскими друзьями посидеть за непринужденной беседой до тех пор, пока кому-либо из нашей компании не захочется спать.

Но спать не хотелось, никто не чувствовал утомления. Да разве можно в такую ночь, полную музыки, чудесных песен, танцев, беззаботного веселья, чувствовать усталость и хотеть спать!

Наши друзья исполняли произведения Цюй Юаня. Они читали интересные отрывки из его поэмы «Лисао», играли его «Девять напевов», «Десять элегий»...

Наше общее внимание привлекла к себе поэтесса Тянь Юнь-вэнь. Очень общительная, веселая и красивая женщина с небольшими, чуть выпуклыми глазами и черными бровями, она была в узких синих шароварах и широком шелковом халате.

В начале нашей сегодняшней встречи мы условились, что за столом во время чаепития каждый из нас должен исполнить по очереди песню своей провинции. У нас в гостях люди сидели из разных областей Китая. Да и наша маленькая бригада представляла три национальности: Кетлинская — русская, Собко — украинец, я — казах.

И вот начался своеобразный фестиваль. Каждый добросовестно, в меру своих способностей, исполнял одну-две песни родного края.

Когда очередь дошла до Тянь Юнь-вэнь, она на мгновение смутилась, извинилась и попросила отсрочки, сославшись на свое плохое самочувствие. Мы простили, в порядке исключения, зная, что Тянь Юнь-вэнь скоро должна стать матерью. Она заслуживала снисхождения. Вместо нее Вадим Собко сильным приятным голосом спел украинскую песню, затем Вера Казимировна исполнила русскую народную песню.

Дошла очередь до меня. Мой голос, вообще не отличавшийся благозвучностью, в этот вечер после прогулки по озеру, как на зло, охрип еще больше. Однако я не смог отказаться — плохой голос не шел в счет, а других причин у меня не было. Да и вообще воля дружеского стола священна, надо выполнять ее. Набравшись решительности, я кое-как осипшим тенорком спел нашу песню «Дударай» о любви русской девушки и юноши казаха. Когда я, наконец, закончил петь, все стали дружно и вполне серьезно аплодировать и только одна Тянь Юнь-вэнь несколько раз легко хлопнула в ладоши, улыбнулась и что-то сказала своим товарищам. Мое пение явно ей не понравилось.

— Тянь Юнь-вэнь очень хвалит вашу песню, — сказала мне Наташа.

— Зачем хвалить дурно исполненную песню! — воскликнул я.

— Она хвалит не исполнение, а саму песню, — уточнила Наташа, вероятно, желая подшутить надо мной. — Тянь Юнь-вэнь знает ее.

— В таком случае пусть она споет ее! Просим, просим! — зашумели мы.

Сперва она попробовала отказаться, но, убедившись в нашей непреклонности, вполголоса запела...

О чудо! Она пела нашу родную песню на китайском языке, соблюдая мелодию, как настоящая казашка. В песне мне были понятны только два слова «Мария» и «Дударай». Остальные я не мог разобрать. В китайском языке нет звука «Р», поэтому Тянь Юнь-вэнь выговаривала эти слова особенно нежно и мягко — «Малия», «Дудалай».

У нее был камерный голос, чистый и звонкий, как

可愛的一朵玫瑰花

阿的瑪麗亞

可愛的一朵玫瑰花

阿的瑪麗亞

昨天我到山上打獵騎着馬

正當你在山下歌唱婉轉入雲霞

歌聲使我迷了路

我從山上滾下，啊呀呀

你的歌聲婉轉入雲霞

強壯的青年哈薩克

伊文都爾達

強壯的青年哈薩克

伊文都爾達

今天晚上請你過河到我家

騎上你的馬兒帶上你的冬不拉

等到月兒升上東

撥彈你的琴弦，啊呀呀

我們相依歌唱在樹下

江云 1956. 6. 7. 武昌

Китайский текст казахской народной песни «Дударай».

серебро. Песня хватала за душу. Поэтесса была не просто любительницей пения. Имея звучный от природы голос, она еще потрудилась над его постановкой и окончила музыкальную школу. Она пела профессионально, сердечно и волнующе. Понятно, что мне пришлось покраснеть перед ней в этом своеобразном состязании, но вместе с тем мне было очень радостно слушать казахскую песню.

После «Дударай» Тянь Юнь-вэнь, как говорится, распелась. Она чудесно исполнила несколько китайских песен и две-три песни других народностей страны Чжунго. В заключение по нашей просьбе она еще раз повторила «Дударай».

Я знал, что поцелуй в Китае — не распространенный обычай. Но в ту минуту, когда вдали от Казахстана, уже соскучившись по своей родине, я услышал одну из самых популярных казахских песен, я был взволнован до глубины души, не мог сдержаться и с чувством искренней, большой благодарности обнял Тянь Юнь-вэнь и поцеловал.

В мою записную книжку поэтесса собственноручно иероглифами переписала китайский текст песни «Дударай»...

За оживленной и веселой беседой мы не заметили наступающего утра. Первые проблески зари, занимающейся на туманном горизонте, увидел Вадим Николаевич.

— Друзья, кажется, уже светает! — воскликнул он, показывая на восток. — Не следует ли вздремнуть немного? До восхода солнца?

Он подчеркнул «до восхода», потому что с восходом начиналась церемония бросания пельменей в воду. Оставалось еще около часа. Мы уже знали, что церемонию с пельменями готовились проделать и здесь, в доме отдыха. Но, несмотря на это, мы вдвоем с Гун Мо не стали ее дожидаться и решили пойти к памятнику Цюй Юаня. Он находился в двух-трех километрах от нас, на берегу того же Восточного моря.

Памятник великому поэту был воздвигнут в 1951 году народным правительством Китая. Это небольшое куполообразное здание в китайском стиле. Оно стоит на возвышении из больших камней и рассчитано на долгие века. С двух сторон к нему ведут высокие лестницы. В округлой стене памятника из белого мрамора имеется

несколько больших, без стекол, но зарешеченных окон и два входа — один с севера, другой с юга.

В истории Китая, кроме изображений Будды, еще не было примера устанавливать памятники с человеческими фигурами. В этом домике внутри под куполом впервые поставлен бронзовый бюст Цюй Юаня. Это первый и, впрочем, пока единственный памятник поэту во всем Китае.

Вчера оба входа под купол были закрыты: шла уборка домика в связи с предстоящим праздником.

Отправляясь к памятнику на заре, я думал, что мы окажемся возле него вдвоем с Гун Мо и будем там единственными посетителями. Но я ошибся. Уже по дороге туда впереди и позади нас я увидел большие и маленькие группы людей, идущих вереницей в том же направлении. На вопрос, куда они идут, мы получали один и тот же ответ:

— К памятнику Цюй Юаня!

Все они были нарядно одеты, все улыбались. Многие несли в руках плоские блюда, прикрытые сверху красивыми салфетками, у многих были пышные букеты цветов. Гун Мо незаметно шепнул мне:

— На блюдах несут пельмени!..

Небо уже окрасилось в нежные розоватые тона начинающегося рассвета. Отовсюду слышалось пение. Многократное эхо разносило звуки музыки и песни далеко по окрестностям.

Вместе со всеми мы подошли к возвышению, на котором стоял домик-памятник великому поэту. Здесь уже собралось много празднично одетых рабочих, крестьян, интеллигенции. Домик буквально утопал в цветах. Радужные лучи восходящего солнца осветили его, и вся эта картина — мраморный домик, цветы, большое количество людей — казалась огромным волшебным букетом на щедрой земле...

Когда из-за дальних парящих на востоке гребней начал выкатываться сверкающий круг золотого солнца, люди с песней двинулись к берегу Восточного моря. Там они сбросили салфетки с широких блюд, развязали узелки и стали бросать в воду пельмени. В этот момент песня окрепла, зазвучала громче, величавее, голоса слились в едином мощном порыве. Гун Мо тоже присоединился к ним и громким голосом подхватил песню...

— Кто написал эти слова? — спросил я у него.

— Цюй Юань.

— А музыку?

— Тоже Цюй Юань!

Какой сильной должна быть песня, какими близкими сердцу каждого должны быть ее слова, чтобы в течение двух тысячелетий народ хранил ее в своей памяти и пел ее так взволнованно!..

Величественная картина чествования тронула меня до глубины души. Слушая песню, я от всего сердца желал, чтобы все поэты мира также любили народ и были преданы ему, как Цюй Юань. И еще я хотел, чтобы все народы мира так же помнили и любили своих достойных сынов, как китайцы любят и помнят своего Цюй Юаня.

ЦИРК, ТЕАТР, МУЗЫКА

За все время путешествия в редкий вечер мы оставались дома — обязательно нас приглашали либо в кино, либо в театр, либо на концерт.

В современном Китае сейчас выпускается наибольшее количество кинокартин. В 1956 году китайские зрители увидели 1200 полно-и короткометражных фильмов (по 100 фильмов ежемесячно!). Все они посвящены революционной борьбе и сегодняшнему строительству. Немало вышло на экраны кинокартин, показывающих жизнь и быт национальных меньшинств. Высокую оценку китайских зрителей получил кинофильм «Хасан и Джамиля», в котором рассказывается об участии синьцзянских казахов в китайской революции. Этот фильм создали Бухар Тышкановаев и Вань И-хв.

Удивительно широко распространен в Китае цирк. Пожалуй, никакой другой вид искусства не пользуется здесь столь всенародной популярностью. Благодаря виртуозному мастерству, увлекательной выдумке, исключительной технике исполнения китайские «циркачи» снискали себе мировую славу. Мы не видели еще таких представлений, хотя за свою жизнь побывали во многих цирках. Некоторые номера китайцев просто уму непостижимы. Они потрясают зрителя. Возьму два примера из тысячи.

Человек, оказавшись по той или иной причине под потолком, неизбежно должен рухнуть оттуда, если его

чем-нибудь не прикрепить. Итак, сегодня в программе — велогонки по вертикальной стене и под куполом цирка. Представление начинается. Набирая бешеную скорость, китайский гонщик взлетает по вертикальной стене под самый купол. Вот он сделал круг, потом вдруг дал резкий крен — и мы ахнули, увидев, что артист уже мчится вниз головой. Велосипед, не отрываясь, несясь под куполом, словно шины его были приклеены или прихвачены сильным магнитом. Невольно задумаешься над тем, какая сила удерживает человека под потолком. Это ведь не муха!..

Другой поразительный случай мы наблюдали в Уханьском цирке. На арену вышел китаец с огромной и толстой змеей. Чтобы убедить зрителей, что змея живая и настоящая, он слегка подразнил ее — змея стала извиваться и шипеть. Затем артист, к нашему великому удивлению и даже ужасу, поднял змею над собой и постепенно, начиная с хвоста, начал глотать ее. Он проглотил змею целиком! Обхватив живот обеими руками, фокусник стал изгибаться и гримасничать, будто от проглоченного «деликатеса» ему стало не по себе. Его легко можно было понять. По рядам зрителей пронеслись восклицания сочувствия и сожаления. Но вот китаец сделал рвотное движение и изо рта его показалась голова проглоченной змеи. Схватив ее за голову, он постепенно извлек ее живую и невредимую — змея по-прежнему шипела и извивалась. Как же он добился такого эффекта? Может быть, он пустил пыль в глаза зрителю? Вместо того, чтобы проглотить, сунул змею за пазуху или в рукав? Нет. Китаец работал по пояс голый. Можно сколько угодно ломать голову над объяснением этого номера, но ничего толкового, вразумительного человеку неискушенному не придумать.

В китайских городах мы повидали немало спектаклей, но прежде чем рассказать о них, я напомним об одной интересной особенности китайского театра. О ней поведал нам известный писатель и министр культуры республики Мао Дунь.

— У нас пока еще мало театров европейского типа, — сказал он. — У нас существует драма, где события передаются в разговоре героев, в диалоге. В ваших операх содержание передается арией и музыкой, в балете — музыкой и танцем. Оперетта соединяет в себе все эти фор-

мы — и драму, и оперу, и балет. Зрелище без сюжетного построения, построенное на декламации, музыке и пении, вы называете концертом. Представления с дрессированными зверями, с акробатическими, гимнастическими упражнениями и фокусами вы называете цирком. Все эти виды существуют сами по себе, самостоятельны. У нас же в одном спектакле объединены, связаны неразрывно все эти виды искусства. Образцом нашего национального театра является Пекинская классическая опера. Вы должны побывать там, чтобы воочию убедиться и понять сущность нашего театра.

— С удовольствием! — отозвались мы.

— Театры европейского типа, в частности оперный и драматический, мы начали создавать лишь после освобождения, — продолжал Мао Дунь. — Такие театры уже есть в Пекине и в некоторых других городах. Если вам позволит время, советую побывать и в них. Но скажу заранее — в старых, народных, истинно китайских театрах, существующих на протяжении тысячелетий, зрелища идут при переполненных залах. Билетов всегда не хватает. А новые театры, оперные и драматические, нередко пустуют. Трудно ответить на вопрос, почему так получается. Возможно, народ еще не привык к ним, а возможно, нет еще хороших пьес в репертуаре. Но как бы то ни было, китайцы пока очень дружно идут в свой театр, а европейский посещают неохотно. Вы сможете побывать в тех и других, понаблюдать, сравнить и сказать нам свои соображения о недостатках того и другого театров.

— Еще одно замечание к сведению, — продолжал Мао Дунь. — Помните, в Советской России появились в одно время пролеткультовцы. Они требовали отказаться от всей старой культуры и оставить одну только новую, пролетарскую. Правильно я передаю суть?

— Да, правильно.

— У нас тоже появились люди, требующие отказаться от старой классической оперы и перейти к созданию театров только европейского типа. Разумеется, возник спор, поднялся шум, и дело, в конце концов, дошло до товарища Мао Цзэ-дуна. Когда один из ярых левых уклонистов обратился к нему с предложением всюду насаждать новый театр, председатель спросил его: «А в какой театр больше ходит народ?»

— Конечно, в старый, — последовал ответ. — В старый, потому что народ привык к нему.

— Хорошо. А для кого нужен театр? — продолжал спрашивать председатель. — Для меня, для вас или же для всего народа?

— Конечно, для всего народа, но...

— Посещать зрелища — личное дело каждого, — перебил его председатель. — Человек идет туда, где ему нравится, и его не заставишь пойти смотреть то, что ему не по душе. Мы не должны забывать, кто такие наши зрители. Они — трудящиеся. До освобождения большинство их было лишено возможности посещать театры. Но теперь, когда такая возможность есть, мы должны показывать им то, чего они хотят и что любят.

— Мудрые слова, — согласились мы.

Вскоре мы побывали в Пекинской классической опере, в некоторых театрах других городов и убедились в правильности замечаний товарища Мао Цзэ-дуна. Мы видели переполненные залы народных театров и полупустые европейского типа. Мы видели смешение всех жанров европейского театра в классической китайской опере.

Спектакли мне очень нравились. По началу, без привычки, я был, можно сказать, огорошен оглушительным звоном медных бубнов. Но казахи недаром говорят: «За три дня человек привыкает даже к своей могиле!» — да простят мою шутку китайские театралы. Я очень скоро привык к назойливому грохоту бубнов и перестал замечать их. К тому же спектакли были настолько интересны, что завладевали мной целиком.

Для китайских театров характерно высокое мастерство в создании декораций. Картины степи, леса, горных вершин на горизонте, текущей реки, грозы с молнией и громом, бурана с ветром, синего неба с кочующими облаками китайские художники воспроизводят настолько живо, правдиво, что трудно отличить искусственное от живой природы, так и кажется, что не существует ни кулис, ни декорации, что просто раздвигаются театральные стены и зритель видит натуру.

Большинство сюжетов классической оперы взяты из жизни старого Китая. В них участвуют императоры, крупные феодалы и чиновники. Костюмы артистов и рек-

визит отличаются особенной пышностью. На вопрос, откуда такая роскошь, нам отвечали одинаково:

— Экипировкой артистов в старину занимались сами императоры и феодалы. Каждый из них лично дарил артисту одежду со своего плеча, чтобы все действия на сцене не отличались от дворцовой жизни. После освобождения все костюмы и реквизит перешли в собственность народных театров.

Характерен грим китайских артистов. Женщины накладывают его на лицо густым, толстым слоем, отчего лишаются мимики и становятся похожими на кукол. У мужчин борода и усы очень условны, если не сказать большего. Бороду из конского волоса артист кое-как приклеивает или подвязывает к подбородку. При движении она болтается, как маятник, и может съехать на ухо — зритель прощает, он понимает замысел, а остальное не столь важно. Выход артистов в сценах с животными также условен порой до смешного. Если артист появляется на сцене с кнутом, то это должно означать, что герой выехал к зрителю на коне. По ходу действия всадник делает соответствующие движения — садится на «коня», слезает с него, стреноживает и так далее. Исполнители роли зверей (а в классической китайской опере без зверей дело не обходится) появляются на сцене зашитыми с головы до пят в звериную шкуру. «Зверь» обязан натурально, на четвереньках, двигаться и совершать гигантские прыжки, оправдывая ту шкуру, в которую он облачен. Особенно трудно приходится в роли тигра, льва или медведя. С головы до ног артист одевается в шкуру и начинает играть. В антракте нам удалось побывать за кулисами, и мы вблизи увидели актеров «звериного» амплуа — они обливались потом и тяжело дышали от усталости.

Нельзя не отметить высокого искусства китайских артистов в танце и в изображении психологических переживаний и различных эмоций. Популярен, например, такой танец, требующий высочайшего мастерства. Охотника окружают в горах девять тигров. Они делают гигантские прыжки и головокружительные акробатические трюки, на которые, конечно, настоящие тигры не способны. Одиноким охотник с копьем в руках мужественно отражает нападения клыкастых хищников. Он ранит одного зверя, убивает другого, но силы его иссякают. Исте-

кающий кровью охотник бессильно опускает руки. Оставшиеся в живых тигры уже готовятся разорвать его на куски. Вот они плотнее и плотнее обступают его. Но тут охотник стремительно прыгает вверх и в воздухе исполняет торжественный танец. Кто не видел этого удивительного танца, тому трудно представить невероятный эффект — танцор совершенно не касается пола и в то же время ничем не поддерживается сверху. Чудо мастерства, силы, ловкости!

Китайские артисты достигают большой выразительности в передаче сложных психологических переживаний героев.

Самобытные особенности песен, танца, мелодий той или иной провинции обязательно сохраняются в китайской опере, передаются по традиции. В Китае имеется немало хороших, слаженных в сюжетном отношении народных поэм вроде нашей «Кыз-Жибек». Казахский драматург Габит Мусрепов в середине тридцатых годов переработал эту легенду в оперное либретто. Композитор Брусиловский написал для нее музыку. Надо оговориться, что Брусиловский талантливо использовал лучшие, наиболее выразительные песни всех областей Казахстана. Казахские оперы «Ер-Таргын», «Жалбыр» и некоторые другие создавались по тому же способу.

Но в Китае оперная музыка создается по другому принципу. Либретто китайской оперы, похожей на «Кыз Жибек», в Кантоне, например, ставят с песнями и музыкой кантонской провинции, в Шанхае — с музыкой шанхайской, в Пекине — пекинской провинции. Получается, что одно и то же либретто сопровождается в разных местах разной музыкой. Соответственно меняется и название оперы — Кантонская, Пекинская, Шанхайская.

Местные мелодии, свои песни и танцы приближают оперу к зрителю, способствуют популяризации театра.

Занимательно содержание китайских классических спектаклей. В пьесе «Мын Ли-цзюнь», названной по имени главной героини, старик-император влюбляется в юную красавицу Мын Ли-цзюнь и решает жениться на ней. Убедившись в невозможности спасти себя от замысла старого властелина, девушка решает перехитрить его. Она уходит из дому, переодевается в мужскую одежду и проникает во дворец. Своим умом и находчивостью она скоро завоевывает расположение императора и ста-

новится премьер-министром. Постепенно император догадывается о проделке Мын Ли-цзюнь, узнает о том, что он обманут, и негодует. Однако он решает не расправляться с девушкой, а хитрым и осторожным способом разоблачить ее и все-таки добиться ее любви. Идет открытая, с остроумными уловками, полная драматизма борьба между императором и переодетой девушкой. Старик беспомощен, он ничего не может добиться. Юная красавица всем сердцем влюбляется в его сына. И тот отвечает ей взаимностью. Император разгневан. Он любит Мын Ли-цзюнь и в то же время души не чает в своем сыне. В конце концов, сменив гнев на милость, старик благословляет двух молодых людей на брак.

В опере «Охота на тигров» рассказывается о судьбе молодого бедного охотника. Однажды в горах он подстрелил тигра. Тяжело раненный зверь замертво падает с высокой скалы в фруктовый сад императора, где в это время прогуливался его сын. Увидев перед собой неожиданную, с неба свалившуюся добычу, отрок присваивает мертвого тигра и начинает хвастать перед всеми придворными и отцом своей удачей. Между тем охотник, заметивший, куда упал подстреленный тигр, является во дворец и требует вернуть добычу. Вместо того, чтобы рассудить справедливо, император приказывает посадить безвинного охотника в темницу якобы за клевету на своего сына. Красавица царевна с первого взгляда влюбляется в отважного охотника. Она ловко обманывает стражу, освобождает возлюбленного из темницы и вместе с ним убегает в горы.

В опере «15 000 чохов» пьяница и бедняк решается продать богатому купцу свою юную дочь за 15 000 чохов. Но у девушки уже есть любимый, и ей совсем не хочется выходить за купца. Однако отец не разрешает ей соединиться с любимым юношей, во-первых, потому, что у «несчастливого» отца нет больше детей, значит некого больше продать, и, во-вторых, он уже получил задаток и пропил его. Теперь, если он не вернет долг, купец отправит его в тюрьму. Тогда влюбленные находят выход из трудного положения. Они нанимаются на работу, чтобы со временем иметь нужную сумму для освобождения нерадивого отца от долговой кабалы. Увидев, что только из-за него трудятся и терпят муки молодые, отец бросает пить и сам начинает честно трудиться. Спектакль конча-

ется торжеством справедливости, ликованием тружеников, браком влюбленных и позором алчного купца.

Интересна опера «Ахи и Асьма». Подобно казахскому эпосу о «Козы-Корпеш и Баян-Слу», она является лирическим эпосом народности Сани. Этот немногочисленный народ живет на юге Китая, в провинции Юньнань. Сани издревле занимались скотоводством и кочевали от подножий Тибетских гор до Южно-Китайского моря. Но в последние сто лет народ Сани скрылся в горах и перестал спускаться в долину. Сани стали жить обособленно. Никого из других племен они не подпускали близко к своим становищам, выставляли дозорных на тропинках и перевалах и беспощадно убивали всех, кто пытался пробраться к ним.

Что же заставило их порвать связи с миром, уединиться в горах, обособиться?

Оказывается, сто лет тому назад провинцию оккупировали англичане. Тоскующие от безделья колонизаторы выходили в горы на охоту и наравне с попадавшей дичью в порядке развлечения подстреливали людей сани. Неслыханное зверство вооруженных по последнему слову людоедов устрало народ Сани и он ушел в труднодоступные горы и ущелья. Англичане продолжали преследование. Сани оказывали посильное сопротивление, но вынуждены были все дальше и дальше забираться в горы и совсем перестали спускаться в долину. Оторванные от всего мира, они прожили сто лет. В стране были изгнаны чанкайшисты, была установлена народная власть, а сани продолжали оставаться в горах, ничего не ведая о великих событиях, происшедших на земле собратьев. Они продолжали охранять свои жилища и по-прежнему убивали всех, кто пытался проникнуть к ним. Они не спрашивали, зачем пожаловал пришелец. Они не подпускали к себе ни одного китайца и убивали посланцев народного правительства. Действовать с помощью писем, с помощью печатных воззваний было невозможно: за сто лет Сани совершенно одичали и были поголовно неграмотны. Никто из них не имел представления о школе, о книгах.

Но мудрое народное правительство после многих попыток все же сумело войти в доверие Сани и уговорило их спуститься с гор. Вскоре для детей Сани были открыты школы, постепенно стали обучать грамоте и взросло-

население. Повысился материальный уровень жизни сани, народ начал развиваться в полную силу.

Благодаря мудрой политике народного правительства сейчас в народе Сани появились свои партийные, административные, хозяйственные и культурные кадры. Народность имеет свой автономный район, свою печать, школу и является одной из равноправных национальностей Китая.

И вот уже в театрах страны ставится лирический эпос сани «Ахи и Асьма». Бедняк-пастух, смелый и меткий охотник Ахи влюбляется в дочь бедняка Асьму. К зиме они уже готовились сыграть свадьбу, но выдалось засушливое, неурожайное лето, а зимою началась гололедица и Ахи, чтобы спасти скот, вынужден был погнать стада на дальние пастбища. В это время о необыкновенной красоте Асьмы прослышал император и заочно влюбился в девушку. Узнав об отсутствии жениха, он послал своих слуг с приказанием похитить Асьму. Те выполняют приказание. Но девушка не покоряется воле властелина и остается верной своему жениху. Тогда император сажает ее в темницу. Возвратившийся в родные места Ахи узнает о похищении Асьмы и решает либо освободить ее, либо сложить свою голову. Он отправляется к императору. Встречные люди сочувствуют ему и указывают ближайшую дорогу. В непроходимых горах на Ахи нападают тигры. В схватке с ними герой получает тяжкую рану и только чудом спасается... Император, узнав о появлении Ахи в его городе, приказывает страже задержать его. Но смелый богатырь Ахи перебил дворцовую стражу, освободил Асьму и увез ее. Тогда император, не сумев победить своего соперника силой власти и оружия, решает убить его неожиданным злодеянием. Он приказывает разрушить плотину на одной из бурных рек, которая пересекала путь влюбленным. Вода хлынула в овраг, по которому ехали беглецы. Ахи и Асьма утонули.

Изумительна световая иллюзия в финале спектакля. Картина, когда Ахи, обняв Асьму, уже в глубине воды задыхается в предсмертной агонии, оставляет потрясающее впечатление, словно на самом деле являешься очевидцем гибели двух людей.

Музыка и танцы оперы «Ахи и Асьма» полностью принадлежат народности Сани. Поэму переработал для сцены китайский драматург Шу Чи-лян.

Ли Чюнь-си, Сабит Муканов и Чинь Бай-хуа.

В Ухане эту же оперу показывали под названием «Хань». Роль Ахи исполнял тридцативосьмилетний актер Ли Лю-цзе, а роль Асьмы — двадцатилетняя Хуа Билинь. Спектакль прошел блестяще. Постановку сего осуществила режиссер Чинь Бай-хуа. «Чинь» в переводе означает «женщина», Бай — «сто», а «хуа» — цветок. Женщина красоты ста цветков — так зовут режиссера. На другой день после спектакля она познакомила нас с театром и рассказала немного о себе и о судьбе актрис в прежнее время.

В старом Китае театры содержались частными предпринимателями. Только Пекинская классическая опера да немногие театры в других больших городах находились на государственном попечении. По словам Чинь Бай-хуа, предприниматели имели две выгоды от театра — хороший доход и хороших любовниц. Своим артистам они выплачивали мизерную долю, лишь бы те не умирали с голоду и могли передвигаться по сцене. Они выискивали в народе красивых малолетних девочек и забирали их в театр на многие годы. Девушки становились взрослыми, и хозяева по неписаному закону делали их своими любовницами.

Чинь Бай-хуа родилась в бедной семье и восьми лет попала в частный театр. Свою актерскую деятельность она начала с исполнения детских ролей. Хозяин взял ее неспроста, и девочка с детства понимала, какой ценой придется ей расплачиваться в будущем за кусок хлеба сейчас... Она не могла противиться рабскому обычаю, ведь ей некуда было деться из театра, она очень любила театр и к тому времени уже исполняла главные роли, и зрители восхищались ее игрой. Может быть, она могла спастись, убежав на сцену другого театра? Нет, такого выхода не существовало. Во всех театрах хватало своих красивых женщин, воспитывающихся здесь с детства. Кроме того, между владельцами театров существовал строгий сговор — не принимать актеров и актрис, покинувших своих первых хозяев.

— Вот так и работала на одном месте, — вздохнула Чинь Бай-хуа. — После освобождения театр стал государственным и меня назначили художественным руководителем.

— А этот ваш... бывший хозяин куда девался? — задал я нескромный вопрос.

— Состарился. Когда появилась возможность свободно трудиться, все покинули его. Ну и я тоже.

Женщина красоты ста цветков, очень статная, очень веселая, в свои тридцать восемь лет выглядела значительно моложе и оставалась по-прежнему красивой. Я шутливо спросил ее:

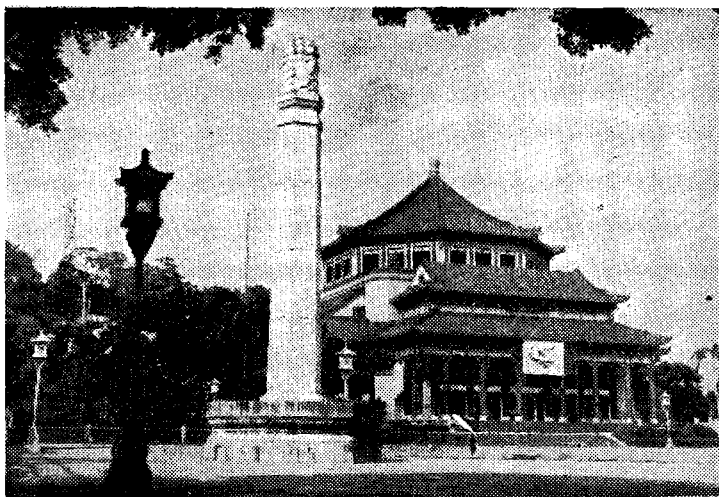
— Вы молодая, красивая женщина, неужели вы не смогли найти себе молодого друга?

— У меня есть любимый и больше мне никого не надо!

— Интересно, кто он?

— Театр! — мило улыбаясь, ответила женщина. — Все лучшее я отдаю театру и никогда не изменю ему. Теперь уже крепче его я ничего и никого не люблю!

Чинь Бай-хуа пользуется большой популярностью и занимает важную роль в театральной жизни Китая. Сейчас в ее театре работает 37 актеров и актрис и среди них всеми уважаемый восьмидесятилетний Ли Чюнь-си, актер-пенсионер, работающий в театре с десятилетнего возраста. Его знают и почитают не только в своем коллективе, но и во всем театральном мире Китая. Один из

Дворец имени Сун Ят-сена.

знатоков истории русского театра назвал Ли Чюнь-си китайским Щепкиным.

В Кантоне я побывал на концерте во дворце имени Сун Ят-сена. Кроме меня и моей переводчицы, в большом репетиционном зале никого не было. Перед нами готовилась к большому выступлению музыкальная капелла городской филармонии.

— Интересно, сколько инструментов в вашем оркестре? — спросил я руководителя капеллы Цин Чже-иня.

— Больше ста, — ответил он. — И все национальные. В мире нет большего количества национальных инструментов, чем у китайцев.

Я присмотрелся к оркестру и прежде всего увидел инструмент «а-ху» огромных размеров, напоминающий по форме наш кобыз. По величине он не вмещался в объятия человека и издавал низкий, как рев верблюда, звук. Рассмотрел я и миниатюрный с высоким и сильным тембром «тидзэ», на котором играют, как на губной гармошке.

Занимательны и своеобразны названия китайских мелодий: «Если птицы опустятся в лес», «Когда буря сгибает бамбук», «В волнах играет рыба», «Когда листья беседуют с дождем», «Шутка соловья с цветком», «Кле-

кот сокола на косогоре», «Ласточка, любящая своих птенцов», «Когда лебедь тоскует по безбрежному озеру». Все они построены на волнующем драматическом сюжете и имеют значительное содержание. В мелодии «Ласточка, любящая своих птенцов» тревожной музыкой рассказывается, как змея подползает к гнезду, как отчаянно кричат ласточки, защищающие своих птенцов, как появляется добрый охотник. Он спасает птенцов и играет радостную песню на свирели. Все это передается трогательной музыкой то всем ансамблем, то поочередным соло на отдельных инструментах. Когда исполняют «В волнах играет рыба», слышится звонкий плеск воды, когда начинают играть о буре, сгибающей бамбук, слышен смятенный стон стволов бамбука. Песня лебедя и соловья передается в тонком естественном звучании...

Специального образования я не получал и в оценке музыкальных произведений ориентируюсь только на собственный слух. Я слышал мелодии многих народов Советского Союза, очень люблю татарскую музыку. Некоторые монгольские, корейские и китайские песни мне кажутся похожими на татарские. Мелодии Ханьцзу я не считаю труднопознаваемыми, мне они нравились, и я слушал их с удовольствием. Более двух часов я просидел в репетиционном зале Кантонской филармонии.

Увлеченный квинтетами, квартетами, трио, дуэтами и соло, я совсем позабыл о времени и чуть не опоздал на следующую обязательную встречу. Взглянув на часы, я опомнился и поспешно стал благодарить Цин Чже-иня за восхитительный концерт.

— Я вас задержу только на одну минуту, — ответил руководитель капеллы. Тут же он взял из рук пожилого музыканта смычковый трехструнный инструмент с длинным без ладов грифом и протянул его мне.

— Это чынг, один из древнейших музыкальных инструментов Китая. Ему по меньшей мере три тысячи лет. Его делают из драгоценного черного дерева и обтягивают кожей удава. Наш коллектив, — он показал на музыкантов, которые поднялись и поклонились мне, приложив руку к сердцу, — в знак вечной дружбы дарит вам, советскому писателю, самый древний инструмент нашего народа.

Поблагодарив от всей души, я принял чынг в свои руки. Он оказался довольно тяжелым.

— Как будто в нем свинец! — удивился я.

— Нет, только черное дерево! — ответил музыкант.

Весьма довольный подарком, я поблагодарил музыкальный коллектив и начал прощаться с ними. Вслед мне зазвучала мелодия «Когда лебедь тоскует по безбрежному озеру». Какой это замечательный мотив!

В Шанхае мне удалось ознакомиться, к сожалению, поверхностно из-за отсутствия времени, с путями развития китайской музыки.

К моему удивлению, в Китае оказалась одна-единственная консерватория на всю страну. Она была открыта в конце прошлого века в Тяньцзине, а впоследствии начал работать ее филиал в Шанхае. До освобождения здесь обучали игре только на европейских инструментах, а китайские не признавались. Немногие выпускники не находили себе применения в китайских операх — народ не принимал европейской музыки, — они вынуждены были уезжать за границу, где подвизались на сценах различных театров или разъезжали с гастролями.

Поскольку связь консерватории с народом была непрочной, желающих учиться в ней было немного. В Тяньцзине и в Шанхайском филиале в общем обучалось не более ста человек.

Руководитель Шанхайского филиала Тань Су-чжэнь рассказал, что филиал организовался в 1927 году и сейчас имеет шесть факультетов: фортепьянный, композиторский, вокальный, оркестровый, национальных инструментов и дирижерский. В 1956 году на всех шести факультетах обучалось 250 студентов. При консерватории работает подготовительная средняя школа на 300 детей. Среди 130 преподавателей китайцев есть одна русская женщина — Дмитриевская, приехавшая в 1955 году из Ленинграда. Прежние учителя, англичане и американцы, ушли из консерватории после изгнания Чан Кай-ши.

— Признаться, мы не очень огорчены их уходом, — усмехаясь, говорит Тань Су-чжэнь. — У нас хватает своих преподавателей, среди которых 17 профессоров, получивших отличное музыкальное образование за границей, в консерваториях с мировой известностью.

Китайские народные музыканты и композиторы пользовались преимущественно нотами по цифровой системе,

которую не изучали в прежних музыкальных школах и консерватории.

Старая китайская нота — своеобразный иероглиф — существует три тысячи лет. Цифровая нотная система была перенята китайцами у японцев в середине прошлого века и ввиду своей простоты получила широкое распространение. Ноты-иероглифы постепенно вытеснялись, и сейчас мало кто знает нотную иероглифическую систему, разве только музыковеды и историки. Сейчас в консерватории преподают наряду с цифровой и итальянскую нотную систему.

В прежнее время Тяньцзиньскую консерваторию и ее Шанхайский филиал за все время их существования окончило всего 100 человек. В 1955 году консерватория выпустила 25 музыкантов, а в 1956 году — уже в два раза больше.

Я побывал в музыкальной школе, в филиале консерватории, осмотрел учебные корпуса и общежитие. Консерватория находится на южной окраине Шанхая в цветущем саду. Внутри здания по обеим сторонам длинного коридора располагаются учебные классы с соответствующими учебными пособиями. Шум и звуки из одного класса не проникают в другой — звуконепроницаемые двери закрываются наглухо. Общеобразовательные предметы читаются в больших аудиториях. Для прослушивания концертов учащихся имеются вместительные концертные залы и даже отдельные специальные здания. Кстати, все здания музыкального городка построены в китайском стиле, облицованы разноцветной долго не выцветающей эмалью.

Многэтажные здания общежитий расположены в некотором удалении от учебных корпусов. Учащихся пока не так уж много, поэтому есть и пустующие места. Несмотря на заметную просторность, кровати в спальнях комнатах размещаются в два-три яруса, как в железнодорожных вагонах. За чистотой и порядком в общежитии следят сами учащиеся. Возможно, что нас ждали здесь, а может, и нет, но во всяком случае комнаты общежития блистали чистотой.

Учащиеся и студенты питаются в столовой при консерватории. В столовой, как и везде в Китае, работают только мужчины, умеющие быстро приготовить вкусный

人們都叫我瑪依拉

詩人瑪依拉

牙齒白聲音紅歌手

瑪依拉

高興時唱一首歌

彈起冬不拉，冬不拉

來往人們擠在我的屋檐底下

瑪依拉，瑪依拉

哈拉拉庫，拉依拉，拉依拉

哈拉拉庫，拉依拉呀，拉拉拉：

張經信

1956.6.11.

Китайский текст казахской народной песни «Майра».

обед. Ни в общежитии, ни в столовой мы не видели ни одной мухи.

Учащиеся получают стипендию 12 юаней, студенты — 25 юаней. Заработная плата преподавателей колеблется от 100 до 150 юаней, профессора получают 200 юаней.

Радушные хозяева пригласили нас пообедать вместе со студентами, а затем предложили послушать выступление некоторых студентов.

Импровизированный концерт состоялся в небольшом

актовом зале. Мы прослушали около двадцати номеров. Среди выступающих особенное впечатление произвели на меня две девушки-пианистки У Лэ-и и певица Лю Цзу-ань. У Лэ-и училась на третьем курсе по классу фортепьяно. Ее тонкие изящные пальцы так проворно бежали по клавишам, что невозможно было уследить за ними. Она исполняла китайские, русские, западноевропейские и восточные произведения. Под ее аккомпанемент студентка четвертого курса Лю Цзу-ань высоким, очень звучным голосом спела несколько китайских оперных и народных песен. Она превосходно исполняла романсы и арии из произведений Чайковского, Штрауса и в заключение безупречно исполнила казахскую песню «Майру».

Эти девушки, как два зеркала, отражали всю прелесть, всю могущественную красоту прошлого, настоящего и будущего высокого искусства китайского народа.

Гласа третья

ЕДИНСТВО

В двух предыдущих главах я писал в основном о прошлом великой страны, о замечательном труде китайского народа в прежние времена. Сейчас мне хочется рассказать читателю о первых плодах социалистического строительства в Китае.

КИТАЙ, ПОКОРЯЮЩИЙ РЕКИ

В Китае есть поговорка: «Вода — отец, земля — мать». Так говорят потому, что большинство посевов — поливные. Есть вода — будет урожай, нет воды — нет и урожая.

Китай — страна древнейшего земледелия. К примеру, такая культура, как рис, еще в незапамятные времена распространилась по всему миру из Китая. Историки знают немало других сельскохозяйственных культур, впервые выращенных в стране Чжунго.

В Азии в любом уголке первые шаги в земледелии начинаются, как правило, с орошения. На протяжении веков китайцы создавали целую систему каналов, арыков и плотин, покоряя воду, заставляя землю плодоносить два-три раза в год.

Многие буйные реки удалось обуздать в прежние времена терпеливым людям. Вода насыщала землю, земля кормила людей. Но до прихода народной власти остава-

лись непокоренными две могучие и строптивые реки — Хуанхэ и Янцзы. Обе они очень длинные, широки и многоводны. Они протекают через горы, пустыни, степи.

Капиталисты старого Китая не стремились создавать на всем протяжении рек плотины, шлюзы и дамбы. А простые труженики собственными силами и средствами ничего не могли поделаться с буйными реками.

Но вот народ пришел к власти, и за последние восемь лет под руководством Коммунистической партии трудящиеся Китая энергично взялись за покорение рек.

О строительстве на Хуанхэ я знаю только понаслышке. Но на берегу Янцзы мне пришлось побывать самому и посмотреть начало великой стройки.

Одна из крупнейших рек нашей Родины — красавица-Волга занимает по длине и полноводности только девятнадцатое место среди великих рек мира. Длина Янцзы — по-китайски полное ее название Янцзыцзян — превышает пять тысяч километров, ширина русла в иных местах достигает восьми километров.

На берегах Янцзы живет третья часть всего населения — двести миллионов человек. Для людей, живущих на побережье, на протяжении долгих тысячелетий река являлась и великим счастьем и великим горем.

Начинаясь в Тибете, на Крыше Мира, Янцзы на своем пути вбирает в себя сотни ручейков и рек и, полноводная, величественная, течет на огромной территории. Сотни каналов и тысячи арыков, вырытых населением в ее обширных долинах, никогда не пересыхали, и близлежащие земли не знали неурожая. У казахов есть поговорка: «Кто живет у реки, тот не знает голода», у китайцев подобная ей, но более образная: «Глина Янцзы — листья жизни».

Подобно Нилу, воды великой реки несут массу ила и тем самым естественно удобряют почву. И хотя орошение всегда стоит тяжелых трудов, крестьяне в долинах Янцзы редко умирали от голода даже в тяжкие времена феодализма. В этом заключалось счастье, приносимое рекой народу.

Но в нередкие годы Янцзы становилась для людей источником тяжких бед. Когда в Тибете на вершинах Небесных гор таяли льды, река выходила из берегов, на сотни километров затапливала окрестности, попутно

разрушая и смывая бурными потоками сотни селений и городов. Река губила посевы, скот, уносила тысячи человеческих жизней... Во время наводнения 1931 года только в одном городе Ухане в волнах Янцзы погибло более 60 тысяч человек!

В прежние времена никто не помогал населению бороться со страшным стихийным бедствием, никто не приезжал на помощь спасти гибнувших. А бороться самим не хватало силы. Сейчас правительство Китая повело организованную, всенародную борьбу с наводнениями не только на Янцзы, но и на других реках страны.

Приведу один характерный, насыщенный подлинным героизмом пример. В 1954 году создалась опасность сильного разлива Янцзы. Центральное народное правительство немедленно организовало чрезвычайную комиссию по борьбе с наводнением. Все население угрожаемых районов, от мала до велика, было привлечено к работе. Людей, конечно, хватало, требовались инструменты, транспорт и, главное, материал для укрепления берегов. Со всех краев обширной страны начала поступать помощь. О размерах ее можно судить хотя бы по тем материалам, которые были посланы в Ухань. Этот город с древнейших времен стоит в большой впадине и постоянно находится под угрозой наводнения. На протяжении сотен лет население вело неустанную борьбу с рекой. За долгие годы трудами сотен тысяч людей была воздвигнута огромная дамба, протяженностью в 166 километров, шириною в пятьдесят метров и высотой в 29 метров. Но и это колоссальное сооружение не спасло. Во время наводнения 1931 года разлившаяся Янцзы перевалила через гигантский вал и затопила город.

Каждую весну из года в год люди выходили на побережье. В 1954 году, когда появилась угроза нового наводнения, только в одном районе Уханя вышли на борьбу 280 тысяч человек. Они занялись укреплением и наращиванием дамбы. В том году со всех концов страны для земляных работ было прислано: 5 420 937 холщовых мешков, 3 030 468 рогожных мешков, 807 405 корзин, плетеных из тальника, 327 193 корзины, плетеные из бамбука, 3 800 000 цзиней (мера веса, равная 0,6 килограмма) тростникового хвороста, 2 502 600 цзиней соломы из гаоляна, 531 184 чжана (мера длины, равная 3,2

метра) камышитового каната, 273 насоса для откачки воды, 1 732 металлических якоря.

На перевозке земли и камня работало 32 паровоза и 2 419 железнодорожных платформ, 72 тягача, свыше 7 000 буксиров, 70 тысяч лодок, 1 041 автомашина и 1 070 понтонных лодок. В этот опасный момент, по утверждению сведущих людей, на берегах Янцзы работало 25 миллионов человек. Какие огромные силы были сжаты в один кулак и брошены на борьбу с рекой!..

Вода прибывала с устрашающей быстротой. Вот ее уровень достиг 20 метров, вот уже 25. Люди продолжали наращивать заграждение. Ожесточенная борьба человека со стихией закончилась победой человека. Когда уровень воды поднялся до 29,73 метра, люди успели повысить дамбу до 30,5 метра. Семьдесят семь сантиметров спасли город Ухань от затопления! Но какое огромное напряжение, какая воля сплоченного коллектива кроются за этими семидесятью семью сантиметрами!

Огромное мужество проявил китайский народ в этой борьбе. Лучшие из его сынов стали народными героями.

О них созданы легенды, поэты написали о них стихи, поэмы и песни, писатели — рассказы, повести и пьесы, композиторы — музыку... Шести особо отличившимся правительством присвоило почетное звание Героев Социалистического Труда. Орденами и медалями было награждено 65 тысяч человек.

Мне хочется подробнее рассказать о двух героях. Одна из них девушка Ли Ю-цзи, другой — молодой человек Янь Чжун-лян.

Девушка Ли, воспитательница детских яслей, живет в пригородном селе на восточной окраине Уханя. Ей всего восемнадцать лет.

Когда начали прибывать воды Янцзы, девушка, как и многие в ее районе, не проявляла особого беспокойства, надеясь на крепость и достаточную высоту прежней

дамбы. Ведь несколько лет она выручала город, почему бы и на этот раз не выручить!

«Вода всюду находит щель» — гласит поговорка.

И вот Янцзы вышла из берегов и вплотную подошла к дамбе. И сразу же в разных местах, сквозь щели и лазы, прорытые мышами и змеями, начала сочиться вода. Комиссия по борьбе с наводнениями немедленно создала специальные отряды по заделке коварных щелей.

Детские ясли, где работала Ли Ю-цзи, располагались во впадине вблизи дамбы. Был полдень. Малютки, не подозревая об опасности, спокойно спали после сытного обеда. И вдруг Ли Ю-цзи услышала подозрительное журчание воды. Глянула на дамбу и увидела предательские струйки, бьющие все сильнее, все напористее. Вода всюду находит щель... Что делать? Вблизи, кроме подруги по работе, другой воспитательницы, никого не было. Дети спали. А вода между тем угрожающе прибывала, все больше и больше размывая брешь в дамбе, подбираясь уже к помещению яслей.

— Всех детей надо успеть перенести на дамбу! — крикнула Ли Ю-цзи своей подруге.

Девушки начали быстро спасать спящих малюток. Однако не успели они вынести и половину детей, как вода хлынула потоком. Надо было немедленно закрыть брешь. Но чем? Времени для раздумываний не было. Ли Ю-цзи бросилась к дамбе и закрыла промоину своим телом. Вода уже хлынула в помещение яслей. Оставшихся детей Ли Ю-цзи приказала срочно вынести на крышу домика, так как вода прибывала с такой стремительностью, что не оставалось времени перенести оставшихся детей на дамбу.

Отважная Ли из последних сил борясь с тугими струями воды, прикрывала брешь своим телом сколько могла. Бешено рвущаяся вода оттолкнула обессиленную девушку уже тогда, когда почти все дети были перенесены на крышу домика. Несколько минут воспитательницы были спокойны за судьбу детей. А между тем вода продолжала прибывать все с большим и большим напором. Вот она уже заполнила комнаты, вот хлынула через окна, вот все выше и выше ползет по стенам. А помощи все нет и нет. Неужели не подоспеет спасательная команда? Тогда вся впадина заполнится водой, и безжалостная вода смое с крыши маленьких беспомощ-

ных детей. Ли Ю-цзи вместе с подругой снова начали переносить детей с крыши на самое высокое место дамбы.

Последних детей они переносили по горло в воде, а потом и вплавь. Они рисковали жизнью. Вскоре мутный пенящийся поток захлестнул крышу, но детей там уже не было — отважная Ли Ю-цзи успела переправить их в безопасное место. За самоотверженный подвиг правительство присвоило Ли Ю-цзи звание Героя Социалистического Труда, а ее подругу наградило орденом.

Ли Ю-цзи.

Нам очень захотелось посмотреть на юную героиню. поговорить с ней. Мы поехали в ясли, где Ли Ю-цзи продолжала работать в той же должности. До наводнения ясли помещались в обычном крестьянском домике. Теперь они переведены в новое, большое, хорошо обставленное здание.

Ли Ю-цзи оказалась простой, скромной, совсем обыкновенной китайской девушкой, каких миллионы. На ее груди сверкает Золотая звезда. Ли совсем недавно выучилась грамоте. Один сельский учитель взял над ней шефство и помог получить начальное образование. Позже Ли Ю-цзи поступила в техникум на заочное отделение и продолжала работать в яслях.

В разговоре с ней я поинтересовался, есть ли у нее свои дети. Ведь, наверное, Ли Ю-цзи должна быть хорошей любящей матерью. Девушка стыдливо опустила глаза и ответила, что она еще не замужем.

— А впрочем, зачем мне торопиться? Ведь все эти дети — мои.

И это сухая правда! Ведь если бы не находчивость и отвага Ли Ю-цзи, дети могли бы погибнуть в волнах Янцзы. Отважная девушка спасла их от верной гибели, стала второй матерью многочисленной детворы.

Во время нашего посещения дети спали. Ожидать,

пока они проснутся, нам было недосуг, а посмотреть на детей очень хотелось.

— Поскольку вы торопитесь, разрешаю вам войти в спальню,— любезно предложила Ли Ю-цзи.— Только, пожалуйста, снимите обувь и пройдите в одних чулках.

Мы разулись и босиком, на цыпочках, чтобы не разбудить спящих, тихонько вошли в спальню. На белых кроватках, на белых чистеньких простынках и подушках попадавали здоровые, розовощекие малютки. Боясь свободно вздохнуть, чтобы не потревожить их покоя, мы молча обменялись между собой восторженными улыбками и бесшумно вышли.

Я видел много хороших, образцовых яслей в Китае и у себя на родине, но ясли, в которых работала Ли Ю-цзи, оставили у меня особое неизгладимое впечатление.

Теперь о другом народном герое — о Янь Чжун-ляне.

Он родился в 1921 году в семье батрака и с раннего детства начал работать у помещиков. Достигнув двадцатилетнего возраста, он бежал из-под власти чанкайшистов, перешел на территорию, занятую Народно-освободительной армией, и добровольно вступил в ее ряды. Янь Чжун-лян испытал все тяжести боевой и походной солдатской жизни, участвовал во многих сражениях. После установления народной власти он поступил на работу и честно трудился. Когда империалисты затеяли военную авантюру в Корее, Янь Чжун-лян добровольцем уехал помогать братскому корейскому народу в борьбе за его освобождение. Там он работал шофером по перевозке снарядов и боевого снаряжения на передовую линию. В боях с захватчиками на горном хребте Шанганлин Янь Чжун-лян был тяжело ранен и отправлен на родину. Здесь, в госпитале, научившись кое-как писать левой рукой — правая после ранения бездействовала,— этот мужественный человек начал вести дневник. В 1954 году, участвуя во всенародной борьбе с наводнением, Янь Чжун-лян погиб в мутных водах Янцзы...

После смерти героя его дневник был обнаружен и издан на китайском языке массовым тиражом. Писатели Ухани подарили нам по одному экземпляру этой замечательной книги. Мне все как-то не удавалось связаться с переводчиками и подробно ознакомиться с дневником. Совсем недавно один из членов нашей бригады — Вера

Кетлинская выпустила в свет книгу о нашей поездке под названием «Китай сегодня и завтра». В конце книги писательница приводит выдержки из этого замечательного дневника в переводе китаиста Б. Вахтина. Рекомендую читателю обратиться к весьма интересной книге Веры Казимировны.

Когда я читал его дневник, я волновался, словно передо мной лежал роман, благородный, занимательный, поучительный, с героем светлой души. Мне кажется, что дневник Янь Чжун-ляна отображает дела, настроения и идеалы не только его самого, но и многих других честных и верных сынов китайского народа.

Когда один из его товарищей по школе, герой войны в Корее, вступил в партию, Янь Чжун-лян записал в своем дневнике:

«Он действительно достоин называться борцом за дело пролетариата. Партия впитывает таких людей, это неизбежно. У меня нет пессимизма в отношении вступления в партию, и я не вступил еще потому, что нет достаточных оснований. Я должен подойти к себе с критериями члена партии, и только если я буду вести правильную жизнь, у меня будут основания вступить, и партия примет меня. Пусть лучше партия подольше испытывает меня, чем я стану членом партии без достаточных прав на это — это было бы вредно для партии».

Незадолго до своей героической гибели Янь Чжун-лян подал заявление о вступлении в партию. Через девять месяцев после его смерти Комитет Коммунистической партии Хубэйской провинции постановил посмертно принять его в ряды партии. Правительство присвоило ему высокое звание Героя Социалистического Труда.

Бурный разлив Янцзы в 1954 году вызвал необходи-

Янь Чжун-лян.

мость проведения более решительных и существенных мер для укрощения строптивой реки навсегда.

Но это было отнюдь не легким делом. По подсчетам специалистов, для обуздания Янцзы следовало укрепить оба ее берега на протяжении трех тысяч километров, то есть соорудить дамбу общей длиной в шесть тысяч километров. Укрепления должны пройти по глубоким оврагам, по песчаным барханам и холмам. Во многих местах уровень воды в реке, подобно нашей Сыр-Дарье, возвышался над уровнем близлежащей местности до 25 метров. В таких опасных местах дамба должна иметь высоту не менее 30—40 метров. Потребуются миллионы кубометров земли, камня, песка, миллионы тонн камыша, цемента, бетона и прочих материалов. Нужны тысячи камнедробилок, бульдозеров, экскаваторов, землечерпалок, бетономешалок, большое количество другой техники, нужен транспорт для перевозки.

Но машин не было. На работу выходил человек, вооруженный лопатой, мотыгой, носилками и другим, таким же примитивным, орудием. Ждать появления необходимой техники не позволяло время, не позволяла коварная Янцзы.

У Народного правительства Китая есть один замечательный принцип — прежде чем приступить к какому-нибудь делу, имеющему общегосударственное значение, оно советуется с народом, а позже, по окончании работы, отчитывается перед ним. Уже не говоря о партийных, хозяйственных и культурных организациях, отчитываются даже такие, сугубо секретные учреждения, как, например, органы государственной безопасности, работа которых связана с государственной тайной. В конце каждого квартала они докладывают народу, какие события произошли за это время и чем они кончились.

В связи с этим принципом вопрос об окончательном покорении Янцзы был вынесен на всенародное обсуждение. Все население бассейна великой реки, равное населению СССР, поголовно высказалось за немедленное начало работ.

— Пока будет создаваться техника, река может затопить наши города. Укрепим берега своими руками! — заявил народ.

Другого ответа и быть не могло. Разве легко переносить каждой весной страшную опасность наводнения,

жить в постоянной тревоге? Уж лучше разом подняться всем от мала до велика и покончить с бедствием.

Заручившись согласием народа, правительство в срочном порядке создало план борьбы. В грандиозном проекте предусматривается рытье каналов и создание на укрепленных берегах огромных водохранилищ. Некоторые водоемы будут иметь окружность в тысячи километров. Представьте себе озеро величиною с наше Аральское море! Многие каналы будут иметь длину в несколько тысяч километров. Если с помощью этой сложной водной системой оросить прилегающие земли, то урожай в бассейне Янцзы увеличится в несколько сот раз!..

В связи с проектом покорения реки само собой возникает и другой замечательный план. В старом Китае почти не было электричества. Для развития экономики и культуры социалистической страны необходима мощная энергетическая база. Источников ее в Китае более чем достаточно. По подсчетам ученых, на реках страны можно построить несколько гидроэлектростанций мощностью в один миллиард киловатт. Ровно половину такого количества сможет дать одна Янцзы при полном ее освоении. Но для этого, разумеется, нельзя ограничиться укреплением берегов, надо строить электростанции. Посмотрим, есть ли для этого подходящие места?

Великая Янцзы несет свои воды на протяжении нескольких тысяч километров. В некоторых местах она идет через горы и образует водопады. Например, с утеса Синься вода реки падает с тысячеметровой высоты.

В обычном понимании жителей гор водопад — это вода с оттаявших ледников, падающая с высоты утесов. Но Янцзы — не горный ледник. Огромная, широкая река, привольно мчащаяся по степям и долинам, она стремительно врывается в узкий, сжатый гранитными скалами проход Синься. Имея в среднем ширину около восьми километров, река суживается здесь до ста пятидесяти метров и, взбешенная скалистой преградой, бурлит, ярится и с тысячеметровой высоты обрушивается вниз. Какая мощь! Говорят, во всем мире нет другого такого водопада.

Ну как можно не использовать такой мощный, созданный самой природой источник электроэнергии!

Китайское правительство включило в план развития экономики, помимо укрощения Янцзы, строительство

электростанции у водопада Синься. Такой крупной станции нет еще в Советском Союзе, нет в Америке, нет нигде в мире. Обуздание Янцзы в горном районе Синься имеет еще и другое положительное значение. Я уже говорил, что в Китае нет неплодородных земель, лишь бы была вода. Когда в Синься вырастут плотины, все склоны широких ущелий, овраги и долины превратятся в посевные поля и фруктовые сады.

Возвести спасительную дамбу, построить мощную электростанцию, оросить пустующие земли — это очень важная и благородная задача. Но и это еще не все. На очереди стоит третья, огромнейшей важности проблема — постройка мостов через Янцзы.

Река прерывает важную железнодорожную магистраль возле Ханькоу. Какие трудности представляла перевозка пассажиров и грузов с одного берега на другой! В старом Китае было очень мало пароходов. Десятки тысяч тонн грузов месяцами лежали на берегу в ожидании перевозки. Эта заминка на берегу вызывала общенародное недовольство и даже отразилась в художественной литературе. Переезду через Янцзы посвящено немало стихов и песен. Мост через Янцзыцзян стал давнишней мечтой народа.

Нынешнее правительство Китая решило осуществить эту мечту и построить в течение ближайших пятнадцати лет три моста через Янцзы.

Во второй половине 1954 года был закончен проект по освоению Янцзы. Все население побережья под руководством партии и правительства дружно принялось за осуществление плана.

Грандиозная работа только начинается. Немало трудностей ожидает строителей впереди. Мне хочется остановиться на некоторых фактах, свидетельствующих о небывалом энтузиазме народа, о невиданных темпах работ. Судя по всему, можно надеяться на досрочное завершение строительства. Фактов много, но я постараюсь вкратце рассказать о наиболее характерных.

Втроем — писатель из Уханя, переводчик Саша и я — мы объезжали на машине одно из укреплений, строящихся на берегу Янцзы, и наткнулись на болото. Машина остановилась. Направо от нас лежало большое озеро, налево возвышалась гора свеженарошенной дамбы. А между ними, прямо перед нами, лежало болото. Нам нужно было во что бы то ни стало пробраться через пе-

го. За болотом работало множество людей, нам хотелось повидаться с ними и поговорить.

Ли Чжу-ай, поразмыслив, нашел выход из положения. На озере в зарослях камыша паслись яки. Неподдалеку от них купались какие-то люди.

Яки в нашей стране не распространены и многие не знают, что это за животное. По виду они похожи на коренастых быков, с откинутыми назад рогами. Шкура их вместо шерсти покрыта редкими жесткими волосами. В Китае яки встречаются повсюду. Здесь эти животные несут такую же службу, как у нас коровы и волы. Китайцы питаются их молоком и мясом, используют их как тягловую силу.

Итак, заметив яков на озере, Ли Чжу-ай предложил мне перебраться через болото верхом. Я сразу согласился. Мне не впервые приходилось ездить верхом на быке. А як — тот же самый бык, только другой породы. В юности верхом на быке я пас байские отары. По казахским понятиям падать с быка куда хуже, чем с лошади. Народная молва говорит: при падении всадника лошадь подставляет человеку гриву, чтобы удержать его, а бык — рога, чтобы наказать побольнее. На лошадь человек садится ближе к холке, а на быка — ближе к хвосту. Даже на хорошо откормленном быке невозможно усидеть на остром, как нож, хребте. Нужно сказать, я не совсем учел это, позабыв уроки детства.

Ли Чжу-ай что-то крикнул одному из купающихся, тот через минуту поймал ближайшего яка и подвел к нам. Я поторопился усесться первым. За мной взгромодились Саша и Ли Чжу-ай. Мне подали веревку, служащую поводом. Я начал понукать яка, и он медленными, ленивыми шагами пошел в воду. Мне было больно сидеть на хребте, казалось, он с каждым шагом вонзается в мое тело, но я старался не подавать вида.

Здесь, с позволения читателя, я сделаю еще одно небольшое отступление. В старину один путник-казах холодным осенним днем заехал в аул, расположенный в густом лесу. Озябший путник зашел в первую попавшуюся кибитку. Хозяин оказался не из богатых и поставил перед проголодавшимся гостем горячую лапшу. Нетерпеливый гость зачерпнул ложку, хватил с пылу полным ртом и обжегся. Однако, постыдясь выплюнуть, морщась от боли, он все-таки проглотил лапшу. Стараясь скрыть смущение, он

затем поднял слезящиеся от боли глаза к отдушине на верху кибитки, увидел там ветви дерева и, не зная, о чем больше говорить, спросил:

— Где растет это дерево?

Сидевшая подле него взрослая дочь хозяина, лукаво ответила:

— Растет на больном месте в наказание нетерпеливому!

Мне припомнилась эта притча сейчас, во время путешествия на яке. Временами животное прибавляло ходу, и мне становилось особенно больно.

— Как называется это озеро? — спросил я, желая отвлечься и показывая на бескрайний, уходящий к горизонту водоем.

— Оно не имеет названия, — ответил Ли Чжу-ай.

Если мой вопрос ничем не отличался от вопроса обжегшегося путника, то и ответ писателя из Уханя в меньшей мере был похож на ответ казахской девушки незадачливому гостю. Кто знает, может быть, и у китайцев есть подобная история!..

Но я решил не сдаваться.

— Как же так, разве бывают безымянные озера?

Ли Чжу-ай ответил вполне серьезно:

— Другие озера имеют названия, а это нет.

— Почему?

— Оно создано совсем недавно.

— Совсем недавно?!

Оказывается, всего-навсего год тому назад на месте бескрайнего озера возвышалась большая лесистая гора. Когда стали возводить укрепления на берегу Янцзы, строители ручными пилами спилили лес. Не имея ни экскаваторов, ни бульдозеров, ни скреперов, они ломami и лопатами разворошили гору от вершины до основания, срыли землю и на тачках перевезли ее к берегу. Так на месте горы образовалось огромное озеро-водохранилище.

Я вспомнил казахскую поговорку: «Народ плюнет — озеро получится». Очень похожа на нее русская поговорка: «Мир взревет — леса клонятся». А у китайцев: «Народ любую гору сдует!» Как мудро сказано о силе народного единства! Перед моими глазами лежало безбрежное озеро, созданное руками тружеников на месте каменной горы, и все это за какой-нибудь год! Какой энтузиазм, какая не-

сокрушима́я сплоченность! Да разве найдутся преграды, которые смогут устоять перед такой силищей!

Судя по ходу строительства и по заверениям местных товарищей, укрощение Янцзы будет завершено не в пятнадцать лет, как было запланировано, а в десять.

Мы побывали на строительстве моста через Янцзы у города Ханькоу. Проект моста создан китайским инженером Тан Хуан-чэном при участии советского специалиста Константина Сергеевича Силина. По проекту подмостовые габариты должны возвышаться над уровнем воды на 18 метров. Крупные корабли могут беспрепятственно пройти под мостом. Длина моста 1 700 метров. Он должен быть двухъярусным. По нижнему ярусу пойдут поезда, по верхнему — другие виды транспорта и пешеходы. Мост строится так называемым бескессонным методом, без установки глубоких подводных железобетонных оснований.

Еще при первом знакомстве с Великой китайской стеной мы услышали примечательную историю железной дороги, проложенной на Пекин неподалеку от стены. Эта дорога, названная Тяньцзинь-Шанхайгуаньской, была построена в 1888 году опытным практиком, талантливым инженером-самоучкой Чжан Тянь-ю. В те времена во главе Китая стоял император из династии Цин. Он решил продолжить эту дорогу от станции Шанхайгуань до Пекина. Английские империалисты и российская монархия заявили категорический протест. По этому поводу велись долгие дипломатические переговоры. Наконец, Россия и Англия пошли на уступки и согласились на строительство при одном неперемennom условии — пусть Китай строит дорогу своими силами, не прибегая к технической и инженерной помощи со стороны. Империалисты в насмешку пошли на такую уступку, твердо веря, что никогда сами китайцы не проложат железную дорогу на таком трудном участке. Это, дескать, не грубая китайская стена. Тут нужна техника и высокообразованные кадры.

В 1905 году началась прокладка чрезвычайно трудной трассы Пекин — Калчан. Дорога должна была пройти через скалистые горы, ущелья и реки. Строительство снова повел инженер-самоучка Чжан Тянь-ю.

Английские газеты захлебывались в злорадной насмеш-

ке, заявляя, что в Китае еще не родился человек, способный на такой фантастический подвиг.

Но ошибся старый британский лев! Рассекая неприступные горы, пробивая туннели в гранитных скалах, воздвигая насыпи в глубоких оврагах, возводя мосты через буйные реки, китайцы в короткий срок — за три года — завершили строительство. В 1909 году по новой железной дороге открылось движение.

Весь мир удивился успеху Чжан Тянь-ю, которого раньше презрительно окрестили самоуверенным невеждой.

Впоследствии талантливый самоучка построил еще несколько железных дорог и умер в 1921 году пятидесяти девяти лет от роду.

Я вспомнил этого замечательного выходца из народа, когда на строительстве моста через Янцзы познакомился с двадцатитрехлетним инженером Сюэ Цуан-жэнем. Он мне показался талантливым младшим братом покойного Чжан Тянь-ю. Он тоже выходец из простонародья и наукой строительства овладел, главным образом, на практике, под руководством опытного советского инженера Дмитрия Григорьевича Костина. На стройке Уханьского моста он стал настоящим высококвалифицированным инженером и руководил технической частью бесконечного метода.

Начальник строительства Пын Мин рассказал нам, что мост начали строить в 1955 году и должны закончить по плану в 1960 году.

— Однако, судя по энтузиазму строителей, мы надеемся завершить мост значительно раньше, — сказал в заключение Пын Мин.

Строители сдержали слово! Два года спустя, уже в Алма-Ате, весной 1958 года я с большим волнением и радостью прочел в газете сообщение о том, что Уханьский мост сдан в эксплуатацию...

Таковы темпы Народного Китая. Мы ни на минуту не сомневаемся, что все другие работы по укрощению реки страны будут завершены задолго до срока. Этому порукой единство, трудолюбие и мастерство китайских тружеников.

ОСВОЕНИЕ ЗЕМЛИ

Основной мерой в Китае считается му — одна шестнадцатая часть гектара. Такая маленькая мера не взята произвольно, а имеет глубокое историческое обоснование.

Я уже говорил, что большая часть пахотных земель в Китае является поливной. Рытье каналов и арыков в прежние времена осиливали только богачи, имеющие много батраков. Но даже и богачам не всегда удавалось вывести каналы в дальние поля или поднять воду на возвышение. Требовалась техника и специальные строительные материалы, которые укрепляли бы русла. Долго ли мог прослужить канал, вырытый лопатами да мотыгами?

В старое время вода и лучшие земли принадлежали феодалам. Абсолютное большинство крестьян было безземельным и уходило в батраки на поля помещиков. Интересно отметить, что размеры китайских землевладений были удивительно малы. В России, например, один помещик владел десятками тысяч гектаров земли и даже самый бедный крестьянин — двумя-тремя гектарами. А вот в Китае, особенно на юге, крестьянин, имевший пол му земли (одну тридцать вторую часть гектара), считался счастливым, потому что у других не было и этого. Владелец четырех-пяти му считался середняком, имеющий десять му — уже кулаком. Крупный помещик имел сорок му (2,5 гектара), а крупнейший феодал — сто му (шесть с небольшим гектаров).

Хорошо зная законы гидравлики, китайцы с незапамятных времен научились проводить воду на высокие горные вершины. Они срывали вершины холмов, создавали террасы на склонах и подводили к ним воду.

Поливное земледелие требует ровной, как скатерть, площади. Для китайцев сравнять гору с землей или завалить любой овраг не такое уж трудное дело. Около Кантона мы наблюдали, как китайцы сносили с лица земли гору и заполняли ею овраг. Одна группа лопатами и кетменями долбила гору, вторая в корзинах переносила землю в овраг, третья трамбовала и выравнивала, а четвертая покрывала грунт толстым слоем принесенного из долины чернозема. Таким способом китайцы

освоили и превратили в плодородные поля немало бесплодных земель.

Неподалеку от Ханькоу мы насчитали на одном из горных склонов больше десяти террас. И все они орошались из арыков.

Из-за нехватки земли у китайцев нет отдыхающих земель. При таком положении, если не соблюдать агротехнических правил, не вносить удобрений, очень скоро истощится и превратится в негодную любая почва. У нас в Советском Союзе имеются сотни заводов, вырабатывающих огромное количество химикатов и искусственных удобрений. В Китае такие заводы еще только строятся, а народ пользуется пока естественными удобрениями, которые собираются очень тщательно. Все уборные в Китае находятся на строгом учете, очистка их производится по определенному плану. Помимо применения естественного удобрения, земледельцы постоянно обновляют свежей землей верхний слой почвы. Не жалея сил, они приносят в корзинах плодородную землю из лесов и гор, подчас издалека, с большими трудностями.

Маленькие клочки земли испокон веков принуждали китайцев выращивать как можно большие урожаи.

В районе Кантона вовсе не бывает зимы. Здесь можно собирать до семи урожаев в год. Строго соблюдается поливной режим и чередование культур. Каждый очередной посев, помимо главной своей предназначенности, является одновременно и агротехническим мероприятием. Сперва сажают картофель, за ним рис, потом клевер, за клевером пшеницу, потом снова рис, дальше горох, затем опять пшеницу и так далее. Таким образом почва предохраняется от истощения.

Возделывать землю в Китае в настоящее время трудно прежде всего из-за нехватки тракторов и других сельскохозяйственных машин. Первый тракторный завод, построенный народным правительством, начал выпускать машины только с лета 1956 года. Через год в стране было выпущено уже сто тысяч тракторов. Цифра немалая, но для всего Китая это всего лишь капля в море.

Другая, тоже существенная трудность в земледелии — это очень узкие, разделенные на му, участки. Здесь негде развернуться трактору, поэтому приходится в основном пахать плугами на яках или мулах. Китайский плуг — деревянная соха с железным лемехом. Для

пахоты чаще впрягаются яки, нежели мулы. Яки неприхотливы и очень выносливы, они могут без усталы работать от зари и до зари, если их, разумеется, хорошо подкармливать. Омач, который с трудом тянут два мула, легко тащит один як. Им не нужно править, як сам знает, где следует остановиться. Мало того, умный як, подходя к концу делянки, самостоятельно поворачивает обратно. В полдень хозяин поит его водой, на ночь отпускает пастись, а сам тем временем поливает участок для размягчения почвы.

В старом Китае не было вовсе сеялок и даже в современном их крайне недостаточно. Во все времена китайцам не доставало хлеба и потому каждое зерно в хозяйстве было на учете. Здесь при посеве не увидишь, чтобы разбрасывали зерно из лукошка горстями, как это было в других странах. Здесь каждое зернышко сажается в землю отдельно, как у нас сажают, например, подсолнухи. Какое должно быть у сеятеля поистине китайское трудолюбие и терпение. Вероятно, поэтому пашни в Китае выглядят непривычно для нашего глаза. На пшеничном поле каждый стебель отстоит один от другого сантиметров на пять. Стебли стоят ровно, как по ниточке, сорняков между ними не увидишь.

Высокие урожаи зависят не только от своеобразного сева, но и от кропотливого непрерывного ухода за посевами. Китаец днем и ночью копошится на поле, не отходит от своего участка от начала сева и до окончания уборки. Даже в самый палящий зной, надев соломенную шляпу с огромными полями, без рубашки, в одних коротких штанах, китайский крестьянин ухаживает за пшеницей или по колено в воде работает на рисовом поле. Он любовно осматривает каждый росток, ищет и тотчас удаляет сорняки. Весь день он не прерывает работы. И даже ест зачастую на ходу.

Основная еда китайских крестьян на юге — вареный рис. Во время работы они никогда не садятся трапезничать, как это принято в других странах. За сохой ли, за любой другой работой, испытывая голод, крестьянин на ходу развязывает прихваченную из дома чашку с рисом и ест его, ловко подхватывая крупинки тоненькими палочками. На поясе у него подвешена выдолбленная тыква, полная воды, и он так же на ходу утоляет жажду.

С китайскими крестьянами мы встречались повсюду,

Члены сельхозкооператива за работой.

но более внимательно присмотрелись к их образу жизни в двух селах — одно из них расположено возле Кантона, другое — возле Ханькоу. Как известно, 90 процентов китайских крестьян вовлечено в кооперативы, которые являлись первой ступенью в колхозном строительстве.

В селе Саньлюаньли возле Кантона создан сельскохозяйственный кооператив высшего разряда. Мы приехали туда в основном по той причине, что там живет и работает Ли Ню — молодая женщина с интересной биографией. Встретиться с ней нам посоветовал представитель Комитета партии одной из провинций.

Крестьяне, живущие возле Кантона, принимали наиболее активное участие в революционном движении. Именно здесь в 1921 году впервые заявила о себе Коммунистическая партия Китая. В 1926 году Мао Цзэ-дун открыл в Кантоне школу под названием Крестьянских курсов и сам повел преподавание. Некоторые из нынешних видных политических деятелей Китая являются воспитанниками этих курсов. До открытия школы Мао Цзэ-дун пешком обошел селения пяти уездов. Он знакомился с жизнью крестьян и вел среди них революционную пропаганду.

Ли Ню, в ту пору маленькая девочка, росла в семье батрака. Она с детства воспитывалась в обстановке революционного брожения среди крестьян родного села. Смышленная девочка рано начала выполнять ответственные поручения старших. Четырнадцать лет Ли Ню уходит из дому и становится одним из пламенных агитаторов революции. В 1949 году она водружает в родном селе знамя свободы.

Ли Ню — член партии. Сейчас она работает парт-оргом кооператива в Саньлюаньли. В селе семьсот пятьдесят домов и около трех тысяч населения. Единственная, длиною в полкилометра, улица очень узка, по ней едва могут разминуться две встречные телеги. Дома тесно прижимаются один к другому и производят впечатление сплошной стены. Каждый дом в отдельности занимает не более двадцати метров. Все двери выходят во двор. Здесь, как и всюду в Китае, при каждом доме небольшая лавочка или кустарная мастерская. Внутренние стены домов раздвижные, в комнатах можно увидеть всевозможные товары, которые производят ремесленники для продажи. В селе нет ни одного дома без лавочки или мастерской. Чокан Валиханов был, очевидно, прав, когда писал, что китайцы любят торговать.

Лавочки и мастерские неодинаковые. Есть среди них богатые, есть средней руки, бедные, большие и маленькие, нарядные и убогие. Обычно небогатые китайцы не украшают свои жилища ценными предметами. Основное убранство — циновки. Сплетенные из камыша или соломы, они раскрашиваются яркими и красивыми узорами, рисунками и служат вместо половиков, сюзане, ковриков. Есть так хорошо сплетенные и раскрашенные циновки, что их не отличишь от дорогих ковров. Китайцы издревле народ оседлый и потому нет среди них человека, который даже на крохотном клочке земли не выращивал бы цветы. Если земли нет совершенно, цветы выращиваются в горшках. Китайцы очень гостеприимны, они не отпустят вошедшего в дом, не угостив его фруктами, обязательно угостят чаем и накормят рисовой кашей.

Кооператив в Саньлюаньли имеет в своем владении всего 2 800 му, то есть 175 гектаров земли. Это довольно много по местным условиям. По словам Ли Ню, кооператив соседнего села имеет земли в два раза меньше, хотя едоков столько же. Здесь, в Саньлюаньли, земли

оказалось больше по одной простой причине — здесь было больше кулаков и помещиков, они составляли десять процентов населения и владели 90 процентами земли.

— Самым богатым помещиком в нашем селе был Ли И-мы,— рассказывает Ли Нью.— Он имел 40 му.

Мы перевели 40 му на гектары и невольно рас- смеялись.

— Почему вы смеетесь? — спросила Ли Нью.

— В старой царской России,— смущенно ответил Вадим Николаевич,— бедный крестьянин имел больше этого клочка.

— Одно дело в России, другое — у нас. Этим самым клочком, как вы его называете, Ли И-мы закабалил почти половину села! Он не оставлял ни пяди неиспользованной земли, все отдавал испошникам на таких условиях — обязательно отдавать ему 500 цзиней риса с каждого му (около 250 килограммов), а излишек забирать себе. При самом хорошем уходе редко удавалось вырастить на одном му больше 600 цзиней. Из них надо было 500 отдать владельцу. Бедняк довольствовался остатком. Урожай не всегда были высокими, и часто бедняк оставался должником. Долги росли из года в год, и крестьянин всю жизнь не мог вырваться из долговой кабалы. А помещик из года в год получал свои 500 цзиней, спокойно наполнял закрома и продавал рис другим беднякам. Так постепенно и прибрал к рукам всю деревню.

— Но почему же они соглашались на такую кабалу?

— А куда бедняку деваться? Что поделаешь, если нечего есть? Другой работы нет, своей земли тоже нет.

Это был самый тяжелый, самый гнусный вид кабалы! Крестьянин шел к кулаку, чтобы не умереть с голоду, кормиться в долг.

— Но брать в долг не всегда удавалось. Многие умирали с голоду прямо на поле. Мой отец тоже умер от голода,— вздохнула Ли Нью.

Кроме Ли Нью, о делах кооператива нам рассказывал председатель сельсовета товарищ Ли Су-тянь. По облику он мне очень напомнил народного артиста Казахстана Гарифуллу Курмангалиева.

— Земельную реформу мы провели только через два года после установления народной власти, в 1951 году,— рассказывает он.— До этого мы ограничива-

лись агитацией и пропагандой среди крестьянства, а на кулаков и помещиков тем временем наложили испытание.

— Что это значит?

— Землю временно оставили за ними и даже разрешили нанимать батраков. После уборки урожая кулак получал двадцать пять процентов, а остальные семьдесят пять должен был отдать тем, кто выращивал урожай. Это испытание номер один. Испытание номер два заключалось в том, что мы предложили кулакам самим выйти в поле и работать наравне со всеми. «Хватит вам лежать дома, прохлаждаться и жить паразитами! — сказали мы кулакам. — Иначе и этой доли урожая не получите!» Им же было выгодно иметь постоянно двадцать пять процентов. К примеру, тот же Ли И-мы. С сорока му в среднем получали восемь тонн риса, из них две тонны отдавали хозяину. Разве этого мало?

— Нет, не мало, — согласились мы. — Интересно, а были другие более серьезные испытания?

— Мы повели среди кулаков разъяснительную работу, стали говорить им, что если они не пойдут против трудового народа, то мы их не тронем, предоставим право участвовать в строительстве социалистического общества наравне со всеми. Многие заартачились с самого начала, не хотелось им расставаться с прежним укладом. Последующая земельная реформа вообще разгневала их. Землю поделили поровну между всеми жителями села. На каждого пришлось по 0,7 му. Кулаки и помещики выражали недовольство. Легко ли им было сразу примириться с такой утратой! В тот же год начали организовывать кооперативы. Кулакам и помещикам объявили: хочешь — записывайся в кооператив и трудись наравне со всеми, не хочешь — оставайся единоличником и работай на своей делянке, но только уже без батраков. Туговато пришлось им. Но ничего, тот, кто будет трудиться, проживет. Раньше у крестьян и такой возможности не было.

— Ну, и как, они выдержали испытания?

— Большинство перековались, поняли, что сами не смогут вести хозяйство, и пошли в кооператив. У нас введен свой порядок вступления — есть члены и есть кандидаты. Члены — это люди, активно работающие,

настоящие труженики. Лодыри и провинившиеся остаются в кандидатах до тех пор, пока не исправятся по настоящему. Кандидаты получают за работу только трудодни, своей земельной доли они не имеют. Срок пребывания в кандидатах — три года. Если за это время человек докажет свою приверженность к кооперативу, свою способность искренне трудиться, его переводят в члены, а если нет — исключают из кооператива вообще, возвращают ему участок земли и трудись, как можешь, если не хочешь работать в коллективе.

— Вероятно, исключать с землей для некоторых не так уж плохо,— заметили мы.

— Но и не так уж хорошо,— ответил Ли Су-тянь.— Где у единоличника инвентарь? Рабочий скот? Народ силен единством. Работа сообща никогда не остается безрезультатной. Сейчас все китайские крестьяне убедились в этом.

— А есть еще, кто не убедился?

— Не убедились злейшие кулаки и помещики. Одни из них сбежали в Гонконг, под покровительство англичан, другие пытались оказывать всяческое сопротивление народной власти и за это водворены в исправительные лагеря, где привыкают честно трудиться.

— Много таких у вас?

— Немногим более ста.

Ли Су-тянь начал рассказывать о доходах кооператива, приводил цифры меры веса, названия денег — и все по-китайски. Переводчики наши тщетно старались сделать перерасчет, путались, и мы с трудом и довольно приблизительно кое-что поняли, хотя многое конкретно не запомнили. К примеру, у нас при выдаче трудодней меры веса меньше грамма не употребляются. А вот в Китае при распределении доходов принимаются в расчет не только граммы, но и десятые и сотые доли грамма. У нас самая мелкая монета копейка, а у китайцев есть деньги в 20—30 раз меньше стоимости копейки. Позднее мне пришлось столкнуться с таким же явлением в Индии и на Цейлоне.

Чтобы вывести из затруднения переводчиков, мы просили сказать короче — можно ли прожить на такие средства, хватает ли крестьянам?

— Хватает,— растяжимое понятие,— философски ответил Ли Су-тянь,— мы знаем, что советские колхоз-

ники живут зажиточно. Сравнивать нашу жизнь с вашей мы пока не можем. Но кое-какие достижения все равно имеются. Например, раньше девяносто процентов жителей нашего села батрачили и жили впроголодь. Каждый год от голода умирали десятки человек. В кооперативе от голода еще никто не умер. Едим, как говорится, не особенно жирно, но в куске хлеба уже никто не нуждается. А для нас это очень и очень много значит! Покупать дорогую одежду мы еще не можем, но и в лохмотьях уже не ходим. А до освобождения, представьте себе, встречались и такие фигуры — совершенно голый человек и только вокруг бедер бамбуковые листья. Сейчас у нас имеется одно очень большое достижение, которое не выражается ни мерой веса, ни мерой длины, — это огромная надежда на будущее, уверенность в завтрашнем дне. Мы знаем, что с каждым годом наше благосостояние будет расти.

Мы от всей души пожелали успехов. В заключение поинтересовались, есть ли у них неделимый фонд.

— Почти нет. Мы только год как отвязались от старой, извечной беды — голода. С прошлого года начали выделять небольшую долю дохода, стали продавать часть продуктов на рынке в Кантоне и других соседних городах. Кстати, и торговлю вести нам тоже не так легко. До Кантона, например, тридцать пять километров. Машин у нас нет. Яки и мулы крайне необходимы в хозяйстве, их даже не хватает для работы в поле, так что иногда приходится всю работу выполнять голыми руками. Поэтому на базар приходится нести продукты на своих плечах, пешком...

По дороге из Кантона мы видели вереницу идущих людей. Лил проливной дождь. Они несли коромысла, с обоих концов которых свешивались огромные корзины с продуктами для продажи. В них было не меньше 50—100 килограммов поклажи. Некоторые, не довольствуясь ношей на коромысле, несли в руках еще по корзине, ловко балансируя коромыслом.

В большинстве своем китайцы худощавы. Часто приходится удивляться, как такие худые на вид люди способны переносить тяжести на дальние расстояния. Какая выносливость! Удивительно и то, что поклажу свою они несут не шагом, а рысцой. Они бегут чуть согнув-

шись, ритмично, в такт шагам раскачивая коромыслом, как по команде,— левой — правой, левой — правой.

Мы не знали, кто эти люди, и только сейчас, приехав в село Саньлюаньли и поговорив с руководством, узнали, что это были члены кооператива, шедшие в город с продуктами на базар.

— Интересно, какой груз обязан нести каждый? — спросили мы.

— Столько, сколько сможет нести, — ответил Ли Сутянь. — Но как и везде, каждый старается заработать, поэтому и берет побольше. У нас, как и в ваших колхозах, установлены трудодни. Чем больше груза перенесет член кооператива, тем больше трудодней ему записывается. Заработок зависит от самого себя.

— Понятно. А почему они бегут рысцой, а не идут шагом?

— Во-первых, потому, что каждый заинтересован быстрее выполнить порученное дело, во-вторых, в городах базары открываются рано, торговля оживляется к обеду, а после полудня народ начинает расходиться. Товар надо успеть доставить к тому времени, когда много покупателей. И, в-третьих, климат у нас жаркий и поэтому некоторые продукты быстро теряют свежесть и начинают портиться. В-четвертых, продукты выгодно доставить пораньше, когда меньше других продавцев. Чем больше товаров, тем они дешевле, это ясно, и, наконец, в-пятых, чем больше рейсов за день, тем больше заработок. Так пока живут члены кооператива в китайских селах. Но это уже не горькое, как прежде, прозябание бездомного батрака, а жизнь, полная светлых перспектив. Скоро в Китае появятся новые машины, они намного облегчат тяжелый труд крестьянина. В этом не сомневается ни один китаец, потому что каждый сам участвует в свободном труде, сам ощущает на себе заботу, помощь и поддержку Коммунистической партии. Среди крестьян неустанно проводят пропагандистскую и разъяснительную работу такие опытные агитаторы, как Ли Сутянь и Ли Нью.

Еще несколько слов о Ли Нью. Научившись грамоте после освобождения, молодая женщина сейчас стала не только парторгом своего кооператива, но и руководителем курсов по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Прежде грамотных в селе было не боль-

ше пяти-шести человек, а теперь за сравнительно короткий срок их стало 30 процентов всего населения. Особое внимание уделяет Ли Нью общественно-политической работе среди женщин. Раньше китайская женщина всецело было занята домашней работой, теперь же она наравне с мужчиной вовлечена в разные отрасли хозяйственного строительства. Уже появилось немало грамотных женщин. Более восьмидесяти женщин заняты в селе общественной и культурной работой. При их активной помощи созданы родильный дом, детские ясли, детский сад и теперь женщины, работающие на полях, освобождены днем от заботы о детях.

Вместе с Ли Нью мы с удовольствием осмотрели детские ясли. В одной из нарядных комнат среди развлекавшихся игрушками детей поднялся малыш примерно одного года, упитанный, краснощекий и с сияющим личиком, трогательно перебирая неокрепшими ножонками, устремился к Ли Нью. Она подхватила мальчишку, прижала его к груди.

— Это мой сын!

Вот тебе раз, а мы все считали ее незамужней! Оказалось, что муж Ли Нью работает в Кантоне, в управлении Госбезопасности.

— А почему вы живете врозь?

— Это не от меня зависит. Я работаю здесь по поручению партии... Но Кантон отсюда не так уж далеко. Мой муж часто приезжает домой, я тоже частенько у него бываю.

У всех народов, в любой семье есть неизменное правило — выбирать детям самое красивое имя. Иные вкладывают в имя ребенка большие родительские надежды. Своего сына Ли Нью назвала Цю Ко-чунь, что в переводе означает Герой государства.

Ли Нью крепко прижимала своего ребенка к груди, на ее лице светилась безграничная материнская любовь, но выражала она ее очень сдержанно и ни разу не поцеловала сына. Мы знали, что поцелуй не в обычае китайцев, родители не целуют детей, даже жених с невестой не целуются. Мы решили на этот раз выяснить причину такого обычая. Особых традиций на этот счет не оказалось, в ответ мы услышали довольно простое объяснение:

— Рот и нос являются очагами многих болезней. Мы

Сяо Хань-чинь.

не целуем своих детей из гигиенических соображений, чтобы не заразить чем-нибудь нечаянно. Ведь маленькие дети очень восприимчивы к болезням... Но мы любим своих детей не меньше других народов, у которых поцелуи в обычае.

В этом было нетрудно убедиться при взгляде на Ли Ню, весь облик которой озарялся горячей любовью к ребенку.

Вскоре мы побывали в другом кооперативе, в селе Чин Хо, расположенном в провинции Ухань, в тридцати километрах от Ханькоу. Председатель сельсовета Сяо Хань-чинь, бывший боец Народно-освободительной армии, потерял на войне правую ногу и был неоднократно награжден орденами за проявленное в боях мужество. Старый коммунист, он пользуется в селе большим уважением и почетом.

Прошрое и настоящее селения Чин Хо очень похоже на прошлое и настоящее Саньлюаньли. Положение кооператива примерно такое же.

В беседе с Сяо Хань-чином мы услышали немало довольно интересного о роли Китайской Народной Освободительной армии в мирном социалистическом строительстве.

Одной из замечательных заслуг Коммунистической

партии Китая является ее умение поднять на освободительную борьбу всех трудящихся. Армия вместе с народным ополчением достигла численности двадцати миллионов человек. Ведя упорные бои с противником в течение ряда лет, армия одновременно помогала подъему и развитию народного хозяйства. Повсюду, где бы ни находилась армия, она помогала населению пахать, сеять, убирать урожай, заготавливать корма, строить и ремонтировать жилье, рыть каналы, ухаживать за скотом. В городах солдаты работали во всех отраслях городского хозяйства, в своих пошивочных мастерских шили одежду для гражданского населения, принимали в починку разную утварь от населения.

Сяо Хань-чинь вместе со всеми воевал и вместе со всеми помогал мирному населению. Он не только храбрый воин, но и умелый строитель. О таких людях говорят, что у них золотые руки. Плотник, столяр, кузнец, слесарь, он прекрасно знает кожевенное и ткацкое ремесло, одним словом, мастер на все руки. Мы воочию убедились, что Сяо Хань-чинь еще и превосходный резчик. Он показал нам небольшой спиленный пень, на котором перочинным ножом сам воспроизвел картину родного села.

В 1949 году после разгрома врага и установления народной власти пришла пора частичного роспуска многомиллионной армии. Предстояло оставить под ружьем только часть армии, необходимую для обороны, а другую, большую часть, демобилизовать. Это оказалось не простым делом. Необходимо было решить вопрос — куда пойдут солдаты из армии?

В феодальном Китае почти половина населения не имела работы. Марионеточный ставленник империалистов Чан Кай-ши при бегстве из Китая разрушил и привел в негодность все немногие промышленные предприятия — заводы, фабрики, шахты, электростанции, сельскохозяйственные сооружения, каналы, плотины, транспорт. Это еще больше увеличило число безработных в стране.

И снова призадумался, какими огромными жертвами добился китайский народ своей свободы!..

В стране голод, разруха, безработица. Многомиллионную армию надо содержать, кормить. На какие средства? Перед правительством молодой республики встала довольно трудная проблема — как устроить воинов?

Восстанавливаемые заводы и фабрики не могли всех обеспечить работой. Солдат нельзя было оставлять в армии, но и отпустить их на все четыре стороны, оставить на произвол судьбы нельзя — ведь кровью и жизнью многих воинов была завоевана свобода!

Мудрая партия и дальновидное правительство нашли выход из трудного положения. В Китае много целинных, плодородных, малозаселенных земель. Они лежали неиспользованными лишь потому, что некому было провести туда воду, прорыть большие каналы.

Когда начал создаваться грандиозный план развития экономики молодого народного государства, на повестке дня стал вопрос об освоении всех пустынных земель, о строительстве каналов и широкой сети оросительной системы. Для выполнения этой важнейшей задачи самой подходящей силой оказалась часть армии, подлежащая демобилизации.

Партия и правительство обратились к армии с призывом: «Не расходитесь! Сохранив в боевом порядке свои силы, целыми полками, дивизиями, армиями отправляйтесь на освоение целинных земель. Партия и правительство по мере своих возможностей помогут вам средствами и орудиями производства. Стройте каналы, ведите воду в пустыни! Осваивайте бесплодные степи! Развивайте в них земледелие и животноводство!»

Призыв был принят единодушно. Демобилизованные полками, дивизиями, корпусами отправились на другой фронт — фронт освоения пустынь.

Целина осваивалась не сразу. Убедившись, что здесь живется неплохо, многие новоселы стали приглашать к себе родных и знакомых. За два года, с 1954 по 1956, число освоителей целины из 16 миллионов человек достигло более ста миллионов!

Помимо сельских кооперативов, в Китае имеется еще один вид социалистического хозяйства. Это госхозы. Я слышал о них раньше, еще до поездки в Китай, и считал их чем-то вроде наших совхозов. Но на месте оказалось, что это совсем не одно и то же.

Первое отличие — в наших совхозах работают люди гражданские, а в китайских госхозах — военные. К примеру, если в госхозе работает дивизия, то ее полки заменяют совхозные отделения, роты соответствуют бригадам. Вместо директора и бригадиров в госхозах соответ-

ственно распоряжаются генералы и офицеры. Солдаты выходят на работу по команде, строем, по команде возвращаются.

Второе отличие — наши совхозы, как правило, с первого года своего существования окупают себя и дают доход государству. Китайские госхозы первое время были вынуждены тратить свои доходы на бытовые нужды, на строительство домов, дворов, складов, на всяческое благоустройство, на покупку одежды, продуктов и прочего. И сейчас пока еще мало госхозов, приносящих доход государству. Но дело не в доходах, со временем они будут, и немалые. Важнее то, что с освоением целины около семнадцати тысяч воинов получили возможность жить и трудиться. За короткий срок более ста миллионов безработных получили работу, кров и хлеб, избавились от нужды.

Госхозы организованы во многих провинциях Китая, но во время нашей поездки по Центральному Китаю нам как-то не пришлось побывать ни в одном из них. Уже позднее, путешествуя по Синьцзяну, я побывал в двух госхозах. Один из них расположен в окрестности города Аксу, в северо-западной части пустыни Такла-Макан, а другой — по пути из Урумчи в Кульджу, неподалеку от города Манаса.

Госхоз возле Аксу организован в 1954 году, он носит название «Победа». Основала его Пятая дивизия. В первый год в госхозе «Победа» работало около десяти тысяч бывших бойцов. Сейчас их число возросло до тридцати тысяч.

Пустыня Такла-Макан расположена между Памиром и Тянь-Шанем и имеет в длину тысячу пятьсот и в ширину около восьмисот километров. Она детально описана нашими славными путешественниками Семеновым-Тянь-Шанским, Чоканом Валихановым, Пржевальским и другими. Вблизи этой пустыни находится обширный Синьцзян, населенный в основном уйгурами. Вокруг пустыни Такла-Макан расположены шесть больших уйгурских городов. Раньше вследствие разобщенности и слабости производителей сил уйгурские крестьяне не смогли освоить пустыню.

Госхоз «Победа» как раз находится в одном из ее песчаных районов. Здесь протекает полноводная река Аксу. Она берет начало на ледяной вершине Тянь-Шаня

Музарт и мчится в направлении Такламаканских песков. По пути она снабжает водой города, уходит в пески и теряется там — высыхает и только один из ее небольших рукавов вливается в озеро Багаш.

Правительство выделило госхозу «Победа» один миллион двести тысяч му безводной земли — 82 тысячи гектаров. Для освоения их предстояло провести воду из Аксу в глубь песков, прорыть канал с основной магистралью в сто километров, а затем из канала прорыть сеть арыков, в общей сложности равную почти тысяче километров. На рытье грандиозной оросительной системы голыми руками требовалось слишком много времени. Никакой техники, облегчающей труд человека, в то время в Китае еще не было. Что делать?

Об освоении пустынной земли рассказал нам начальник политотдела дивизии, старый коммунист, товарищ Ли Чжэнь-су. Быстрому развитию госхоза «Победа» помогла советская техника. На рытье каналов и арыков, на вспашке, севе и уборке — всюду работали советские машины.

— Техника, если с ней обращаются умелые руки, может совершать чудеса, — возбужденно говорит Ли Чжэнь-су. За два года из тысячекилометровой длины всей оросительной сети мы прорыли половину и тем самым выполнили пятилетнюю норму. Сейчас у нас имеется 110 тракторов. В 1954 году мы подняли три тысячи гектаров целины, в 1955 — десять тысяч гектаров, а в 1956 — уже шестнадцать тысяч гектаров. Темпы, как видите, растут. В прошлом году из первого урожая хлопка мы кое-что использовали на свои нужды и сдали государству 175 тонн. В этом году сдадим много больше.

Ли Чжэнь-су рассказал, что в будущей пятилетке госхоз сумеет полностью освоить выделенные ему все 82 тысячи гектаров и тогда значительно увеличится сдача продуктов государству.

В госхозе уже сейчас имеется много скота: 130 тысяч овец, 3 000 голов крупного рогатого скота, 500 лошадей, 80 верблюдов, 6 000 свиней, 3 000 голов птицы. В прошлом году сдано государству 100 тонн шерсти. С предстоящей осени госхоз предполагает сдавать излишки мяса, которое до этого полностью шло на питание своих

работников. Поголовье скота должно с каждым годом увеличиваться.

По пути из Урумчи в Кульджу мы сделали остановку в госхозе «Чихадзе» и довольно подробно ознакомились с его хозяйством.

Госхоз заложен армейцами Восьмой дивизии. Земельная площадь и число работников почти такие же, как в «Победе». Центральная усадьба госхоза «Чихадзе» — это совершенно новый населенный пункт, построенный всего лишь три года назад в безлюдной пустыне.

Я побывал на центральных усадьбах многих образцовых совхозов у себя на родине, но тем не менее усадьба «Чихадзе» произвела на меня большое впечатление. Она во всех отношениях может соревноваться с усадьбами лучших совхозов. Здесь много добротных красивых домов для рабочих. Клуб, школа, кинотеатр, столовая, пекарня, баня, спортивные площадки, гостиница и другие строения полностью отвечают санитарно-гигиеническим и культурным требованиям. Усадьба электрифицирована и радиофицирована, в домах — водопровод, канализация, в садах брызжут фонтаны. Три года назад здесь была пустыня без единого кустика, теперь все улицы озеленены, во дворах цветут фруктовые деревья.

Я с большим удовольствием знакомился с этим очень культурным хозяйством, побывал на полях, успел отдохнуть в замечательной местной гостинице.

В госхозе «Чихадзе» обращают внимание не только на развитие многих отраслей хозяйства, но прежде всего на качество работы, качество продукции животноводства, сырья, зерна и других культур. Борьба за качество — девиз госхоза «Чихадзе».

Особое внимание уделяется хлопководству. Я видел обширные плантации в то время, когда коробочки хлопка только начинали раскрываться. Вместе с комиссаром полка Чжао Тань и руководительницей работ на одном из хлопковых участков, приехавшей из Пекина девушкой Вань Сю-лань, мы подъехали на машине к подошве высоких лесистых гор. Дальше, на хлопковый участок, мы пошли пешком. Подробный рассказ спутников о различных сортах хлопка, о весе сырца и одной коробочки, о длине волокон, несмотря на старательный перевод, не слишком увлек меня. Меня взволновало и поразило бес-

крайнее море хлопка. День выдался слегка ветреный, и белая пена раскрывшихся коробочек покачивалась невиданным снежным морем. Я долго стоял зачарованный. Невольно приходили мысли о том, что всего лишь три года назад здесь царствовала выжженная пустыня. Пройдет еще немного лет, и все огромные бесплодные степи, тысячелетиями лежавшие мертвыми, распустятся в радужных соцветиях, станут источником блага для всего великого народа. Разве можно сомневаться в этом?

Великий народ, имеющий все возможности для освоения безграничных просторов, создаст невиданный прежде мир благоденствия в самом недалеком будущем!

ТРИ ЗЛА, КОТОРЫЕ УНИЧТОЖЕНЫ

В городах и селах Китая, может быть за исключением единичных случаев, мы нигде не встречали мух. Китайцы говорят, что у них нет сейчас ни мышей, ни крыс, ни воробьев.

Куда же они девались? Начало этой истории почти стало народной легендой.

...Полным ходом шло строительство на берегах Янцзы. В одну из своих частых поездок по стране сюда прибыл товарищ Мао Цзэ-дун. Осмотрев строительные участки, разобравшись в ходе дела, глава государства зашел отдохнуть в одну из свободных рабочих палаток. Здесь он увидел рой мух и понял, что в таких условиях не может быть и речи об отдыхе. Он заглянул в другие палатки и увидел ту же картину — мириады мух! Как же здесь отдыхают рабочие? Не желая попусту тратить время на отдых, Мао Цзэ-дун направился в продовольственные склады. Вероятно, и там мухи не давали возможности спокойно работать и сохранять продукты? Вместо мух он увидел, как по мешкам стадами бегали мыши. Мао Цзэ-дун посетил один из фруктовых садов и обратил внимание, как стаи воробьев хищно расклевывали зреющие плоды.

Вернувшись в Пекин, председатель ЦК Китайской Коммунистической партии обратился к народу:

— У нас имеются три врага — муха, мышь и воробей! Они переносят болезни, уничтожают посевы, наносят огромный ущерб здоровью людей и народному хозяйству. Я прошу вас уничтожить этих вредителей.

Народ не заставил товарища Мао Цзэ-дуна повторять свою просьбу дважды. Немедленно была организована самая энергичная и беспощадная война с вредителями, и в короткий срок в Китае не осталось ни мух, ни мышей, ни воробьев!..

И сейчас, если китаец случайно обнаружит сохранившиеся где-нибудь в темных, потайных местах новые выводки мышей, он не успокоится, пока не уничтожит нечисть всю до последнего. Если в комнате появляется муха, все присутствующие китайцы вскакивают с мест, хватают мухобойки (а они всегда под рукой) и немедленно уничтожают ее.

Так в стране осуществлено полезное, достойное подражания, дело.

КИТАЙ ФИЗКУЛЬТУРНЫЙ

У казахов есть поговорка: «Главное богатство — здоровье».

Люди прежнего Китая не могли похвастать здоровьем. И это объясняется просто — народ веками недоедал, голодал, ходил в лохмотьях. У многих не было крыши над головой, ютились под заборами, в тени деревьев, часто заболели простудой и умирали преждевременно.

Чокан Валиханов после посещения Кульджи вспоминал в своих записках, что видел на улицах города занесенные снегом трупы людей, умерших за ночь от голода и холода. По утрам полиция «хоронила» их — сгоняла местное население и принуждала спускать покойников в реку Или.

Печальным было положение народа в Кульдже, окраинном городе на юго-западе. Но и в основном Китае до освобождения было и того хуже. В Пекине, Шанхае, Кантоне от болезней и голода ежедневно умирали тысячи людей и ежедневно полиция бросала их трупы в реки.

Такой была участь людей без крова. А как жили те, кто теснился в грязных лачугах, где не было даже постели и спать приходилось на голой земле? Народ не получал квалифицированной медицинской помощи, пользовался в основном услугами буддийских знахарей и шарлатанов, которые лишь помогали больному поскорее отправиться на тот свет.

Неуютно и грязно жили не только бедняки, но и многие кулаки и помещики. В селе Чинь Хо Уханьской провинции нам показали дом бывшего помещика, совсем недавно занятый под правление кооператива. Одноэтажный дом из красного жженого кирпича внутри разделен на множество маленьких комнаток, стены и потолки которого черны от толстого слоя сажи. Нам объяснили, что в большинстве китайских сел в домах никогда не заводи-ли печей. Огонь раскладывали посреди комнаты, дым с трудом выходил сквозь небольшую дыру в потолке. Копоть плотным, как бархат, слоем оседала на стенах. Я вспомнил точно такую же картину, виденную мной осенью 1955 года в Риге. Там на окраине города в сосновом бору была организована сельскохозяйственная выставка. В одном из ее уголков в качестве наглядного экспоната стояла крестьянская изба. Оказалось, что даже в Латвии, издавна считавшейся одной из культурных окраин России, иные крестьяне жили в не лучших, чем китайцы, условиях — избы топились по-черному, люди дышали чадом и копотью.

В старом Китае люди страдали туберкулезом, трахомой и другими заразными болезнями. Во многих семьях из поколения в поколение передавался наследственный сифилис. Тысячи людей оставались калеками из-за отсутствия медицинской помощи. Все прежние, сменяющие друг друга, правительства не проявляли никакой заботы о здоровье народа, о его физическом и культурном воспитании. Многие внешне здоровые люди оставались мало-сильными, слабыми, легко поддающимися заразным болезням.

Одним из важнейших методов здравоохранения является физическая культура. О том, какое важное государственное значение придается здесь физкультуре, можно судить по следующему сравнению. Ненавистно и презренно для всего китайского народа слово «империалист». Сейчас весь народ готов пойти на любые жертвы, лишь бы снова не вернулись империалисты.

Мао Цзэ-дун, хорошо понимающий мысли и чаяния народа и желающий направить священную ненависть его на свое же благо, бросил боевой клич: «Китаец! Если ты не хочешь возвращения империалистов, ты должен укреплять обороноспособность, а для этого прежде всего занимайся физкультурой!»

Над входами всех начальных, средних и высших учебных заведений, клубов, больниц, бань, столовых, мастерских, заводов, фабрик, шахт, учреждений, во всех селах и городах необъятного Китая появились треугольные красные вымпелы, на которых иероглифической вязью выведены слова Мао Цзэ-дуна о физкультуре. Его призыв, как боевой лозунг, был принят всей нацией к исполнению.

В учреждениях и на производстве рабочий день в Китае продолжается десять часов. В середине дня работа всюду прерывается на один час, который целиком отводится для гимнастической зарядки. Во время этого часа рабочие, служащие, учащиеся — все занимаются спортом.

Учащиеся — в особенности. В любом городе, проснувшись на рассвете, можно стать свидетелем замечательного зрелища — по улицам с ношей на спинах или с грузом в руках наперегонки бегут юноши и девушки. В перерывах между уроками и лекциями все школьники и студенты обязательно занимаются физзарядкой. В селениях, расположенных на побережьях рек, молодежь обязательно учится плаванию и прыжкам в воду. В Кантоне и Шанхае школьники и студенты отправляются в полдень к реке. Здесь они выполняют обязательную учебную программу по водному спорту, занимаются греблей, плаванием, прыжками.

В Китае широко развит туризм. Летом 1956 года большая группа студентов-физкультурников отправилась в туристское путешествие с попутной целью исследовать Гобийскую пустыню. Другая группа молодежи двинулась на покорение неизведанных вершин Тибета.

Традиционны массовые соревнования по плаванию. Одно из крупных состязаний проводилось летом 1954 года на Янцзы. Нужно было переплыть реку в строго определенном месте шириною в пять километров. Правительство хорошо организовало этот водный праздник. Были приняты все меры предосторожности, подготовлены лодки для сопровождения и подбора утомившихся пловцов, спасательные круги и пробковые пояса. В назначенный день у места состязания собралась многотысячная толпа, прибыли руководители партии и правительства. На старт вышли сильнейшие пловцы Китая.

Когда по сигналу спортсмены бросились в воду и по

плыли, разрезая стремительные волны, на берегу среди зрителей произошло замешательство. Оно волной пролетело над многотысячной толпой.

— Что случилось?

— Говорят, на старт вышел кто-то из правительства!

— Да что вы говорите!

— Сам председатель принимает участие в заплыве.

— Какой председатель?

— Разве есть у нас другой председатель, кроме Мао Цзэ-дуна?

— Да ведь ему шестьдесят лет!

— Ничего! Он знает свои силы, иначе не полез бы в воду.

Когда зрители узнали об участии в состязании Мао Цзэ-дуна, тысячи взоров стали следить за ним. Упорно боролись смельчаки с бурным течением, но постепенно один за другим стали выбывать из состязания. Все чаще и чаще полбирали лодки уставших спортсменов, но товарищ Мао Цзэ-дун плыл по-прежнему бодро, не замедляя темпа. Он обгонял спортсменов одного за другим и в числе немногих сильнейших пловцов достиг того берега. Это знаменательное событие еще более увеличило популярность плавания в народе.

Так от юного школьника до шестидесятилетнего руководителя партии — все в Китае воздают должное физической культуре и спорту.

ВСЕ ВНИМАНИЕ — ДЕТЯМ!

В прежнем Китае детских яслей и детских садов и в помине не было. Дети из зажиточных семей в них не нуждались, а о детях трудящихся никто не заботился.

Сейчас ни один ребенок работающей женщины не остается без внимания государства. Конечно, не все воспитательные учреждения одинаково благоустроены. Есть образцовые детские ясли и сады, есть удовлетворительные, есть и не совсем удовлетворительные. По существующему положению руководитель каждого учреждения обязан благоустроить детей тех женщин, которые у него работают.

Прежде только десять процентов детей школьного возраста обучались грамоте. И все они были из семей эксплуататоров.

В год нашего посещения в стране уже обучалось в средних школах сорок процентов всех детей. От десяти до сорока — это большое достижение! Это значит, что охвачено обучением по меньшей мере 35 миллионов детей. По недавно опубликованным сведениям в 1957—58 учебном году в начальные школы Китая уже принято 67 миллионов детей. В средних школах учится шесть миллионов, в техникумах и высших учебных заведениях — полтора миллиона юношей и девушек. Если добавить к этому числу взрослых, обучающихся в постоянно действующих школах ликвидации неграмотности, то получится, что в Китае в 1957 году обучалось 150 миллионов человек — цифра, равная населению Англии, Италии и Франции, вместе взятых!..

В Китае сейчас очень популярен лозунг: «Все внимание — детям!» В стране нет ни одного учреждения, предприятия, частного дома, где на самом видном месте не висел бы этот лозунг, начертанный на клочке материи или просто на листе бумаги. На темы воспитания детей художники рисуют картины и плакаты, ваятели создают скульптуры, писатели пишут стихи, повести и рассказы, композиторы — музыку.

Высокие, светлые и комфортабельные здания империалистов сейчас переданы в полное распоряжение китайских детей. В одном из красивейших зданий Шанхая, принадлежащем ранее американскому капиталисту, помещается сейчас Дворец пионеров. Такого великолепно, такого огромного Дворца пионеров, пожалуй, нет во всем мире!

День 1 июня объявлен в Китае, как и во всем мире, Днем детей. В Кантоне мы имели удовольствие наблюдать его празднование. Ранним утром увлеченные песнями и звонкими детскими голосами, доносившимися с улицы, мы покинули гостиницу. Начинался ясный солнечный день. Одетые во все белое, с красными галстуками, дети торжественно шествовали по улицам города. И мы с самого утра до позднего вечера ходили и радовались вместе с ними. Мы не понимали песен, но детские голоса умиляли нас. Прекрасны были смеющиеся лица и сверкающие глаза, в которых искрились лучи счастливого детства.

Мы побывали в знаменитой столовой «Да Тун», что в переводе означает «Великое единство», в огромном пяти-

этажном здании, служившем раньше местом увеселения англичан и американцев.

Мы осмотрели все этажи и мимоходом узнали, что здесь каждый день в свободное от работы время проводят свой отдых родители вместе с детьми. Здесь можно поест, отдохнуть, развлечься. Радостно наблюдать все это!

Но самым отрадным для нас, самым волнующим был детский прием, оказываемый нам всюду. Едва только малыши узнавали, что мы «сулянь», то есть «советские», как они тотчас окружали нас тесным кольцом и с радостными криками: «Сулянь! Сулянь!» — приветствовали нас. Любовь к нашей Родине мы ощущали всюду, где нам приходилось бывать. Я вспоминаю одну из многочисленных встреч. Однажды в Ухане мы прогуливались по дорожкам городского парка, на берегу Янцзы. Неподалеку от нас резвились ребяташки в пионерских галстуках. Узнав, что мы сулянь, дети тотчас подбежали к нам с улыбками и радостными восклицаниями. Трое пионеров сняли свои галстуки и повязали их нам, решив приобщить нас к своей группе в качестве почетных пионеров. Мне повязала галстук пятиклассница Чэнь Ци-чжуань, босоногая девочка с черными как уголь косами, полненькая, в белой кофточке, с очень милым, симпатичным лицом. Весьма довольный подарком, я поднял ее на руки и прижал к груди, сожалея, что китайский обычай запрещает выражать сердечную благодарность поцелуем, как это принято у нас. На прощание я записал ее адрес, а вернувшись в Пекин, зашел в книжный магазин, набрал несколько книг русских, казахских и других советских писателей, изданных на китайском языке, и отправил их моей пионерке.

Позднее, когда я вернулся из Китая в Алма-Ату, у себя на столе я нашел письмо Чэнь Ци-чжуань. Вот его перевод:

«Уважаемый отец!

Приношу Вам свою большую благодарность за присланные книги. Как я была рада, получив их!.. Все эти книги я обязательно прочту и надеюсь, они помогут моему воспитанию и дадут много знаний. Теперь о нашей школе: у нас, кроме классных комнат, имеются комнаты для занятий музыкой, санитарией, спортом и рукоделием. У нас большое внимание уделяется дисциплине учащих-

ся. Наши учителя следят за поведением учеников не только в школе, но и на улице, и дома. Они приучают нас заниматься физкультурой и спортом и уделяют этим предметам не меньше внимания, чем другим. Скоро кончается учебный год. Мы начинаем готовиться к экзаменам. Мне очень хочется знать, как учатся и как воспитываются советские школьники. Я хочу взять с них пример. Очень прошу Вас написать мне об этом.

Любимый отец!

Я не знаю, когда мы еще с Вами встретимся, поэтому прошу прислать мне Вашу фотокарточку. Посоветовавшись с мамой и получив ее разрешение, я pošлю Вам свою карточку на следующий год.

С уважением и приветом

Ваша дочь Чэнь Ци-чжуань.

1956 год, 1 июля».

Я с удовольствием ответил на ее письмо и послал ей нашу семейную карточку, где я снят вместе со своими детьми. Китайская пионерка не заставила меня ждать до следующего года. Она прислала карточку сразу же, как только получила мое письмо.

Вот так завязалась у нас дружба не только со взрослыми китайцами, но и с их детьми.

Если мы начали разговор о воспитании детей, то, кстати, можно поговорить и о воспитании взрослых. Китайские рабочие ежедневно перед началом работы в течение часа занимаются политучейбой и ликвидацией неграмотности. Народное правительство поставило очередной задачей окончательную ликвидацию неграмотности среди всего взрослого населения в течение трех пятилеток. Обучение взрослых приняло широкий размах. Я уже говорил, что в 1957 году было 150 миллионов учащихся, из них половина училась и получала образование в школах ликбеза при учреждениях и предприятиях.

Нашему читателю покажется несколько странным, что ликбезы существуют при учреждениях. Можно задать вопрос: разве служащий может быть неграмотным? Какую работу он может выполнять? Швейцара? Уборщицы?

Да, в Китае пока что есть неграмотные служащие (я говорю о 1956 годе), причем много из них занимают

довольно высокие посты. К примеру, одна из руководителей сельского кооператива, знакомая нам Ли Ню, заместитель директора одной из крупных фабрик в Шанхае, старый революционер Гуэй Шв-цзинь, политкомиссар дивизии в госхозе «Победа» Ли Чжэнь-су. Двое последних являлись крупными работниками еще до установления Народной власти, но грамоте начали обучаться только после освобождения. Когда народ поднялся на борьбу за свое освобождение, естественно, из его гущи вытвиннулись и руководители. Коммунистическая партия воспитала в них чувство высокой политической сознательности, и, будучи неграмотными, они оказались в силах руководить революционным движением.

Можно с уверенностью сказать, что народ в установленный правительством срок безусловно избавится от неграмотности. Помимо неграмотных вообще, есть еще люди малограмотные политически.

Переломной лежит 215-й номер «Правды» от 3 августа 1958 года со статьей Главнокомандующего Народной армией Китая маршала Чжу Дэ. Статья называется «Народная армия и народная война».

«...Основным принципом строительства пролетарской армии является абсолютное подчинение пролетарской армии руководству Коммунистической партии — самого преданного выразителя интересов пролетариата. Коммунистическая партия Китая, руководя революционной вооруженной борьбой, продолжавшейся несколько десятков лет, решительно проводила в жизнь и развивала этот принцип... Линия масс является коренной линией во всей работе нашей партии, не исключая, конечно, и военную работу... За последние десять с лишним лет военная техника быстро прогрессировала. Можно ли сказать, что в связи с быстрым развитием военной техники в будущем в армии прежде всего надо будет делать упор не на политическое руководство, а просто на технику? Нет, как бы ни развивалась военная техника, опыт политического руководства никогда не устареет. В будущей войне, конечно, следует придавать исключительно большое значение новой технике. Однако... мы считаем, что исход войны в конце концов определяется не техникой, а политикой, политическим строем и поддержкой народа...»

Воздавая должное Коммунистической партии в деле создания и воспитания Народной армии и развивая свой тезис: «Линия масс — линия партии!», товарищ Чжу Дэ напоминает о прежних политических ошибках в армии.

«Однако в ходе строительства современной Народно-освободительной армии имели место и некоторые недостатки. Эти недостатки выражаются у некоторых людей в чисто военной точке зрения, в тенденции пренебрежения к идеологической и политической работе... После восьмого съезда КПК благодаря движению за упорядочение стиля в работе, начатому в прошлом году, особенно после расширенного заседания военной комиссии ЦК КПК... эти недостатки были коренным образом преодолены.

...Бойцы говорят: Движение за упорядочение стиля в работе дало замечательные результаты, благодаря этому значительно изменился стиль работы офицеров. И теперь если солдаты не едят, то и офицеры не едят, если солдаты не спят, то и офицеры не спят...»

Коммунистическая партия Китая направляет все свои усилия на улучшение благосостояния народа, разъясняет народу суть своей политики, ведет агитационно-пропагандистскую работу. Политзанятия проводятся ежедневно во всех учреждениях, производственных предприятиях, школах, в армии и флоте. Занятия носят не отвлекающий характер, а обязательно увязываются с сегодняшними конкретными задачами своего учреждения или организации и способствуют увеличению производительности труда. Именно политзанятия, построенные на конкретных задачах, помогают досрочному перевыполнению многих важнейших работ.

Интересно, что в деле политического воспитания масс в Китае имеются некоторые новые формы, каких не было в нашей стране.

В Пекине мы ознакомились с работой Союза писателей Китая. Он имел примерно такую же структуру, как и Союз писателей СССР, — правление, секции прозы, поэзии, драматургии, критики, детской литературы и т. д.

Но была и еще одна заслуживающая внимания секция — по перевоспитанию контрреволюционных писателей.

В свое время в Советской стране проводилась решительная борьба с идеологией контрреволюции. Большинство из контрреволюционеров перевоспитывалось в заключении, в исправительно-трудовых лагерях. Китайцы поступили иначе. Если контрреволюционер отказывался от прямой борьбы с политикой партии и правительства, его не трогали, не репрессировали. Его перевоспитывали. Человек, настроенный против народной власти, вместе со всеми привлекался к политической учебе. Его подробно знакомили с марксизмом-ленинизмом, приводили примеры социалистического строительства в Советской стране, всячески убеждали в целесообразности и необходимости народной власти.

Мы поинтересовались, на какие средства мог существовать писатель-контрреволюционер, пока идет его перевоспитание. Допустим, кулак, помещик, капиталист свое отречение от прежней идеологии может доказать честным трудом, за который он получит деньги и сможет жить. А что делать писателю, у которого главное орудие производства — перо, причем такое перо, которое он еще не может применить с пользой для социалистического строительства в силу своей внутренней непримиримости, несознательности?

Советские писатели, особенно начинающие, работают в учреждениях, на производстве по разным специальностям и получают зарплату. Гонорар за литературную работу является у них побочным заработком. Писатели-профессионалы, люди твердо вошедшие в литературу, могут жить на гонорары за свои труды. Но у китайских писателей дело обстоит иначе, у них есть другие источники дохода. Писатель, который пока не в силах прожить за счет литературного труда, заключает с издательством договор и в счет будущего гонорара ежемесячно получает аванс в размере среднего заработка. Срок договора пятнадцать лет. Если по истечении срока писатель сумел погасить полученные деньги — хорошо. Если не сумел — срок договора удлинится еще на пятнадцать лет. Какой же писатель не сможет рассчитаться с издательством за тридцать лет!..

Такой отеческой опекой правительства пользуются и писатели-контрреволюционеры. Их новые произведения,

написанные в социалистическом духе, издаются беспрятственно. Из старых переиздаются только те, что не содержат антинародных идей.

Таково положение сложивших оружие воспевателей класса эксплуататоров.

А каково сейчас положение самих эксплуататоров?

Одна из важных особенностей китайской революции заключается в том, что революция не карала добровольно отказавшегося от сопротивления классового врага. Врагу по его желанию представлялась полная возможность участвовать в любой отрасли социалистического строительства. О том, как исправляются кулаки и помещики, работая в сельском хозяйстве, я уже рассказывал. Теперь расскажу об участии капиталистов в социалистическом строительстве. Выберу самые характерные случаи.

В Кантоне мы посетили небольшую парфюмерную фабрику «Тянь Хуан-хуа», что в переводе означает «Небесный свет». Бывший владелец ее, мелкий капиталист Ляо Хао, сейчас работает здесь заместителем директора. Как ни странно, он является пайщиком и получает со своего, вложенного в производство, капитала определенный доход. Каким же образом уживается на одном предприятии капиталист и строитель социализма?

В капиталистических странах имеются тресты, концерны и другие формы объединения владельцев разных отраслей промышленности. В народном Китае создана новая форма промышленных объединений.

Кулаки и помещики до недавнего времени сами управляли хозяйством и получали четвертую часть годового дохода. Другие 25 процентов они уплачивали в порядке налога государству, третьи 25 процентов шли на улучшение быта батраков или рабочих, и последняя четверть дохода шла на развитие и укрепление хозяйства. Если богатый скотовод имел 20 тысяч овец, то из них 5 тысяч являлись его собственностью, которой он имел право распоряжаться по своему усмотрению. Кулаки и помещики получали четверть собранного урожая со всех земель. Точно такое же положение было и у капиталистов. Если капиталист имел годовой доход 100 тысяч юаней, то из них 25 тысяч юаней шли в его личный карман. Так было уже в современном Китае. Но с 1956 года такой порядок изменился. Помещики скотоводы и промышленники

стали получать только 10 процентов годовой прибыли от внесенного пая — земли, скота, другого капитала. А 90 процентов дохода пошли в пользу государства.

И сейчас в Китае представители бывших эксплуататорских классов работают рука об руку с народным государством, создают большие и малые корпорации, объединения новой социалистической формы.

Ляо Хао, о котором я заговорил, — мелкий капиталист. Он состоит в корпорации, которая объединяет двенадцать частных предпринимателей. Самые крупные пайщики среди них Хаун Цау-ши и Эн Цао-тинь, внесшие по сто тысяч юаней. Ляо Хао вложил только восемь тысяч юаней и получает в год доход, равный восьмистам юаней. Кроме того, как заместитель директора фабрики, он получает зарплату 170 юаней в месяц. Если принять во внимание, что месячная зарплата рабочего равна 50—60 юаней, то доход Ляо Хао в 4—5 раз больше.

В новом Китае капиталисты объединяются не только в торгово-промышленные корпорации, но и в общественные организации. В Кантонском отделении Всекитайской ассоциации по перевоспитанию капиталистов объединено около 1 500 крупных и мелких капиталистов. Председателем Кантонского отделения является упомянутый Ляо Хао, активный общественник. Члены отделения два раза в месяц слушают лекции на политические темы, шесть тысяч человек вместе с мелкими служащими ежедневно посещают политчас, где читаются лекции по текущей политике. Около 400 активистов из ассоциации по перевоспитанию занимаются в кружках марксизма-ленинизма.

После ознакомления с фабрикой Ляо Хао пригласил нас к себе домой. Небольшой двухэтажный дом. В семье старуха-мать, жена и одиннадцать детей. Старшие дочь и сын учатся в университете, остальные — в школе. Самый младший еще грудной. Надо сказать, в Китае многодетных семей немало. Ляо Хао провел нас по всем комнатам. Нельзя сказать, что мы увидели роскошную обстановку — просто, уютно, культурно, без излишеств. И опять бросается в глаза странная особенность — несмотря на достаточную площадь, детская спальная напоминает купе вагона, деревянные кровати поставлены в два яруса. Чтоб влезть на верхнюю, надо обязательно

приставлять лесенку. Постели чистые, изящно убраны, над каждой марлевые занавески.

Узнав, что мы «сулянь», дети хозяина тотчас собрались в дом и окружили нас. Родители делали красноречивые знаки, прося их не мешать взрослым, но тщетно — ребятишки не хотели отходить от нас. Мы попросили хозяев не гневаться на них и разрешить им остаться. Да и нам было приятно посмотреть на опрятных, чистеньких и здоровых, судя по виду, ребятишек. Среди кантонских китайцев немало красивых. Ляо Хао и его жена оба красивые, представительные люди. Подстать им резвые, симпатичные дети. Особенно шустрыми мне показались двое — девочка лет десяти и мальчик чуть помладше. Оба с красными пионерскими галстуками. Они прямо-таки сверлили нас любопытными глазенками. На груди их поблескивали значки с изображением Ленина и Мао Цзэ-дуна. Не зная, как выразить свое расположение к нам, брат и сестра, улыбаясь, поцеловали свои значки и соединили их. Мы поняли без слов — Ленин и Мао Цзэ-дун едины.

Ляо Хао угостил нас фруктами, от обеда мы отказались.

Заслуживший доверие правительства, заместитель директора фабрики, руководитель ассоциации по перевозке капиталистов, он вместе со своими детьми проводил нас до ворот и, прощаясь, сказал:

— Я окончательно решил честно работать для социализма. Я уверен, что в этом счастье моих птенцов.— Ляо Хао обнял своих детей...

С семьей другого капиталиста, но уже не мелкого, а крупного, мы встретились в Шанхае.

В Шанхай мы вылетели из Уханя 8 июня утром и по пути приземлились в Нанкинском аэропорту. Перед нашим прилетом здесь прошел ливень, и аэродром тонул в воде. Неподалеку виднелся аэровокзал, крохотный домик, построенный еще при Чан Кай-ши, когда Нанкин был столицей. Мы спросили, почему аэровокзал такой маленький и никудашный, а аэродром огромный и асфальтированный, явно предназначенный для приема большого количества самолетов. Оказалось, правительство Чан Кай-ши своих самолетов не имело, а прилетавшие американские пилоты здесь не останавливались, сразу

уезжали в город. Поэтому они проявили заботу только об аэродроме, но строить аэровокзал не спешили.

Из Нанкина нас долго не выпускали, ссылаясь на грозные дожди, ливни и вообще нелетную погоду. Домик аэропорта, построенный на низком месте, стоял окруженный водой со всех сторон. Пробраться туда было немыслимым делом, и мы вынуждены были прогуливаться по асфальту возле самолета. Со вчерашнего дня Собко нездоровилось, он чихал, кашлял и не вылезал из самолета. Мы проминались вместе с Верой Казимировной и Сашком и пытались разглядеть окрестности. На западе виднелись городские строения, на востоке высилась небольшая зеленая гора, на склоне которой белело одинокое здание. Сашко пояснил, что это мавзолей Сун Ят-сена. Нам захотелось посетить могилу великого китайского революционера. Когда выяснилось, что наш вылет отсюда затягивается, мы вернулись в самолет и у задремавшего бригадира Собко попросили разрешения съездить на могилу. Вадим Николаевич хмуро посмотрел на меня и не то в шутку, не то всерьез ответил:

— Нет, браток, никуда ты не поедешь! Здесь тебе не Иркутск, не заставишь самолет ждать тебя полтора часа! Вот скоро погода прояснится, и мы полетим,— добавил он в порядке успокоения.— Никуда далеко не отлучайтесь.

Пришлось повиноваться без особой охоты. Так бесцельно, теряя дорогое время, мы простояли возле Нанкина более четырех часов.

Уже под вечер мы приземлились на Шанхайском аэродроме. Нас встретили китайские писатели Цзинь И-мынь, Ло Сунь, Цао Инь, усадили в машину и повезли в город. Здесь нас поразили прежде всего высоченные, гигантские дома, каких мы не видели в других китайских городах. Сашко оказался уроженцем Шанхая и, захлебываясь, рассказывал нам, что в городе есть дома в двадцать шесть этажей, что город делится на старый, построенный в китайском стиле, и на новый — в европейском.

Новый Шанхай всем своим обликом может поспорить с любой европейской столицей. Вдоль улиц тянутся пышные сады и скверы. Здесь мы заметили еще одну особенность, которой не видели в других городах: над высокими оградами были растянуты какие-то сети, узорные, спле-

На улице Шанхая.

тенные из тонкого бамбука и раскрашенные в яркие цвета. Они казались цветастыми пологими, свешенными над оградой.

Нас поместили в четырнадцатизатальной гостинице «Цинь Цзянь» на восьмом этаже. В первый вечер Вадим Николаевич занялся лечением насморка, принял ванну, пропотел и отказался от какой бы то ни было прогулки. Лекарства он не принимал по строгому уговору с нами. На то была особой важности причина, о которой я расскажу чуть ниже. У Кетлинской, нашей очень активной фотолюбительницы, накопилось много не проявленной пленки, и она вместе с Наташей ушла в фотографию. Я решил немного побродить и пригласил с собой Сашко.

Кто не любит родной город? Наш юный проводник не был исключением. Его детство прошло в Шанхае. С каким восхищением он рассказывал мне об этом великопном городе, о домах, о его знаменитых жителях. Мы долго бродили по улицам, заходили в магазины.

— Вы еще не устали? — неожиданно спросил Сашко. — А то мы можем взять такси и вернуться в гостиницу.

— Нет, я не устал.
— Это правда?
— Почему вы так настойчиво допытываетесь?
— Можно бы еще сходить в одно место.
— Куда?
— Позвольте мне не говорить сейчас, придем — увидите.

— Хорошо, — согласился я, слегка заинтересованный его недоговариванием.

Он привел меня в огромный сад. Многочисленные породы деревьев, искусственные озера, пруды, прямые аллеи, гуляющие с удовлетворенными улыбающимися лицами... Но что же здесь особенного? В Китае немало подобных садов. Разве сады Пекина, Ботанический сад Кантона не богаче и не красивее этого? Я подумал, что Сашко из-за любви к родному городу склонен все переоценивать, и решил простить ему это прегрешение. Пройдя по аллеям, мы поднялись на холмик и сели отдохнуть на удобную, затейливо сделанную скамейку между соснами. Я не выдержал и спросил Сашко, чем же примечателен этот сад?

— Это особенный сад. Он отличается от всех садов Китая прежде всего своей молодостью. Он появился всего лишь за последние пять-шесть лет. Раньше здесь была голая, как деревянный пол, земля. А теперь? — Сашко обвел вокруг рукой, показал на высокие дома, вплотную подступившие к саду.

— Там, в верхних этажах, жили капиталисты, а внизу размещались конторы и магазины. Вместо сада здесь был большой ипподром. Владелец ипподрома англичанин содержал великолепную конюшню беговых лошадей разных пород, устраивал развлечения для богачей, выпускал на скачки призовых рысаков, содержал тотализатор. Зрители следили за скачками, не выходя из дома, из открытых окон своей спальни, или стоя на балконе с чашкой кофе в руках. Они делали крупные ставки на ту или иную лошадь, а владелец ипподрома наживал на этом бешеные деньги. Зрителями состязаний могли быть только европейцы, китайцев туда не пускали. С установлением народной власти на месте ипподрома было решено разбить сад для отдыха трудящихся. Народ дружно взялся за дело, и в три-четыре года была засажена вся территория. Государство не потратило на разбивку сада ни

одного юаня, а посмотрите, какая прелесть получилась! Потрудились, а теперь наслаждаемся! — улыбнулся Сашко.

— Это верно, — согласился я.

В гостиницу мы вернулись поздно. Вадим Николаевич уже спал, завернувшись в одеяло. Я не стал будить его. Ночью нам предстояло совершить «священнодействие», которое должно было непременно излечить нашего друга, причем я выступал в роли главного исцелителя. Но для того, чтобы читателю все стало ясно, придется рассказать предисторию этого события.

Еще во время пребывания в Кантоне мы посетили там большой Ботанический сад. Научной работой здесь руководила женщина лет тридцати восьми по имени Ти Ся. Она родилась в семье батрака, с детства принимала участие в революционном движении и после установления народной власти получила высшее сельскохозяйственное образование. Сейчас она доктор сельскохозяйственных наук, мать троих детей. Муж ее работает здесь же директором Ботанического сада.

По словам Ти Ся, Кантонский Ботанический сад самый обширный по территории и самый богатый по фауне среди садов мира. Меня порадовало, что наш апорт, посланный алма-атинскими садоводами, растет и плодоносит в Кантоне!

В день нашего посещения сада стояла особенная жара — 50 градусов в тени. Мы не находили места от жары, пот градом лил с нас, одежда прилипала к телу, будто смоченная в воде. Вадим Николаевич чувствовал себя неважно и от длительной прогулки по саду отказался. Кетлинская, утомленная жарой, присоединилась к нему. Я все же решил прогуляться, несмотря на свою изрядную полноту. «Неизвестно, когда еще придется побывать в тропическом саду, да и придется ли? Надо использовать счастливую возможность!» — решил я. Расставшись с Собко и Кетлинской в тени на берегу озера, в сопровождении Ти Ся я отправился дальше.

Мое долготерпеливое упорство было вознаграждено — к друзьям я вернулся с чудесной добычей.

Кто из нас еще в детстве не читал о таинственном и целебном жень-шене? По утверждению тибетских лекарей, «корень жизни» является незаменимым средством против многих болезней и обладает, кроме того, свойст-

вом омоложения. Мы знаем, что жень-шень растет в земле в виде корня, напоминающего зачастую человеческую фигуру в различных позах.

Ти Ся показала мне дерево, довольно высокое, с толстым стволом, с ветвей которого свисали плоды, похожие на грушу.

— Эти плоды обладают свойством жень-шеня,— пояснила Ти Ся, изрядно удивив меня.— Таких деревьев всего четыре, и все они растут в нашем саду. Каждый плод их на учете. История их появления здесь любопытна. В далеком прошлом один из императоров выпросил у Далай-ламы из священного сада четыре черенка. С большими предосторожностями черенки перевезли из Тибета, посадили здесь, в Кантоне, и тщательно ухаживали за ними в течение многих и многих лет. Заботливые руки сохранили деревца, вырастили их и добились плодоношения. Возле деревьев стояла специальная стража. Созревшие плоды все до единого доставлялись в Пекин за несколько тысяч километров. Слава о целебном дереве разносилась по всей стране, поэтому созревшие плоды отправляли под усиленной охраной. Император в знак особой своей милости дарил плоды только самым любимым сановникам.

— Если дерево столь редкое и целебное, почему император не взял у Далай-ламы побольше черенков?— поинтересовался я.

— Таких деревьев и в Тибете мало. К тому же императору незачем было разводить множество деревьев, сам он был здоров, а здоровье народа и в грош не ставил.

— Почему император не посадил целебное дерево у себя в Пекине?

— Там оно не растет. Кроме того, дерево начинает плодоносить только через сто лет после посадки. Плоды его скоро портятся, так что о каком-либо запасе не может быть и речи, плоды сохраняются только пятнадцать дней.

— Все понятно, разрешите, пожалуйста, задать вам еще вопрос. Вы человек науки. Верите ли вы сами в целебную силу жень-шеня? И можно ли научно доказать наличие таких свойств у плода?

— Вы, наверное, слышали о Тибетской медицине?

— Признаюсь откровенно, очень немного.

— Секрет ее многочисленных методов и приемов до сих пор еще окончательно не раскрыт,— продолжала Ти Ся.— Тибетская медицина основана на лечении болезней различными травами. Не все лекарственные травы изучены, но на практике давно замечено, что травы излечивают от многих тяжких заболеваний. Собственно, у всех народов наука о лекарствах начинается с описания лекарственных растений. Плоды этого дерева целебны, однако полностью их свойства еще не изучены.

«А почему бы не дерзнуть!..» — подумал я и шутливо спросил:

— А нельзя мне, простому смертному, вкусить императорского плода?

Ти Ся ответила согласием и тотчас послала куда-то одну из работавших неподалеку женщин. «Наверное, за разрешением»,— подумал я.

В это время в саду появилась группа хорошо одетых мужчин и женщин. Это были японские туристы. Их сопровождала молодая китайка.

Вскоре вернулась посланная Ти Ся женщина вместе с каким-то мальчиком лет десяти. Ти Ся что-то сказала ему, и мальчик проворно, как кошка, полез на дерево. Ощупав несколько плодов, он выбрал один, очевидно, созревший, сорвал его и спустился на землю. Ти Ся протянула мне драгоценный плод.

— Мы непоколебимо верим в его целебную силу. Я дарю его вам от чистого сердца и желаю всегда быть молодым и здоровым.

— Большое спасибо! — горячо ответил я, принимая подарок.

Посмотрев вслед уходящим японцам, Ти Ся продолжала:

— Я дарю вам этот плод, потому что вы человек из братской страны. Мы желаем здоровья всем советским людям. А японцев, признаться откровенно, мы не всех любим, и нам не хочется ничего дарить им.

Я понял, что все еще не прошла тяжелая обида китайцев на своих недавних поработителей.

Отдавая мне плод с добрыми пожеланиями, Ти Ся предупредила:

— Съесть его рекомендуется точно через четырнадцать дней, четырнадцать часов, четырнадцать минут и четырнадцать секунд с момента снятия с ветки.

Меня несколько удивила такая точность и магическое повторение цифры четырнадцать. Либо это точно высчитанное путем многолетних наблюдений время биологического созревания, время активации тех лечебных свойств, которые заложены в плоде, либо это просто гипноз, внушение. А может быть и то и другое вместе. Вероятно, люди заметили, что созревание целебных свойств в снятом плоде происходит через четырнадцать суток с лишним, добавили с целью гипнотического действия четырнадцать часов, минут и секунд. Кому не известно, что многие болезни лечатся одним внушением?

— Я постараюсь выдержать сроки, но я не засек время, когда был сорван плод.

— Я по привычке засекла,— улыбнулась Ти Ся и сказала мне точное до секунды время. Я записал и еще раз поблагодарил Ти Ся.

О неслыханном подарке я рассказал Собко и Кетлинской, и мы договорились съесть неизведанный плод троим в точно предназначенное время.

...И вот сегодня, в день нашего прибытия в Шанхай, истекали последние сутки установленного срока. Как уже известно читателю, Вадим Николаевич приболел. С вечера у него побывал врач, оставил лекарства, но Собко, помня строгий уговор ничего не принимать, не прикасался к ним.

Заветная секунда падала на вторую половину ночи.

Вернувшись с Сашко в гостиницу, я застал Вадима Николаевича спящим. Не желая тревожить его, помня, что и сон неплохое лекарство, я потихоньку вышел из его номера и постучался в дверь Кетлинской.

— Это я, Сабит. Вы уже отдыхаете?

— Да, и вам советую. Вы, наверное, устали после долгой прогулки? Вадим спит, у него сильный насморк и к вечеру поднялась температура.

Я пожелал Вере Казимировне спокойного отдыха, повернулся, чтобы уйти, но услышал снова ее голос:

— Сабит, как насчет уговора? Сегодня подходит срок.

— Я помню, помню! После часа ночи.

— Смотрите! Если сами не проснетесь, я разбуджу вас.

— Спасибо, постараюсь не проспать.

Я вернулся к себе в номер и прилег.

Вера Кетлинская.

Проснулся я от телефонного звонка и спросонок, испугавшись, схватил телефонную трубку. Говорил Собко.

— Сабит, спишь?

— Да, задремал, кажется.

— А ты знаешь, сколько сейчас времени? Перевалило за двенадцать.

— Что ты говоришь!

— Если не веришь, взгляни на часы. Где твой «женьшень»?

— Здесь, у меня с собой, разумеется.

— Тогда собирайся скорее — и ко мне!

Я решил чуточку освежиться, и только начал умываться, как снова зазвонил телефон:

— Алло! — крикнул я, держа трубку через полотенце.

— Сабит, вы знаете сколько времени? — спрашивала Вера Казимировна.

— Знаю, знаю!..

Вдвоем с Кетлинской мы пошли к Собко. Одевшись потеплее, он сидел на диване, готовый к приему исцелительного плода, который мы называли «жень-шенем».

Удивительно долго тянется время в ожидании. Кажется, что в каждой минуте не шестьдесят секунд, а по меньшей мере сто двадцать. Когда мы собрались, до заветной четырнадцатой секунды оставалось меньше часа. Чтобы скоротать время, мы завели пустяковый разговор, с вожделением поглядывая на грушевидный плод, мирно покоящийся на столе. Рядом с ним уже сверкал острый нож. Я невольно припомнил, как в аule режут барашка для гостя... Выхваченный из стада темно-серый и кроткий, он входит в юрту, валится у порога и смиренно ждет своей участи... Сейчас перед нами спокойно красовался на столе бесчувственный, неодушевленный и таинственный плод. А мы, мирно беседуя, ждали его кончины.

Как ни тянулось время, но все-таки долгожданный момент настал — прошло ровно четырнадцать дней, четырнадцать часов, четырнадцать минут. Оставались секунды. Мы теснее придвинулись к столу, усталились на часы и, отсчитывая последние секунды, стали торопливо советоваться, кому предоставить честь дележа.

— Ты дочь великого русского народа, поэтому большую честь оказываем тебе! — Мы протянули нож Вере Кетлинской.

Она отказалась.

— В Советском Союзе после русского народа мы почитаем великий украинский народ! Следовательно, заколоть эту штуковину надлежит тебе, хохол! — сказал я и протянул нож Вадиму Николаевичу.

— Нет, дружище, у меня грипп, мне нельзя! — отвертелся Собко. — Ты сын народа-скотовода и потому резать тебе не в диковинку. Действуй!..

Увы, хотя я и рос в аule, мне никогда не приходилось резать скотину. Боюсь! Но перед нами была не скотина, а всего-навсего плод! Никакой крови, никакого предсмертного укоряющего взгляда не будет, так что бояться мне нечего. Я не нашел причины для отговорок, взял в левую руку плод, в правую нож и приготовился. Собко поднял руку с часами.

— Товарищи, командовать буду я, не забывайте, что я полковник. Когда скажу «раз!» — заносится рука с но-

жом. На счет «два» нож приближается к плоду. По команде «три!» Сабит режет! — Хорошо! — бодро ответил я.

Заблаговременно я сделал три отметины — места разреза.

По команде полковника Собко я добросовестно и, надо сказать, не без волнения, разделил чудодейственный плод. Каждый взял свою долю и начал есть, словно совершая молитву. Плод был шемяще сладким и твердым, как яблоко.

Вадим Собко.

«Красива не красавица, а любимая», — гласит казахская пословица. В своей жизни каждому из нас приходилось отведывать вкусных ягод, овощей, фруктов, но плод, подаренный китайской женщиной от всего сердца в знак уважения к нашему народу, показался мне вкуснее всего на свете.

— Эта пища не для тела, а для души, — отважился я высказать свое отношение к «жень-шеню»...

От целебных свойств подарка или от того, что болезнь прошла сама собой, но на следующий день Вадим Николаевич проснулся здоровым.

— Кому ты обязан своим здоровьем, — приставал я к Вадиму Николаевичу. — Если бы не я, ты чихал бы до сих пор!..

В Шанхае мы продолжали знакомиться с положением бывших капиталистов. Широкий размах работ, современное техническое оснащение мы увидели на шанхайских текстильных фабриках. Наш гид рассказал, что бывший владелец этих фабрик, крупнейший миллиардер Юнь И-жень, вошел в союз с Народным правительством и сейчас работает директором фабрики. Он является членом большой промышленной корпорации, объединяющей более трех тысяч шанхайских капиталистов. Юнь И-жень вложил в дело девятьсот восемьдесят миллионов юаней. Общий капитал корпорации составляет пять миллиардов

юаней. Среди пайщиков имеются такие, кто вложил всего сто юаней. На фабриках корпорации 82 тысячи рабочих и полтора миллиона веретен. Сотни тысяч метров тканей поступает ежемесячно в продажу.

Прежде Юнь И-жень владел семью крупнейшими фабриками. Сейчас он заместитель директора промышленной корпорации и директор фабрики «Ми Я», что означает «Красавица Азия». Его заместителем на фабрике служит Гуй Шу-цзинь, женщина с очень интересной биографией. Она родилась в Шанхае, в семье люмпен-пролетария и с восьми лет стала работать на этой фабрике. Детям до шестнадцати лет ничего не платили за труд — кормили и ладно! Мало того, иногда родители сами вносили мзду хозяину за то, что он взял к себе их ребенка. Кто не мог платить, давал подписку в том, что «работник» не сбежит, иначе родители отвечают головой. И если у ребенка обрывалось терпение и он сбежал, хозяин требовал, чтобы родители уплатили ему за все время пребывания их ребенка на фабрике, словно он для того туда и поступал, чтобы только съедать в день никчемную горсть риса. Но родители не всегда были в состоянии уплатить, и тогда хозяин сажал их в тюрьму, заставляя отрабатывать долг в принудительном порядке.

Гуй Шу-цзинь устроили на фабрику «Ми Я» на таких же кабальных условиях, под расписку родителей. Ей было тяжело, она не раз собиралась бежать, но, вспоминая нищенское положение отца и матери, оставалась работать. С 12 лет она в меру своих сил уже принимала участие в революционном движении, а повзрослев, вступила в ряды Коммунистической партии. В 1947 году на фабриках Юнь И-жени началась единодушная забастовка, которая длилась несколько месяцев. Гуй Шу-цзинь вместе с другими товарищами руководила забастовкой. Владелец фабрик Юнь И-жень обратился за содействием к правительству Чан Кай-ши. На фабрику прибыли войска. Но рабочие не испугались и сами стали вооружаться. Произошла кровопролитная схватка, после которой осталось много убитых и раненых. Тяжелое ранение получила сама Гуй Шу-цзинь.

Прошли годы. Бывшие враги теперь работают на одной фабрике и заняты одной целью — улучшением благосостояния народа. В Китае много таких интересных совпадений.

Мы осмотрели фабрики, но с самим Юнь И-женем встретиться не удалось. Как-то вечером через несколько дней у себя в номерах мы нашли изящные китайские конверты. В конвертах лежало письмо Юнь И-жени, написанное иероглифами. Он досадовал, что во время нашего осмотра его не было на фабрике, и сейчас приглашал нас к себе домой к восьми часам вечера.

В таких экстраординарных случаях мы, как правило, советовались с товарищами из местной партийной организации. В Шанхае мы не раз пользовались советами работника партийного комитета Шанхайской провинции товарища Го Хэня, опытного коммуниста, закаленного революционера, в прошлом организатора партизанского движения в тылу врага.

Мы показали ему приглашение Юнь И-жени.

— Обязательно поезжайте! — посоветовал Го Хэнь.

В назначенный час в легковом автомобиле мы подъехали к ярко освещенному двору бывшего китайского магната. Не успела машина приблизиться к воротам, как они отворились, и молодой китаец гостеприимным жестом пригласил нас проезжать во двор. Машина медленно двинулась по узкой дорожке, щедро освещенной электрическими фонарями. Мы проехали большой сад и остановились возле здания в новокитайском стиле «люстра». Мы не могли определить высоту его: этажи терялись в ночном мраке. Едва мы вышли на открытую террасу со множеством колонн в форме драконов, прыгающих к небу, как по широкой мраморной лестнице сбежали к нам по-европейски одетые, в элегантных костюмах два высоких и стройных китайца, как близнецы похожих друг на друга. Мы приняли их за слуг миллиардера, высланных для встречи. Они поздоровались с нами за руку и затем один из них, низко поклонившись, пригласил нас войти. Мы прошли роскошную переднюю, убранную в китайском стиле, миновали несколько комнат и коридоров, не менее пышных, чем приемная, и, наконец, остановились в просторной, с великолепным убранством комнате. На стене прямо перед собой мы увидели картину

маслом — Мао Цзэ-дун беседует с одним из встретивших нас элегантных китайцев.

«Неужели это сам Юнь И-жень?» — подумал я. Помимо портрета, на стенах висели вышитые шелком пейзажи, изображения птиц и животных. Невысокие диваны и кресла были изящно обиты узорным китайским шелком.

Китайцы с любезными поклонами и жестами пригласили нас садиться, а сами вышли.

— Кто они? — тотчас вполголоса спросили мы Сашко.

— Постарше, сам Юнь И-жень!..

— Неужели!.. Такой молодой.

— Он самый. Я знаю его в лицо. Не так уж молод, как может показаться, ему давно перевалило за сорок.

— Возможно, — согласились мы.

Мы уже не раз убеждались, что возраст китайцев нелегко определить по лицу. Женщины, которые казались нам девушками, на самом деле оказывались многодетными матерями, а молодые стройные мужчины имели почтенное семейство с внуками.

— А кто второй, так похожий на него?

— Говорят, у него есть младший брат, его сослуживец. Очевидно, это он и есть.

Вскоре вернулся один из встречавших нас китайцев. Я опять растерялся — кто это? Сам хозяин или его младший брат? Вошедший что-то негромко сказал переводчику, и Сашко шепнул мне: «Это сам!» Юнь И-жень, наверное, расслышал его шепот, посмотрел на меня, улыбнулся и сказал буквально следующее:

— Плостите, домасни дила!

— Оказывается, вы знаете по-русски! — воскликнул Собко.

— Ны-ме-но-зиска! — рассмеялся Юнь И-жень и, сгибая пальцы, начал считать: — А-аз, дыба, тли, шетили, пият...

Так просто и непосредственно началась наша беседа.

Юнь И-жень потомок крупных капиталистов. Отец его от трех жен имел шестерых сыновей. Юнь И-жень и младший брат — от третьей, последней жены. Четыре старших брата, все крупные капиталисты, эмигрировали за границу. Сам Юнь И-жень окончил в Китае начальную и среднюю английскую школу, уехал в Англию и

там окончил факультет языка и литературы Оксфордского университета.

— Значит, вы хотели стать писателем или вообще литератором? — спросили мы. Наш разговор носил непринужденный, откровенный характер.

— Да, я мечтал стать писателем. В молодости я начал писать роман на английском языке, но потом вовремя спохватился, понял свою бесталанность и решил заняться промышленностью. После окончания экономического факультета Вашингтонского университета я вернулся в Шанхай и стал помогать отцу в управлении теми фабриками, которые вы осматривали.

Крупнейший капиталист, имевший в годы гражданской войны полную возможность эмигрировать за границу, где у него также были собственные фабрики, Юнь И-жень остался в коммунистическом Китае исключительно из чувства патриотизма.

— Выбирать одно из двух — эмиграцию или Родину — зависело от меня самого. Чан Кай-ши уверял, что коммунисты уничтожат всех до единого, кто принадлежал к классу эксплуататоров. Я посоветовался с братом. Ему тоже не хотелось покидать Родину. К тому времени мы уже прослышали, что коммунисты не такой уж бесчеловечный народ, и решили остаться. Мы думали, что если нас и на самом деле убьют, то все равно наши тела останутся на родной земле. Нечего скитаться на чужбине! Теперь — как видите!

— Не раскаиваетесь? — с улыбкой спросила Вера Казимировна.

— Зачем же раскаиваться, — улыбнулся в ответ Юнь И-жень. — Фабриками руковожу я сам. Все мое личное имущество по-прежнему принадлежит мне. Правительство оказывает мне большое доверие — я депутат Собрания народных представителей. Партия также оказывает мне доверие — я назначен председателем Ассоциации по перевоспитанию капиталистов.

Как директор фабрики Юнь И-жень получает жалование пять тысяч юаней в месяц, а его брат, главный бухгалтер фабрики, — три тысячи юаней. Кроме того, со своего вклада в корпорацию они получают десять процентов годового дохода — около ста тысяч юаней.

— Куда же вы деваеете столько денег?

— На расходы нам вполне хватает жалованья. Остальные мы содержим в банке.

— Извините, с какой целью вы храните такой огромный капитал?

— Банки государственные. Наши деньги идут в государственный оборот и приносят определенную пользу государству. При необходимости мы можем предоставить в распоряжение государства все наши сбережения.

— При какой, например, необходимости?

Юнь И-жень, не ответив на этот вопрос, подошел к высоким книжным шкафам и показал на полки.

— Здесь собрания сочинений Маркса и Энгельса на английском языке и в китайском переводе. Вот здесь — произведения Ленина, тоже на английском и китайском языках. На этой — сочинения Сталина, на этой произведения Мао Цзэ-дуна и других деятелей Коммунистической партии Китая, Советского Союза и некоторых других стран. Все это мы внимательно читаем, — продолжал Юнь И-жень, — изучаем, стремимся понять и понимаем. А если человек что-то понимает в новом, он стремится сделать соответствующие выводы. Мне кажется, нет нужды говорить вам, какие именно.

— Конечно! — согласились мы.

Мы не торопились с выводами, но, кажется, начали понимать, почему он стал председателем Всекитайской ассоциации по перевоспитанию капиталистов.

Он рассказал нам об одном интересном эпизоде. В 1955 году Юнь И-жень посетил остров Тайвань, находящийся под властью Чан Кай-ши. Там он проводил беседы о путях развития экономики и культуры нового Китая, об отношении Народного правительства к бывшим капиталистам.

— Я не пытался агитировать, я рассказывал только факты.

— Разве это не самая действенная агитация?

— Вероятно, это понимал и Чан Кай-ши. Меня пригласили в управление контрразведки чанкайшистов и предложили покинуть остров в двадцать четыре часа. Я подчинился, но вернулся оттуда удовлетворенным — Государственный китайский банк пополнился новыми миллионами юаней. Многие эмигранты-капиталисты стали переводить свои деньги к нам. И не только с Тайваня, но и из других государств.

Мы узнали, что эмигрировавшим за границу китайским коммерсантам и промышленникам Народное правительство предоставило право пользоваться услугами своих банков, беспрепятственно совершать любые банковые операции с возможностью в любое время изъять свои деньги.

— Такова гибкая политика Коммунистической партии Китая. Ее поддерживает и одобряет весь народ, в том числе и капиталисты,— продолжал Юнь И-жень.— Конечно, имеются и противники, которые всячески стараются помешать работе партии и правительства, но их усилия тщетны. Новый Китай, подобно великой Янцзы, смывает и уносит весь мусор со своего пути. Будем надеяться, что чистая, без всякой скверны, эта река волнует в океан коммунизма...

Затем хозяин усадил нас за стол и весь вечер угощал с веселым непринужденным радушием.

На следующее утро, встретив снова товарища Го Хэня, мы рассказали о вчерашней встрече.

— Не кажется ли вам, что вступать в союз с капиталистом в условиях строительства социализма по меньшей мере рискованно?— спросил Го Хэнь.

— Если не найти правильной тактики, конечно, рискованно,— ответили мы.

— Дело не только в тактике, но и в международной обстановке. Говоря откровенно, такую смелую, гибкую политику нам удастся осуществить благодаря соседству вашей страны. Советский Союз — наша поддержка, наша несокрушимая опора. Империалисты сейчас не смеют напасть на нас только потому, что мы дружны с вами, со страной, где мощнейшая в мире техника. Поэтому во всех смелых начинаниях мы действуем решительно, без оглядки на империалистов, лишь бы народу жилось легче. У вас после революции было несколько другое положение,— продолжал Го Хэнь.— Молодая Советская Россия оказалась одна-одинешенька в капиталистическом окружении. Ей нельзя было мириться с внутренними врагами, иначе они могли задушить революцию. А нам сейчас нет никакой нужды уничтожать своих врагов. Они бессильны что-либо сделать, как внутренние, так и внешние, вместе взятые. Многие из них отказались от борьбы с новым строем, включаются в общее нзрядное дело и неплохо работают.

Го Хэнь сделал паузу, словно наблюдая за произведенным на нас впечатлением и приглашая высказать свое мнение. Но мы промолчали, разговор касался слишком своеобразных, непривычных для нас черт китайской политики.

— Пользуясь вашим колоссальным опытом,— продолжал Го Хэнь,— мы в то же время учитываем и некоторые ваши ошибки, допущенные во внутренних делах, и стараемся не повторить их. Короче говоря, Советский Союз во всех отношениях является великой школой для всех народов и государств, вступающих на путь строительства социализма. И это вполне закономерно, потому что фундамент коммунизма впервые был заложен в Советской России.

ДОРОГА ДРУЖБЫ

В Китае я немало встречал казахов, работников государственных, партийных, хозяйственных и культурных организаций. Я особенно подружился с двумя: работником издательства национальностей Кажеем Жамшитовым, молодым человеком лет тридцати, и его супругой Минжамал Шаяхметовой, певицей и танцовщицей национального ансамбля Пекинской государственной филармонии. Оба они свободно говорили по-китайски, бывали во многих провинциях страны, хорошо знали здешние обычаи и традиции и во многом помогли мне добрыми советами.

В Пекине наша бригада посетила интересное учебное заведение «Институт национальностей». Нас сопровождали Сашко, Наташа и Кажей Жамшитов.

Учебный комбинат раскинулся в северо-западной части города среди садов с искусственными каналами. Огромные корпуса в стиле лучших образцов китайской архитектуры, если не ошибаюсь, возведены Народным правительством специально для Института национальностей.

Директор института Юсуф Хо-лю, дунганин по национальности, сын торговца, с 1937 года активный участник революционного движения, коммунист, выполнял многие важные ответственные поручения Народного правительства. Вероятно, читатель уже заметил, что многие

биографии китайских работников похожи одна на другую — тяжелое детство, участие в революционном движении, вступление в Коммунистическую партию и общественная работа. Биография людей — это сама биография Народного Китая.

Институт национальностей был открыт в 1951 году. Через пять лет в нем уже обучалось 1 600 студентов, из них более 500 женщин.

В Китае живет более сорока национальностей. Из них самая маленькая — народность Гэа Лунь-сонь — насчитывает всего 1 200 человек. Гэа Лунь-сонь имеют свой язык, свои оригинальные обычаи и бытовой уклад. Они живут на самом юго-востоке страны в непроходимых зарослях бамбука, занимаются охотой и рыбной ловлей. До последнего времени эта народность находилась на самой низкой ступени развития, в состоянии почти первобытно-общинного строя. Сейчас в Институте национальностей учатся представители Гэа Лунь-сонь.

Необычен состав этого учебного заведения. Если в любой другой институт принимаются люди с законченным средним образованием в возрасте от 18 до 35 лет,

Вместе веселятся студенты разных национальностей.

то в Институте национальностей могут учиться студенты в возрасте от ... одного года до шестидесяти лет. На первый взгляд это выглядит до невероятного смешным, но это так на самом деле. Дети студентов принимаются наравне с родителями в детские ясли, затем, подрастая, переходят в детский сад и остаются на попечении института до тех пор, пока не закончат его. Сейчас на воспитании института около трехсот детей. По словам Юсуфа Хо-ли, они выйдут из стен института только после окончания его.

Большинство народностей Китая в прежнее время не имело своих национальных школ, своего литературного языка, органов печати. Народное правительство сумело за короткий срок организовать для большинства национальностей свои школы, наладить выпуск своих газет. Но в среде некоторых малых народностей, таких, как И, Яо, или Гэа Лунь-сонь, ничего пока не удалось сделать из-за низкого культурного развития их. Некоторым представителям, разумеется лучшим, было предложено поступить в Институт национальностей в Пекине или в других городах (их в стране несколько).

Упомянув о самых молодых «студентах», я должен рассказать и о самых старших. В прошлом все они активные участники революционного движения в среде своей национальности. Многим из них, давно вышедшим из возраста школьников, никак не дается мудрость иероглифа или арабской письменности. Однако они не числятся отстающими. Для них создается особая программа, им терпеливо разъясняют сведения о социалистическом государстве, о текущей политике, устно втолковывают дела и нужды народа. По окончании таких своеобразных политекстов слушателей направляют на общественную работу. В институте мы видели немало таких курсантов-бородачей.

Еще одно интересное явление несколько поразило нас. Учение в институте ведется в основном в соответствии с партийными принципами, но в учебных корпусах есть особые залы для исполнения треб буддистов, христиан, мусульман и других вероисповеданий. В них работают служители культа, которые получают государственное жалование наравне с другими преподавателями института. Мне удалось наблюдать, как в одном из залов студенты-мусульмане исполняли намаз — молитву.

Из истории известно, что религия ислам возникла в VII веке нашей эры в Аравии, быстро распространилась по всему Востоку и проникла в Китай. От Аравии до Кантона очень далеко, но отважные торговцы-мореходы из числа арабов с древнейших времен вели с китайцами (по-арабски «чинами», упоминающимися в Коране) оживленную торговлю. Я видел в Кантоне древний архитектурный памятник — мечеть, построенную в VIII веке. Она построена в классическом китайском стиле и поныне выполняет свое прямое назначение. Мулла Юсуф Исхак, по национальности дунганин (его дунганское имя Ка Минь-би), рассказывал, что в Кантоне проживает более трех тысяч мусульман разных национальностей.

Юсуф Исхаку около шестидесяти лет. Мусульманское духовное образование он получил в Бейруте в Академии наук «Дар-уль-фунуне». Он хорошо разбирается в текущей политике. Исполняя обязанности настоятеля по мечети, Юсуф Исхак состоит в то же время на государственной службе, преподает детям светские науки в бывшей духовной, а теперь народной школе при мечети (опять гибкость и смелость политики). Я побывал в этой

школе, осмотрел классы. За столами сидели дети мусульман. Некоторые были в пионерских галстуках. Узнав, что я «сулянь», дети по-пионерски отсалютовали мне и поздоровались на своем языке. В одном из классов я застал «пионеров» за молитвой. Об этой мусульманской школе я вспомнил, увидев в Пекинском институте национальностей молящихся студентов.

В институте имеется четырехгодичный высший политический факультет и два средних двухгодичных. Преподавателей всего 280. Обучение, общежитие, питание—все бесплатно. Одежда продается студентам по заниженным ценам. Каждый обучающийся ежемесячно получает на мелкие расходы по восемь юаней. Обучение ведется в основном на китайском языке, но если народность имеет свою письменность—на родном. Среди учащихся 341 коммунист из 34 национальностей и 832 комсомолец из 38 национальностей. Членов профсоюза 614. Каникулы два раза в год—один месяц зимой и два—летом. В отличие от других учебных заведений в Институт национальностей принимаются только дети трудящихся, выходцы из бедняков. И если попадает сюда редкий потомок богача, то это только из числа тех, кто принимал самое активное участие в освободительной борьбе и заслужил полное доверие правительства.

Примечательны биографии некоторых студентов. Например, казах Тайконыр Атыгаев родился в 1924 году в Тарбагатском округе в семье батрака. Отец Болеу, мать Уркия и дядя Омарбек батрачили у помещика Гао Луниня. С восьми лет мальчик присоединился к родителям и тоже стал батраком. Отец и мать умерли от нужды. Одиннадцатилетнюю сестру Тайконыра—Нуршаги насильно увез к себе в жены старик-феодал из рода Зенги.

Когда по всему Китаю поднялся народ на борьбу, Тайконыр добровольно пошел в освободительную армию. После одной из схваток во время панического отступления чанкайшистов Тайконыру попался в плен тот самый старик из рода Зенги, который увез когда-то его сестру. Народным судом он был приговорен к расстрелу. Тайконыр лично расстрелял злодея. Сестра его была спасена и осталась жива. Об этом Тайконыр рассказывал со слезами на глазах. Находясь в Народно-освободительной армии, он вступил в Коммунистическую партию, научил-

Сабит Муканов и Тайкoнyp Атыгаев.

ся грамоте и после демобилизации в 1952 году был направлен в Пекинский институт национальностей. В 1956 году он уже заканчивал его, сдавал последние экзамены. О его судьбе, полной драматизма и острый борьбы, можно писать роман...

В одном из институтских зданий организована выставка материалов по истории и культуре национальных меньшинств Китая. Это бесценный в подлинном смысле исторический музей со множеством редких экспонатов. Описать все невозможно: потребуются годы труда!

Институт имеет богатую библиотеку, в которой можно найти произведения древних и современных писателей Китая, да и не только Китая. Я поинтересовался отделом казахской литературы и нашел книги многих казахских писателей.

При институте действуют музыкальные, хоровые, танцевальные, гимнастические и множество других кружков. Не спеша, с раннего утра и до поздней ночи мы ходили по залам. В конце дня директор предложил нам послушать концерт силами артистов и учащихся. После утомительного дня концерт сулил нам приятный отдых, мы могли послушать игру на незнакомых доселе национальных инструментах и потому мы с удовольствием приняли приглашение.

Мы не обманулись в своих ожиданиях. В обширном зале на тысячу мест нас, гостей и зрителей, было человек десять. До начала Юсуф Хо-лю предупредил: «Мы постараемся показать вам образцы искусства всех национальностей, и это займет немало времени. Если утомитесь — не стесняйтесь, скажите нам...»

Какое там утомление! Когда мы слушали совершенно незнакомую музыку, смотрели танцы, нашу усталость сняло как рукой. Мы словно очутились в богатейшем этнографическом музее. За каких-то два часа мы, казалось, прослушали двухгодичные курсы по искусству национальных меньшинств. Выступали многие студенты, мастерски исполняла танцы Минжамал Шаяхметова. Каждый исполнитель выступал в своем национальном костюме. Этот концерт показался нам ярким воплощением нерушимой дружбы многочисленных народов Китая.

Месячный срок нашей командировки истекал, но нам совсем не хотелось возвращаться домой, мы далеко не до конца осуществили свои замыслы. Кетлинская и Собко мечтали побывать в Северном Китае, а мне хотелось поехать в Синьцзян по следам Чокана Валиханова.

Мы пришли за помощью к своему послу. Товарищ Юдин предложил нам самим поговорить с Москвой и разрешил воспользоваться телефоном. Как только мы сделали заказ, в ту же минуту откликнулся русский голос: «Москва слушает!..»

Несмотря на заботу о нас, несмотря на сердечное гостеприимство китайских друзей, мы так соскучились по Родине, что когда услышали Москву, то, как дети, все трое ухватились за трубку и стали спорить, кому из нас говорить!.. Наверное, я оказался нахальнее всех — мне первому удалось крикнуть «Алло!» в самую трубку. Из Москвы откликнулся именно тот товарищ, который был нам необходим. Он, очевидно, слышал наш спор и, поздоровавшись, спросил, что это у нас за шум. Я откровенно признался ему во всем. Человек в Москве рассмеялся и после краткого разговора разрешил нам продлить командировку еще на месяц.

В последний вечер мы не могли расстаться друг с другом. Мы просидели втроем до утра за бутылкой «КВ», которую Собко бережно хранил на дне чемодана. Рано утром нам предоставили уже не одну, а две машины, которые должны были пойти в разные стороны. За месяц

такого памятного, такого интересного путешествия мы сроднились и полюбили друг друга. Мы долго прощались, прежде чем разъехаться по своим аэродромам...

До Урумчи меня сопровождал молодой переводчик Нью Чань-чинь. В половине восьмого самолет поднялся в воздух. После бессонной ночи я проспал всю дорогу. В три часа дня мы приземлились в Ланьчжоу. Меня встретили двое: руководитель местной организации писателей, поэт-песенник и сам же композитор Юэ Сунь и заведующий отделом культуры городского совета Чжан Ши-э.

Ланьчжоу — административный центр провинции Ганьсу, один из старинных городов Китая. Больше тридцати разных национальностей живет в этой провинции, из них самые многочисленные дунгане — около тридцати миллионов. В старых казахских легендах их называют кара-китайцами. Дунгане издревле родственны китайцам, у них общие корни происхождения. Но в IX веке нашей эры они приняли ислам и перестали уживаться с народом Ханьцзу — буддистами. Они стали враждовать, то и дело между ними возникали кровавые столкновения. В 70 годах прошлого столетия часть дунган перекочевала в Россию и осела на землях нынешнего Казахстана и Киргизии. Сейчас в этих республиках есть немало дунганских колхозов и поселений.

Императоры страны Чжунго, особенно из Маньчжурской династии, всячески притесняли дунган, натравливали на них соседние племена уйгуров. В результате такой политики между дунганями и уйгурами на протяжении многих веков велись кровопролитные войны. Воинственные дунгане перестали общаться с соседними народами, стали жить обособленно, передавая из поколения в поколения свои суровые обычаи национальной обособленности. Если девушка дунганка, нарушив традиции, выходила замуж за человека другой национальности, ее убивали и отрубленную голову вывешивали на воротах того двора, где жил ее отец. Дунганину, осмелившемуся зайти в китайскую столовую и пообедать там, грозила неминуемая смерть.

После установления народной власти вековая вражда между китайцами, уйгурами и дунганями стала постепенно стираться и переросла со временем в братскую дружбу. Сейчас в провинции Ганьсу все националь-

ности живут дружно и плечом к плечу трудятся, строят новую социалистическую жизнь. Вместе со всеми рука об руку трудятся и казахи — их в провинции Ганьсу около трех тысяч семей.

Город Ланьчжоу располагается на берегу Хуанхэ, среди высоких труднопроходимых песчаных гор.

— Что заставило жителей забираться в такую глушь? — спросил я.

— Желание обособиться и древнее чувство вражды к другим, — ответил Юэ Сунь.

Как и многие китайские города, Ланьчжоу разделен на две части — старую и новую. Старые дома больше похожи на среднеазиатские строения, чем на традиционно китайские, — низкие, с плоской крышей мазанки с окнами во двор. На улицу вместо фасада выходит глухая без окон стена. На крышах многих домов — чердачные надстройки, похожие на балаханы в старых узбекских домах. На центральных улицах можно увидеть двух- и трехэтажные дома в китайском и европейском стилях, но их немного.

Новый город отделен от старого. Здесь улицы прямые, широкие и асфальтированные, дома многоэтажные. Новые дома построены в основном в стиле современной китайской архитектуры. На улицах и площадях много зелени — деревья, газоны, цветы. В нижних этажах, как правило, размещаются магазины.

Поместили меня в новой шестиэтажной гостинице, в 612 номере. В эти примечательные дни в Ланьчжоу проходила краевая партийная конференция и со всех районов в гостиницу съезжались коммунисты. Встречи и разговоры с ними принесли мне большую пользу и помогли глубже разобраться в прежней и теперешней жизни национальных меньшинств Китая.

Оказалось, что в Ланьчжоу тоже есть Институт национальностей. Его директор, дунганин Вань, рассказал, что институт создан в 1949 году и сейчас в нем обучается 1330 студентов из шестнадцати национальностей в возрасте от 10 до 60 лет. Здесь же учатся около ста казахских детей, приехавших в Ланьчжоу из горных кочевых аулов за две-три тысячи километров. Их обучают грамоте и воспитывают казахские преподаватели Даулет Карагулов, Абдолла Макеев, Касымхан Кудеров. За семь лет существования института его закончили 3275 человек.

Многие выпускники пошли учиться в специальные технические вузы, другие вернулись в родные края и занялись общественной работой.

Учебная программа и бытовые условия в институте Ланьчжоу такие же, как и в Пекинском институте. Но здесь заканчивается строительство огромного Дворца культуры. Дворец сказочно красив. Он строится по проекту архитектора Чжо Чжэня. Его стены украшены лучшими образцами орнаментов всех народностей, населяющих провинцию Ганьсу. Орнаменты раскрашены в яркие цвета, по ним можно превосходно изучить орнаментальное искусство всех народностей Ганьсуйской провинции. Это своего рода популярная и общедоступная книга по орнаменталистике.

В Ланьчжоу я услышал интересные сведения о смерти монгольского завоевателя Чингис-хана. Рассказывают, что когда он умер, то его дети, бии и батыри-полководцы, боясь, чтобы многочисленные враги их империи, узнав о смерти грозного повелителя, не подняли восстания, сговорились в течение десяти лет скрывать от всех смерть Чингис-хана. Они объявляли, что прозный хан находится то в одной из многочисленных орд, то в другой. Когда же стало, наконец, известно о его кончине, близкие хана девять раз тайно переносили его останки с места на место — они боялись, что враги непременно разроют могилу хана. Я слышал, что последнее место захоронения Чингис-хана — возле горы Каракорум. В действительности оказалось не так. Останки Чингис-хана из Каракорума были перенесены в район Синлуйшаня, в 60 километрах к югу от Ланьчжоу, возле озера, на склоне живописной горы.

После 1949 года из Внутренней Монголии сюда прибыла специальная комиссия и увезла останки монгола к себе на родину. Сейчас на месте бывшего захоронения в Синлуйшане поставлен памятник с бюстом Чингис-хана. Мы собрались поехать туда, но в этот день начался ливень, дорога через перевал закрылась и отрезала путь к могиле завоевателя. Побывать там в другой раз мне уже не позволило время.

Во время пребывания в Ланьчжоу мне рассказали много интересного о строительстве знаменитой Дороги Дружбы Актогай — Ланьчжоу. Общая длина ее около трех тысяч километров, причем почти 80 процентов дороги проходит по китайской территории. Строительство на-

чалось в 1954 году. За два года китайцы сумели проложить железнодорожное полотно длиной около полутора тысяч километров в неимоверно трудных условиях. В распоряжении строителей из современной техники было всего около десятка экскаваторов и бульдозеров. Работа в основном проводилась вручную, лопатами, ломami и топорами. Землю для насыпи перетаскивали издалека носилками, в корзинах, перевозили тачками.

— Приходилось рассекать гранитные скалы, пробивать туннели, — рассказывал главный инженер строительства. — Одним словом, было нелегко, но терпимо. Самым страшным препятствием на нашем пути оказались зыбучие пески. Любой камень можно обработать тем или иным способом, скалы можно взрывать, перевозить, обтесывать, рассекать. Камни и земля подчиняются опытным человеческим рукам. А представьте себе песок. Его не удержишь в руке, он сочится между пальцами, он соскальзывает с лопаты, как змея. С неимоверным грузом воздвигнутая в песчаной степи насыпь при малейшем ветре развеивается в прах! Приходилось по нескольку раз воздвигать насыпи на одном и том же месте. А ветры свирепые, сметают на своем пути все. В песчаную бурю невозможно открыть глаза, нечем дышать. Летом страшный зной, негде достать глотка воды. Привозят ее в бочках, пока довезут, она согревается и становится противной на вкус. А зимой мороз, словно каленым железом обжигает лицо и руки. Но, несмотря на такие неимоверные трудности, на строительство вышло около ста тысяч человек разных национальностей и проложили запланированный участок на полгода раньше намеченного срока.

— Да, это героизм, это подвиг! — восхитился я.

Главный инженер посоветовал мне побывать на самых трудных и отдаленных участках дороги, но время, неумолимое время, каждый час которого был на твердом учете, не позволяло мне распоряжаться собой. Я смог только ознакомиться с одним из ближайших участков. Мы выехали из Ланьчжоу на запад и, проехав по глубокому ущелью километров шесть, очутились на необозримо широкой равнине. Неподалеку от нас параллельно асфальтовой дороге шли два сверкающих фельса. Огромный диск багрового предзакатного солнца широким веером длинных лучей окрашивал землю и редкие облака. Рельсы шли прямо к солнцу, они сверкали в его лучах, и

мне казалось, что солнце — самое важное маховое колесо огромного механизма, именуемого миром, а эти рельсы, как привод, заставляют его двигаться...

Я думал о том, что дорога очень скоро пересечет границу, пройдет по родному Казахстану, дойдет до станции Актогай и сольется с дорожной сетью нашей великой Родины. С помощью дороги, этой стальной нерушимой связи, еще теснее и крепче завяжется дружба между нашими народами. Не случайно стальному пути дано название — Дорога Дружбы.

Пусть ведет нас Дорога Дружбы в светлое завтра человечества!..

Глава четвертая

СИНЬЦЗЯН

МАЛЬЧИК С ОТМЕТНОЙ

Китайское слово Синьцзян пока-
захски произносится «Шымжан» и в
перевод на русский язык означает
«Новый край». Такое название зак-
репилось в 1873 году после оконча-
тельного присоединения края к Китай-
ской империи.

В Синьцзян мы вылетели из Лань-
чжоу 21 июня днем. Самолет взял
курс на северо-запад и долго летел
над голыми безжизненными хребта-
ми. В два часа горы разделились на два отрога — пра-
вый южный и левый северный. Вскоре внизу раскинулся
широкий степной простор, показалась узкая лента ка-
кой-то речушки. Пилот вышел из кабины и через пере-
водчика объявил, что мы приближаемся к Гобийской пу-
стыне. Кстати замечу, что китайские пилоты время от
времени любезно сообщают своим зарубежным пасса-
жирам интересные и полезные сведения о местности, над
которой совершается перелет.

Великая пустыня оказалась ровной и голой, без бар-
ханов. Очевидно, почва здесь солончаковая, талая вода
быстро высохла от жары, и вся земля покрылась глубо-
кими трещинами. Когда серая непривлекательная карти-
на стала нам надоедать, самолет, словно разгадав жела-
ние пассажиров, с высоты четырех с половиной тысячи
метров стал быстро снижаться, и среди мертвой пустыни

мы увидели зеленый оазис — аэропорт Нью Чуань. Откуда зелень в безводной пустыне? Служащая аэропорта Чю Лянь-джи рассказала, что вода доставляется по трубам из города, расположенного в тридцати пяти километрах. Несмотря на такую отдаленность, трудолюбивые руки за короткий срок превратили аэропорт в цветущий оазис.

Из Нью Чуаня мы поднялись в четыре часа 25 минут дня. Внизу появился тот же унылый скучный пейзаж. Часа через полтора стали появляться холмы. Среди них кое-где, словно пуговицы на одежде, сверкала зелень, очевидно, густые заросли можжевельника. Вскоре в мгlistой дали показалось белое облачко. Оно долго не исчезало. И чем ближе мы подлетали, тем больше и больше облако растягивалось в узкую ленту, опоясывающую землю. Как нельзя кстати пилот снова вышел из кабины и показал на любопытное облако:

— Это снежные хребты Богды!

Богда напоминала гигантский темно-серый шатер, поставленный в бескрайней степи. С каждой минутой хребты становились мощнее и выше. Они производили такое величественное впечатление, что мне показалось, будто Богда выше Эльбруса и Хан-Тенгри, которые мне доводилось видеть раньше.

Неожиданно густые облака, как снежный обвал, заполнили ущелья. Туманная мгла окутала Богду. Видимость пропала. Самолет изменил курс и повернул к равнине. Облака, словно не желая упустить добычу, двинулись вслед. Начался дождь. Самолет, как жаворонок, испугавшийся ястреба, быстро начал снижаться и почти вслепую сделал вынужденную посадку.

Как оказалось, мы приземлились на окраине города Хами, по-уйгурски Кумула.

Когда жаворонок успевает спрятаться от хищника, то преследователь шарахается в сторону и взмывает ввысь. Точно так же и облака, гнавшиеся за нами, сразу свернули в сторону Богды и разразились сердитым дождем.

Выходя из самолета, я посмотрел на часы — было половина седьмого. Солнце уже скрылось за хребтами, и только багровые лучи его пронизывали скучившиеся над вершинами облака.

В аэропорту мы с переводчиком подкрепились, немно-

го отдохнули и вскоре узнали, что дальше сегодня не полетим, заночуем здесь.

На дворе еще было светло, и я изъявил желание съездить в Кумул. В этом городе я еще не был, к тому же скучно было ждать ночи в пустом аэропорту.

— Хорошо, — согласились китайские товарищи, — поездку можно устроить.

Город располагался в тринадцати километрах. Еще с самолета мы заметили какую-то длинную извилистую трещину, поросшую по обеим сторонам кустарником и тростником. Это был пятидесятикилометровый капал, прорытый еще до нашей эры, во время возникновения Кумула. Он берет начало из многоводной горной реки. Ближе к городу от основной его магистрали отходит множество арыков к соседним селам и на поля. Я снова вспомнил поговорку: «Где вода, там и жизнь». Орошаемые земли процветали.

Едва мы успели отъехать от аэропорта, как нас нагнал шквальный ветер. Густая пыль окружила нас плотной завесой. Машина остановилась. Кое-как мы дождались, пока утих ветер и вокруг стало проясняться. Машина медленно, словно на ощупь, двинулась вперед.

В городе буря ощущалось не столь резко, но густое пыльное облако, поднятое ураганом, пепельно-серой завесой долго висело над крышами.

— Едва ли в таких условиях можно что-то увидеть, — заметил наш сопровождающий и попросил шофера остановить машину... — Могу вам рассказать, что в городе из достопримечательностей есть древняя большая крепость, много мечетей, много старинных домов. При хорошей погоде их осмотр представляет интерес, но сейчас... К тому же вечер наступает. В общем, решайте сами...

Это был вежливый намек на то, что из нашей затеи ничего не получится и лучше нам вернуться в аэропорт. Несколько мгновений я раздумывал. Я давно слышал о Кумуле, много читал о нем. Древний город, расположенный на восточной окраине Синьцзяна, он имел трехтысячелетнюю историю. Его населяли уйгуры, несмотря на то, что основная масса уйгуров находилась далеко отсюда, возле пустыни Такламакан. В городе были оригинальные исторические памятники. Но сегодня пыль застилала город. А завтра мы должны лететь дальше.

— Здесь совсем близко есть одна интересная мечеть, — сказал наш проводник, заметив мою нерешительность. — Полторы тысячи лет тому назад был построен буддийский храм. В десятом веке, когда в Синьцзяне распространился Ислам, храм превратили в мусульманскую мечеть. Если хотите, мы можем осмотреть ее.

Мы подъехали к мечети и заглянули в дверь — огромный зал был полон молящихся. Шло вечернее богослужение.

— Народ в этом крае все еще религиозен, — сказал проводник. — При мечети есть медресе, в котором обучается более ста человек разного возраста — от восьми до шестнадцати лет. Тут же при мечети помещаются кельи. Когда кончится молитва, все это можно осмотреть.

Уже наступили сумерки, а еще предстояло ждать окончания молитвы. Потеряв надежду найти в этот неудачный вечер что-либо интересное, я уже был готов выразить желание вернуться в аэропорт, но тут проводника осыпало еще одно воспоминание:

— В медресе живет одиннадцатилетний мальчик. Он слышит ишаном, святым и ясновидцем. Половина его лица черная, как у негра, половина белая, как у настоящего европейца. Может быть, вы согласитесь посмотреть на «святого» отрока?

— Конечно, с удовольствием! — воскликнул я. Никогда ничего подобного о человеке я не слышал. — Устройте, пожалуйста, нам эти смотрины, но только так, чтобы не оскорблять религиозных чувств верующих.

— Будьте спокойны, — обещал проводник, пожилой уйгур, разбитной по характеру, тип бывалого человека.

Он попросил подождать его в машине и ушел в мечеть.

Ждать пришлось долго. Сгустились сумерки, а проводника все не было. Меня охватило сомнение — уж не обманул ли он нас? Переводчик, мой попутчик из Пекина Ню Чань-чинь, тоже начал беспокоиться:

— Скоро ночь, не лучше ли вернуться?

Но возвращаться мне казалось неудобным. Вдруг проводник окажется честным, приложит немало усилий для встречи, договорится с людьми в мечети, а мы самым бестактным образом сбежим. Решили ждать.

Наша машина, так долго стоящая возле мечети, заинтересовала прохожих. Они останавливались, тянули за

дверцу, иные заглядывали в оконце и даже пробовали раскатать машину и сдвинуть с места. «Что за люди, что им нужно?» — недоумевали мы. Озадаченные и встревоженные, мы решили не обнаруживать признаков жизни. Шофер-китаец, отвечавший за машину, никак, однако, не реагировал на происки неизвестных. Возможно, вспомнив о древней вражде между уйгурами и китайцами, он не выходил, а, заперевшись в кабине, сидел и тихонько поспывал. Уснул, что ли?..

Но вот кто-то еще приблизился к машине, подергал дверцу и, убедившись, что она заперта, решительно поступал. Шофер что-то крикнул по-китайски и, когда услышал ответ тоже на китайском языке, открыл, наконец, дверь. Показалась голова проводника уйгура.

— Выходите! — скомандовал он. — В мечети вас ждет имам с мальчиком.

— Идите, пожалуйста, без меня, — сказал мне Ню Чан-чинь.

— А вы?

— Я не мусульманин и заходить в мечеть мне нельзя.

У входа нас встретил белобородый в чалме и полосатом халате, довольно тучный имам и мальчик лет одиннадцати, тоже в чалме и полосатом халате. Поздоровались. Имам на уйгурском языке пригласил меня в мечеть. Мы прошли в алтарь и сели на ковер, раскинутый на полу. Имам начал беседу с теплых слов о Народном правительстве Китая, о дружбе с Советским Союзом. Я плохо слушал его и все внимание обратил на загадочного мальчика. Действительно, лицо его будто по линейке разделялось на два цвета. Одна сторона была черной, как уголь, а другая — молочно-белой, со здоровым румянцем на щеке. На черной половине росли густые усы и борода. Он был чуть скуласт, с большими глазами, с густыми бровями, с широким лбом. Его можно было назвать красивым, черты его лица производили хорошее впечатление. Других диковинных особенностей на его теле я не заметил. Глаза его были одинаковы, только присмотревшись, можно было увидеть, что белки на белой половине чище, а на черной слегка подернуты темной поволокой.

Очевидно, проводник уйгур рассказал имаму о моем желании посмотреть поближе на чудо-мальчика. Поэтому имам, выразив уважение к моей стране, стал рассказывать об отроке.

Мальчик молчал. За все время он не произнес ни слова. По словам имама, ему не полагалось говорить мирские слова. Он избегает встреч с людьми, не заговаривает с ними, даже не смотрит на них. Все это объясняется его «святостью». Он слывет «ясновидцем». Имам привел несколько примеров его «прозорливости».

— Он еще не объявил себя ишаном, так как, несмотря на бороду, еще не достиг совершеннолетия,— продолжал имам.— Он не показывается посторонним, но вам показался только потому, что вы особо почетный гость.

— Но как же он молится в мечети при массовых богослужениях?

— Он молится обязательно накрывшись покрывалом. До тех пор, пока он не будет ишаном, он может показываться только трем лицам высшего духовенства. И только! Его не должны видеть даже казый мударрис — духовный наставник.

После такого предостережения мне было не совсем удобно разглядывать начинающего «святого», но любопытство пересилило, и я попросил показать обнаженную голову мальчика.

— Ну, что ж, это можно,— сказал имам и снял чалму с головы мальчика. Он сидел опустив глаза. Голова его была наголо выбрита и темя было наполовину черным, наполовину белым. Черный цвет кончался на затылке.

Беседа наша длилась недолго, имам куда-то заторопился, да и у меня времени было в обрез. Я извинился за вторжение, поблагодарил имама за любезность и распрощался.

На дворе уже стояла ночь. Поднятая бурей пыль все еще висела в воздухе. Мы продвигались медленно. Сквозь темную густую мглу мы не различали домов и догадывались о них только по мутному свету фонарей, зажженных у ворот.

Как досадно, что не пришлось посмотреть Кумул! Несмотря на то, что я увидел мальчика с отметиной.

Я вспомнил свое детство, аульную жизнь до революции. Если в ауле кобыла, корова или овца приносила приплод с какой-нибудь необычной отметиной, то казахи придавали этому особое, суеверное значение. Хозяин приплода, согнув пальцы в щепотку, трижды касался своего лба.

От отметины следовало ожидать счастья. Все необычное заставляло людей преклоняться.

Свидание с мальчиком из Кумула надолго врезалось мне в память. Я еще раз воочию убедился, как духовные отцы стараются использовать врожденные дефекты в своих интересах. Я представил, как легко в старом феодальном Китае в среде религиозных фанатиков мальчик с отметиной прослыл бы и на самом деле «ясновидцем» и «предсказателем». Но сегодняшний Китай вступил на путь социализма. Я думаю, что мальчик не станет ишаном, сама жизнь выведет его из невежественной темноты на светлую дорогу. И в этом нельзя сомневаться!

ИЗ ПРОШЛОГО СИНЬЦЗЯМА

Из Кумула мы поднялись на заре. Самолет взял курс на юго-запад, вдоль склонов Богды. День ясный, видимость превосходная. Направо от нас высокая цепь снежных вершин, налево бескрайняя степь, по виду не отличающаяся от Гоби, темно-серая и голая. Изредка встречается небольшой ельник. К балкам и оврагам предгорий тянется множество узеньких зеленых ленточек. Легко догадаться, что это зеленая поросль по краям ручьев. Однако воды в них незаметно, очевидно, она пересохла к этому времени. Об отсутствии воды можно судить еще и по другому признаку. Там, где постоянно держится вода, обязательно живут люди. Здесь всюду пусто, попадают широкие и зеленые ущелья, кажется, в них очень удобно селиться людям. Но и они безжизненны. Ни человеческого жилья, ни пасущихся табунов. Видно, скоро пожелтеет зелень и ничем ее не спасти до будущей весны.

Под крылом самолета проплыли странные нагромождения, похожие на развалины древнего города — крепостные стены, башни, фантастические замки. Мои спутники рассказали, что эти удивительные города и крепости созданы из скал водой и ветром. Здесь немало таких «архитектурных памятников».

И на этот раз мы снова убедились, насколько капризна погода в горах Богды. С утра под ясным солнцем сверкали серебром снежные хребты, ничто не омрачало нашего полета. И вдруг неожиданно, как из-под земли, возникли хмурые тучи и разразился ливень. Водяные

У стен Синьцзянского института.

струи, как из ведра, поливали самолет. Все вокруг затянулось белесой мглой. Куда летим — не понять! В сердце закрадывается тревога — как бы не врезаться в скалы! Где-то совсем рядом, рукой подать, сверкает молния. Но отважный пилот уверенно ведет машину прежним курсом, ведет вслепую. Слышны какие-то шорохи и потрескивания, кажется, что самолет задевает крыльями о скалы. Вдруг похолодало. К окнам самолета одна за другой пристают снежинки. Сверкает молния. Что ей стоит пронзить хрупкий самолет!.. Выберемся ли мы из этого хаоса или рухнем где-нибудь на склонах коварной Богды?

Ровно час сорок минут длилось испытание нервов. Затем вокруг началось медленное прояснение, и внизу показался небольшой перевал.

— Здесь примечательное место — Богда соединяется с Тянь-Шанем, — объяснил мне один из спутников. — Дальше за перевалом начинается равнина Урумчи.

В это время к югу от нас показалась широкая белая полоса, похожая на баскур — ленту, опоясывающую войлочную кибитку. Это были снежные хребты Тянь-Шаня.

Миновав перевал, самолет оказался над обширной равниной и вскоре, дав левый крен, начал снижаться.

— Под нами город Урумчи!

Прильнув к оконцам, мы увидели его как на ладони. И снова старый, разбросанный, с кривыми и узкими улицами, с глинобитными домами, и новый, современный, с многоэтажными домами на прямых и широких улицах. По окраине старого города извивается узенькая речка Хава. На ее крутом берегу возвышается буддийский храм.

В Урумчи мы приземлились в 9 часов 15 минут. Нас встретили работники культуры Синьцзяна. Город находился в 18 километрах от аэропорта, к нему вела хорошая асфальтированная дорога.

Хозяева устроили нас в комфортабельной трехэтажной гостинице в новом городе. После отдыха мы вышли на прогулку.

Совсем недавно новый Урумчи стал похож на красивый европейский город. Город утопал в садах. Сейчас в нем около двухсот тысяч жителей. С каждым годом ширится площадь под застройку, с каждым годом растет население.

— Но имеется одна загвоздка, — улыбаясь, говорит проводник. — Город стоит на богатой залежи каменного

угля. Если ее начнут разрабатывать, дома осядут. Есть слухи, что здесь останется небольшой рабочий поселок, а весь город будет перенесен на другое место...

Мы посетили Центральный музей Синьцзяна, размещенный в большом буддийском храме в роскошном саду. Научный работник музея Юсуфбек Мухлисов рассказал нам, что экспонатов пока не очень много, но в научном отношении они чрезвычайно ценны. О некоторых из них я расскажу ниже.

В самом городе привлекает внимание озеро Хун Яньга. Оно создано на месте болота, куда вливались три реки: Хава, берущая свое начало в горах Богды, и еще две речки с Тянь-Шаньских гор. Но болото было мелким, речки в нем не задерживались и протекали дальше. Сейчас здесь огромный водоем, а в местах, где речки выходят из озера, возведена железобетонная дамба шириной в пятьдесят и высотой в двадцать пять метров, со шлюзами.

За уровнем воды в озере наблюдает техник Жань Футай. Он рассказывает, что при закрытых шлюзах объем воды в озере достигает 50 тысяч кубометров, а при открытых — 20 тысяч. Ежедневный расход воды для нужд населения, для полива садов, огородов и посевов в окрестностях — четыре с половиной тысячи кубометров. Но при необходимости расход можно увеличить еще на две тысячи кубометров. А во время половодья воду можно расходовать бесконтрольно, сколько душа пожелает. На озере построена новая гидроэлектростанция. Она полностью обеспечивает город энергией.

Вот краткая справка об Уйгурском автономном районе, носящем географическое название Синьцзян. Население около пяти миллионов, из них около четырех миллионов уйгуры, кроме них, здесь живут люди десяти разных национальностей. Основная масса уйгуров осела вокруг пустыни Такламакан. Вся эта территория, полторы тысячи километров в длину и восьмьсот километров в ширину, раньше называлась Кашгарией, Восточным Туркестаном, или Малой Бухарой. В древние времена уйгуры вели кочевой образ жизни и осели вокруг Такламакана в девятом веке нашей эры. С тех пор они стали земледельцами.

Чокан Валиханов писал, что на северные склоны Тянь-Шаня часть уйгуров была выселена маньчжурами в середине XVIII столетия. Здесь они занимались сельским хозяйством. В семидесятых годах XIX века уйгуры под-

няли восстание, но маньчжурское правительство с помощью царской России жестоко подавило его. Во время народного движения выдвинулся уйгурский герой Садыр Падван. После поражения он погиб в маньчжурской темнице. Многие из мятежников, спасаясь, покинули родину. Уйгуры, проживающие сейчас на территории Узбекской, Киргизской и Казахской республик,— прямые потомки повстанцев, бежавших когда-то в Россию.

Из других народностей на северных склонах Тянь-Шаня больше всего казахов. Первая группа казахов переселилась в Китай в середине XVIII века, при хане Средней Орды — Аблае. С того времени казахи переселялись в Китай неоднократно, и в настоящее время их в Китае около полумиллиона. Синьцзянские казахи в административном отношении делятся на три группы: Алтайские из рода Керей с центром в городе Сары Сумбе, Тарбагатайские в большинстве из рода Найман, с центром в городе Чугучак, и Илийские, в большинстве из рода Уйсун, с центром в городе Кульдже.

Третье место по численности занимают в Синьцзяне монголы. В середине XVII века в долине реки Или существовало монгольское государство Джунгария со столицей в городе Суйдин (недалеко от Кульджи). В середине XVIII века оно было завоевано маньчжурами и распалось. Потомки монгольских племен рассеялись по всему Синьцзяну. В настоящее время их около ста тысяч.

Маньчжурская династия управляла Китаем 270 лет, свергнута в 1911 году. Маньчжурских воинов, покоривших Синьцзян в 1878 году, русские прозвали «шиба», а казахи «сиба». Их потомки прижились в Синьцзяне и сейчас рассеяны по всему Уйгурскому автономному району. Они говорят не по-китайски, и не по-монгольски, а на своем особом языке — шибя.

Довольно интересна история появления китайцев в Синьцзяне. После захвата страны маньчжурами китайцы поднимали неоднократно восстание против агрессоров, но маньчжуры беспощадно их подавляли и чинили кровавую расправу. Многих повстанцев они сослали в Синьцзян. Ссылных здесь называли шунь-фэнь, что в переводе означало «заключенный в тюрьму», «арестант». Иероглифически это слово изображалось так: квадрат из четырех линий, означавший четыре стены или двор. Сверху и снизу

зу две кривых, как согнутый палец, черты, что означает собаку. Соединив оба смысла, мы должны были бы получить «собачий двор». На самом деле иероглиф читается, как «тюрьма, место заключения преступников».

Так по воле маньчжурских правителей китайцы впервые появились в Синьцзяне, как шунь-фэнь, политические ссыльные.

Древняя история рассказывает, что Синьцзян с давних времен был тесно связан со страной Чжунго. Еще за тысячу лет до нашей эры китайские купцы, ходившие в Индию, писали о кочевниках в Синьцзяне. Очевидно, это кочевали монгольские и тюркские племена. Среди них были и казахи Большой Орды, рода Уйсун, которых китайцы называли У Су-ни.

В целях защиты китайских и индийских купцов от нападений и грабежа кочевых разбойников в I веке нашей эры Синьцзян переходит под управление главного китайского военачальника Чжонь Цзи. Потом Синьцзян захватывают енисейские киргизы, в XII веке — казахи рода Найман, в XIII веке — монголы, в XVI — Темерлан, в XVIII — джунгарские калмыки. Однако во все эти тяжкие времена экономическая и культурная связь Синьцзяна с Китаем не прерывалась. После уничтожения маньчжурами Джунгарского ханства в 1758 году Синьцзян навсегда становится одной из неотъемлемых частей великой империи Чжунго. В середине XIX века по наущению англичан Якуб-бек, а в начале XX века по подстрекательству японцев Хожа Нияз пытались поднять Синьцзян против Китая. Но безуспешно, народ не пошел за ними.

При власти чанкайшистского гоминьдана во главе Синьцзянского правительства становится Шэн Ши-цай. До поры до времени он был в дружественных отношениях с Советским Союзом, но в начале сороковых годов перешел на путь предательства и начал вести враждебную политику против нашей страны и китайских коммунистов. От рук палачей Шэн Ши-цай погибли закаленные в классовых боях верные сыны народа коммунисты Чень Тань-сю, Мао Цзэ-минь, младший брат Мао Цзэ-дуна, и многие другие.

О зверствах шеньшицайской банды палачей рассказывают стихи бывшего узника Танжарыка Жолды-улы, чудом вырвавшегося на свободу после многолетнего заточения. Их нельзя читать без содрогания и гнева.

Вот эти стихи:

С тех пор, как пристанищем стала темница,
В оглохшие уши словам не пробиться...
В камеру страшную двое иль трое
Ночью ворвутся, закрутят руки,
Голову тесным мешком накроют
И волокут в темноте на муки.
Дрожит, задыхается узник, ужас
Душу мертвой петлей сжимает,
Как в лихорадке, мысли кружат.
Вдруг мешок с головы срывают!
Лица — придумывать злее не надо!
Глаза враждебно смотрят косо,
Рычат на тебя, как тигриное стадо.
Злоба звериная в каждом вопросе:
«Ответь, не то разорвем на части!
Язык твой раньше болтал не скупю.
Скажи о враждебности к нашей власти
Казахской вашей подпольной группы».
В ответ на это стоишь, рыдаешь,
Тело холодный пот обливает —
Что говорить, если сам не знаешь
Того, что с ножом у тебя вырывают?
Стоишь среди комнат той угрюмой,
Дрожишь от страха — сейчас замучат.
Но ложью пощады купить не думай,
Ложь твою не облегчит участь.
Скованы кандалами ноги,
Тисками туго зажаты руки,
И смерть уже милее намного,
Чем эти муки.
Трупом собачьим раздуется тело.
Тянет от ран загнивающим смрадом,
Гноятся глаза, и трепещет несмело
Сердце, которое жизни не радо.
Но снова подходят к тебе изуверы,
Разинувши пасти, ревут, как медведи,
И снова наотмашь лупят без меры.
И снова не знаешь, что им ответить.
Лишишься ума ты и сил, и желаний,
Но это еще не конец испытаний.
Есть еще доска там с большими шипами,
Покрытая толстой кровавой коркой.
Верхом на нее — терлется память,
Из тела душа как не вылетит только.
И это у них называется допросом!
Ногами грудь придавив твою,
По тоненькой трубке раствор купороса
Они через нос тебе льют и льют.
Стонешь, кричишь, как змея извиваясь,
В муках исходишь, чиханьем и рвотой.
Смерть уж не страх вызывает, а зависть,
А впереди снова пытки без счета.

Следователь изощрен и искусен,
Словно паук, растянул он сети,
Вызвав, однажды сказал мне: «Отпустим.
Но распишитесь сначала под этим».
Силы иссякли и дрогнула воля,
Подпись так подпись, раз нет исхода...
Так оказался я связан с подпольем,
Так оказался врагом народа.
Стал агитатором я против власти,
Связан с Алтаем, Кульджей, Урумчи.
Крепкая сеть, надо мною сплелась ты,
Туго стянули тебя палачи.
Что с тобой сделалось, бедная Родина,
Тебя захлестнуло кровавой рекой,
Конем необузданным был на свободе я,
Нынче меняю тюрьму за тюрьмой.
Был в Урумчи я в темницу заброшен.
Камера тесная, словно скважина.
Душно, и вонь словно в месте отхожем,
Видно, здесь люди сгнивают живо.
В камере узников больше чем тридцать —
Уйгуры, татары, казахи, китайцы.
Хотел в Урумчи я до правды добиться,
Но люди сказали мне — зря не пытайся.
Здесь хоть и центр, но обычай не здешний
Правду искать, разбирать преступленье.
Легче у блох попросить снисхожденья
Да у клопов, чтобы грызли поменьше.
Неужто умру, не достигнувши цели,
Кровь закипает, обидно до слез мне.
Тянутся дни, проползают недели,
Снова меня повели на допросы.
Хоть здесь справедливость найду я, быть может:
Всю правду сказал о судьбе своей жалкой.
О том, как меня обобрали под палкой.
Но вновь предо мною злодейская рожа.
Палач заорал: «Не шути, Танжарык,
Не то повредит тебе твой же язык,
Если в столицу привел тебя случай,
То по-столичному здесь мы и мучаем».
При мысли о пытках в зубах моих дрожь.
Подписана снова за истину ложь,
В мешок затолкав, как ненужный хлам,
Поволокли и в подвал меня бросили.
Лежим, как сурки, без движения там
И знаем, умрем коль не летом, так осенью.
В памяти страшные годы высечь
Те, что народ проводил на плахе,
Гибли в застенках сотнями тысяч,
Миллионы дрожали в страхе.
Вскоре послали меня в Ян Бын-шин
В больницу тюремную, к смерти прямо.
Тем, кто до этой больницы дожил,
Здесь заранее роют ямы.

Постель из соломы, кирпич в изголовье.
Начальник, как ворон, и плоть наготове...
Звон кандалов в перемену с побоями,
Язвы не сходят с гноящихся тел.
Пища — трава, запиваем помоями.
Слышатся залпы ночами — расстрел.
Голову горе пригнуло низко,
Сердце замучено зрелищем смерти.
Тоскуешь по дому, родным и близким.
Да есть ли хоть где-нибудь жизнь на свете!
Вороны только не знают кручины,
Сытые кровью и мертвечиной.
Есть на отшибе зловещий дом,
Куда обреченных, раздев, уводят,
Шашкою рубят и колют штыком,
Предсмертные крики до нас доходят.
Выкопав ямы в предместьях сначала,
Сотнями режут людей, как скотину,
Грызутся над трупами псы одичалые.
Празднуя тризну кровавой годины.
Живут так, на муки отданы
Царства страданий подданные.
Не слышно их воплей и плача в ночи,
Кровавые слезы в них горячи.
Скрежешут их зубы в досаде бессилья,
И рады мучениям их палачи.
Когда в Урумчи попадешь — не спеши,
На братских могилах свой взор удержи,
О тех, кто погиб, не забудь до кончины
И внукам и правнукам расскажи¹.

Рассказ Танжарыка Жолды-улы не нуждается в комментариях. Зверство Шэн Ши-цая может сравниться только с бесчеловечными злодеяниями фашистов.

Чудом спасшийся от смерти талантливый поэт Танжарык Жолды-улы умер вскоре после освобождения из тюрьмы, в 1947 году, когда ему исполнилось всего 38 лет.

Злодеяния Шэн Ши-цая не устрасили борцов за свободу. Верные сыны Синьцзяна поднялись на вооруженную борьбу. В народном восстании особо отличилось население трех казахских округов. В ноябре 1944 года повстанцы наголову разбили войска Шэн Ши-цая. Тогда гоминьдановцы, видя, что народ не унять силой оружия, встали на путь обмана и провокаций. Они заключили перемирие с руководителями восставших казахских округов и в 1946 году создали коалиционное правительство. Мир длился недолго. Вскоре по инициативе гоминьданов-

¹ Стихи перевел поэт Лев Щеглов.

цев некий Оспан-батыр, главарь бандитской шайки, попытался захватить в свои руки власть в трех округах. Началась гражданская война. Она длилась три года и закончилась в 1949 году после освобождения Синьцзяна Народно-освободительной армией. Синьцзян стал одной из равноправных провинций Китайской Народной Республики, вступившей на путь социализма.

ВОКРУГ ТАКЛАМАКАНА

Я не знал, с чего начать мне ознакомление с Синьцзяном, в каких районах и городах побывать, на что обратить особое внимание. Синьцзянские руководители представили мне возможность выбирать самому. Мне хотелось побывать в Кашгарии, раньше называвшейся Восточным Туркестаном и Малой Бухарой. Я уже писал, что давно собираю материал для нового произведения о Чокане Валиханове. Было решено начать экскурсию с Кашгарии.

Мне предложили два способа передвижения — автомашину и самолет. На машине, преодолев несколько перевалов Тянь-Шаня, я мог добраться до Кашгара за десять дней и то при условии, если перевалы не занесены снегом. Самолет пролетал это расстояние за шесть часов. Конечно, ехать было гораздо интереснее, чем лететь, но слишком ограниченное время не позволило мне такую роскошь.

Из Урумчи самолет поднялся в 7 часов 55 минут утра. Меня сопровождал художник Абдул Халик, работник Урумчинский картинной галереи, и поэт Абулхай Рузиев, оба уйгуры. Я познакомился и подружился с ними в те немногие дни, пока жил в Урумчи. Абдул Халик (мы его называли просто Халик) стройный, художавый и скромный человек. Поэт Абулхай ниже среднего роста, полный, с круглым лицом, большим носом, с густыми черными бровями, тоже очень сдержанный по характеру. Обоим лет по сорок. Большие знатоки Синьцзяна и особенно Кашгарии, они явились для меня настоящим кладом.

Самолет взял курс на восток вдоль южных склонов снежного Тянь-Шаня.

— Ближайший город Турфан, — сказал Абулхай, си-

девший со мной рядом.— От Урумчи до него сто восемьдесят километров.

Это один из древнейших городов Кашгарии, наиболее низко расположенный в мире город по отношению к уровню моря. Здесь очень жаркий климат. К примеру, если в Урумчи в самую жару воздух накаляется до 45—50 градусов, то в Турфане температура доходит до 70 градусов. Знающие люди утверждают, что достаточно большому ревматизмом любой стадии с месяц походить босиком по горячей земле Турфана, как наступает выздоровление.

К моей великой досаде, самолет здесь не сделал остановки. В 50 километрах от Турфана мы пересекли Даванский перевал. Здесь расположен небольшой, но древний, интересный в историческом отношении город Токсун.

Пролетая над Даванским перевалом, я обратил внимание на какие-то черные точки в нескольких местах. Они цепочками сползали с вершин. Я спросил о них Абулхая.

— Вы знаете, что такое караз?— вопросом на вопрос ответил он.

Караз — одна из древнейших систем орошения, когда горные воды используются для полива насаждений в долинах. У вершины горы, недалеко от истока родника, роется первый колодец. Затем цепочкой от него, вниз по склону, вырывается еще ряд колодцев, которые соединяются между собой арыками. Родниковая вода, наполнив первый колодец, по арыку наполняет другой, понижее, затем третий, еще ниже, и так спускается к орошаемому полю.

Синьцзянские уйгуры, живущие в горах, широко пользуются этим древним способом.

Караз — иранское слово. Казахи несколько переименовали его и ту же систему называли «кери из».

Следы ранних казахских кери изов я впервые увидел в 1928 году в Арке (Центральном Казахстане), в горах Улу-Тау и Кши-Тау. Там цепочка не превышала 10—25 колодцев, а каразы на Даванском перевале, как мне показалось с самолета, состояли не менее как из 100—150 колодцев.

По словам Абулхая, этот район Тянь-Шаня неплодороден. Здесь нет не только речек, но даже родников. Но если где-то на бесплодном такыре появилась зелень, то там наверняка, хотя и на большой глубине, в сто и более

метров обнаруживается вода. Она поднимается к поверхности с помощью системы подземных каналов. Легко представить, насколько трудной была работа, когда древним кетменем предстояло рыть не один колодец, а сотни! Но люди не могли жить без воды и рыли вручную. Иногда работу, начатую отцами, завершали дети и внуки.

— В горах вокруг Такламакана каразы можно встретить повсеместно,— продолжал объяснять Абулхай.— С их помощью здешние жители выращивают разные злаки, овощи, фрукты. Турфанский округ славится дынями и арбузами. Здесь очень вкусный урюк, персики, вишни. Знайки говорят, что в мире нет дынь вкуснее турфанских и в особенности токсунских...

Токсун расположен в глубокой ложбине, среди лысых гор. Город маленький, утопающий в зелени. С гор со всех сторон ровной цепочкой спускаются к Токсуну каразы. Отсюда в туманной дали можно различить контуры соседнего Турфана.

У Даванского перевала кончается восточный край Тянь-Шаньских гор. С востока сюда близко подходят горы Алтын-Тау, отроги Тибета. Ущелье между двумя горными хребтами представляет собой как бы ворота, насквозь продуваемые сильными ветрами. У нас в Казахстане на стыке Тянь-Шаня и Тарбагатая имеется подобное ущелье, известное под названием Джунгарских ворот. Здесь часто дует стремительный ветер Эбе. Силой порыва он валит седока с коня и срывает со склонов большие камни. Верующие принимают ветер за дыхание дракона, который прячется в одной из ближних пещер.

Такой славой пользовались и Турфанские ворота. Здесь тоже проносится сильный, порывистый ветер, похожий на Эбе. Но дыхание Джунгарских ворот бывает горячим только в летнюю пору, тогда как невыносимый ветер Турфанских ворот дует подолгу и создает такое пекло, в котором гибнет все живое. Он ошпаривает человека, будто кипятком. Многие путники заканчивали здесь свой жизненный путь. В старину, когда, кроме лошади и осла, не было средств передвижения, путникам, идущим из Китая в Индию и обратно, поневоле приходилось пересекать Турфанские ворота. Народ называл их «мостом испытаний». Прежде чем войти в них, люди морили себя постом, долго молились, приносили жертвоприношения, давали

всяческие обеты, стараясь задобрить злого духа и разжалобить бога.

Когда мы пролетали над Даванским перевалом, Абулхай обернулся ко мне и воскликнул:

— Айгыр булак!

— Что это значит? — спросил я.

— Родник! Самый красивый из здешних родников.

Я склонился к окну. Между голыми вершинами сверху вниз тянулась узкая, зеленая полоса, посреди которой серебристым позументом сверкала вода Айгыр булака.

Кстати, я позабыл упомянуть еще об одном хорошем качестве Абулхая — он обладал звучным великолепным баритоном. Уйгурские песни поются гортанно, своеобразно. Слушая Абулхая, я думал, что передо мной один из лучших уйгурских исполнителей. Этот народ имеет много замечательных песен, у уйгуров есть даже циклы песен, например «Двенадцать напевов», единых по содержанию и развивающих и дополняющих друг друга. Чтобы пропеть их целиком, потребуется несколько вечеров.

Когда мы пролетали над Айгыр булаком, Абулхай затянул один из двенадцати напевов, посвященный чудесному роднику:

Стерегут его грозные горы,
Не найти в мире лучшей воды.
У вершин снеговые просторы,
У опднюжья цветут сады...

Своей красотой Айгыр булак вдохновил уйгурский народ на создание песни с волнующей мелодией. Абулхай пел самозабвенно, слова лились, как родниковая вода.

За Даванским перевалом самолет взял курс на юго-запад. Налево от нас потянулась бледно-серая степь, направо — то отдаляющиеся, то приближающиеся хребты Тянь-Шаня.

Абулхай пел долго, и мне не хотелось прерывать его задушевную песню. Но вдруг он умолк и, показывая в окно, воскликнул:

— Баграш!

— В чем дело, Абулхай? — изумился я.

— Взгляните вниз.

Мы приближались к огромному озеру. Берега его уходили за горизонт. Абулхай заметил, что, по литературным сведениям, вода в нем пресная, но на самом деле из-за

Мечеть в Кашгаре.

солоноватого вкуса пить ее нельзя. В озере водится много вкусной рыбы. С запада в него вливается река Карашар, а с юга берет начало река Курла с очень горькой водой. Курла вливается в реку Тарим. Вокруг озера ютятся рыбацкие поселения.

— Вот это поселок Кумис, а тот Ошак-тал, а вот там...— Абулхай начал перечислять рыбацкие становища.

Через некоторое время мы пролетели над древним зеленым городом Карашаром, или, как его еще называют, Карахаром. Это центр монгольского района. За ним показался город Курла. События, разыгравшиеся в известной эпической поэме «Тахир и Зухра», происходили именно в этих местах. Замечательный эпос, хранимый уйгурским народом на протяжении сотен лет, в конце XIX века был записан одним путешествовавшим татаринном и впервые напечатан на татарском языке. Позднее по мотивам эпоса была создана одноименная музыкальная драма. На уйгурских народных игрищах — машрабах — и по сей день исполняется поэма о Тахире и Зухре в сопровождении музыкальных инструментов. Кроме этой, исполняется на игрищах и другая популярная уйгурская поэма — «Гариб-Сенем». В дороге Абулхай грудным, задушевым голосом исполнил отрывки из обеих поэм.

Сделав непродолжительные посадки в Карашаре, Кучаре, Аксу, мы продолжали свой полет между Тянь-Шанем и Такламаканом. Внизу тянулся однообразный ландшафт. Проблески жизни виднелись только там, где струилась вода. Трудно сказать, отчего Тянь-Шань с вечно ледяными вершинами, щедро наделив свои северные склоны реками, родниками и озерами, поспешил для южных склонов. Реки здесь встречаются редко, на отрогах гор не видно зеленых, радующих глаз лужаек. Реки и речушки, словно боясь, как бы ненасытные пески не поглотили их скудную воду, круто поворачивали от песков на север и шли на соединение с рекой Тарим. Вбирая многочисленные притоки, Тарим питает озера Баграш, Лобнор и Кара буран. Все живое сосредоточено только по берегам реки. Там, где нет воды, царит безлюдье.

Вылетев из Аксу, самолет взял курс на юг. Снежный Тянь-Шань стал удаляться от нас все дальше. Внизу потянулись невысокие голые холмы. Они соединяли Тянь-Шань с Памиром.

Вскоре самолет нырнул в густую дымчатую мглу. Видимость пропала.

— Что это, туман или облака?— спросил я Абулхай.

— Ни то, ни другое.

— Может быть, снова внизу ураган и пыль поднялась к нам?

— Здешняя природа со странностями. Даже в тихие дни густая пыль застилает небо, словно туманом. Местные жители считают ее «небесной пылью». Иногда она поднимается очень высоко и становится настолько плотной, что мешает лететь самолетам!..

Я согласился, что это явление довольно странное. Абулхай выразил надежду на то, что в недалеком будущем люди сумеют объяснить это загадочное явление.

Перед посадкой в Кашгаре самолет опять нырнул в пыльное облако. Когда стали снижаться, я удивился тому, что на высоте пыль была значительно плотнее, нежели внизу. Солнце едва проглядывало сквозь плотную завесу, на земле царил сумрак, как будто во время солнечного затмения. Было два часа дня.

В Кашгаре мы поселились в гостинице, окруженной большим прекрасным садом, в бывшем здании Пакистанского посольства. Вечером в роскошном саду советского консульства по поводу какого-то местного торжества со-

Через эти ворота проезжал в Кашгар
Чокан Валиханов.

ялся званый вечер, на который и мы получили приглашение. Выступал концертный уйгурский коллектив. Театра здесь пока еще нет.

Я разговорился с нашим консулом Алексеем Афанасьевичем Орловым. По его словам, в Кашгарии около двух с половиной миллионов жителей, из них девяносто процентов уйгуров, а остальные киргизы и таджики, имеющие свои административные уезды, китайцы, узбеки, монголы, индусы, тибетцы. Большинство населения занимается земледелием, киргизы и монголы — скотоводством. На юго-востоке Такламакана, в горах Куэнь-Луня, живет в первобытном состоянии, не подчиняющееся никакой власти, дикое тибетское племя кенжутов.

Обширна территория Кашгарского округа, но из-за отсутствия воды полезных земель здесь чрезвычайно мало — четверть гектара на душу населения. А в Хотанском округе и того меньше — одна восьмая гектара. Большинство плодородных земель принадлежало раньше помещикам и мечетям.

Само слово Кашгар истолковывается по-разному. Некоторые считают, что оно состоит из двух слов: «каш» —

краска для бровей и «гар» — пещера, жилье. Получается нечто вроде Красочной пещеры или жилища. Такое толкование довольно правдоподобно: в древности люди не умели строить дома и рыли пещеры на речных берегах. На берегах реки Тумен, где обосновался Кашгар, пещеры сохранились и по сей день. Время безжалостно разрушило их, но, по рассказам, когда-то они имели довольно красочный вид. Вполне возможно, что название Кашгар — Красочная пещера — пошло отсюда.

По другому варианту Кашгар переводится как «иша-чонок». Во многих старинных сказках главную роль в происхождении народностей и племен приписывают божеству в образе животных — волка, собаки, лошади и т. д. В одной из таких легенд в роли прародителя уйгуров выступает ишачонок. Этот вариант более древний. Какому из них отдать предпочтение — сказать трудно.

Кашгар упоминается в исторических материалах три тысячи лет тому назад. В те времена славился не сам Кашгар, а соседний с ним город Атуш или Артуш. Тысячу двести лет тому назад Атуш был разрушен землетрясением и тамошний правитель перенес столицу в Кашгар. С того времени властелины сменяли друг друга, но Кашгар оставался столицей притакламаканских земель, именуемых Кашгарией. После установления народной власти Кашгар стал административным центром Кашгарского района.

В середине века город разделялся высокой крепостной стеной на две части — восточную и северную. Они общались между собой через крепостные ворота: Каркы дарбаза, Тогузак дарбаза и Сау дарбаза. Впоследствии, когда население стало расти, город расстроился и за крепостными стенами разделился на две части — внутреннюю и внешнюю. Во время частых войн стены подвергались разрушению, во многих местах внешний город сомкнулся с внутренним. В XVII веке, когда Кашгарию захватили маньчжуры, в городе на юго-западной окраине была возведена новая крепость. Построенная триста с лишним лет тому назад крепость сохранилась до наших дней. Сейчас в ней размещается городской гарнизон.

В Кашгарском районе 14 596 домов, 56 130 человек населения, из них 27 789 мужчин. По национальному составу 90,4 процента уйгуров, 5,4 процента китайцев, 2,4 процента узбеков, 0,21 процента дунган, остальные

ргизы, монголы, русские, татары, таджики, кенжуты и угие.

Город делится на семь кварталов, или уличных равлений. Села подчиняются четырем управлениям. До вобождения в Кашгаре почти не было крупной промышленности, процветало мелкое кустарничество. Сейчас нем работает завод сельскохозяйственных орудий, мушмольный, стекольный и кирпичный заводы. Город расположен между двумя реками — Туманом и Кызылом. На месте их слияния быстрыми темпами строится мощная электростанция.

До сих пор в промышленности Кашгарии немалое место занимают кустари. В старое время они работали по айму у предприимчивых хозяйчиков, теперь же работают артельно для себя. В самом Кашгаре кооперированы 755 кустарей, почти 90 процентов всех кустарей города.

В Кашгаре немало людей, занимающихся частной торговлей. Из них 1 450 человек кооперировано, что составляет 80 процентов всех торговцев города.

В Кашгарии по понятным причинам не было крупных капиталистов-промышленников, но всегда были крупные орговцы и купцы. Живший в середине XIX века и торговавший с Россией скотопромышленник бай Альназар имел 80 тысяч овец. В Кашгарии и сейчас немало уйгур-

ских купцов, имеющих по 30—40 тысяч овец. По существу в стране порядку они имеют право распоряжаться только одной четвертой частью своего скота, а остальное распределяется на уплату налога государству, на улучшение быта пастухов, а также для выращивания нового приплода.

Крупным торговцем промышленными товарами считается в Кашгарии уйгур Халик Ахун. Мы побывали у него в гостях.

— Сейчас мне пятьдесят шесть лет, — рассказывал Халик Ахун. — Мой отец с одиннадцати лет приучил меня торговать. Со своими товарами я доходил до Пекина и Шанхая, Карачи и Дели, бывал в Самарканде и Ургенче. Сейчас имею капитал в сто сорок тысяч юаней. Раньше моя месячная прибыль составляла десять тысяч юаней, а теперь такую же сумму я добываю за неделю. Вы спросите почему? Потому, что после освобождения улучшилось благосостояние народа, возросла его покупательная способность.

Халик Ахун, его младший брат Мухамед-имин и живущий отдельно сын, тоже купец Аблажан, все состоят в кооперативе. Аблажан работает агитатором в Ассоциации по перевоспитанию капиталистов.

В четырех пригородных селах организовано пятнадцать кооперативов высшего типа, в которых объединено 2 765 крестьянских хозяйств. Земельная площадь у них сравнительно небольшая, на одного члена приходится один му, три пуня, два ли земли, чуть побольше одной шестнадцатой гектара.

В Кашгаре десять начальных пятиклассных школ, в которых обучается 4 666 детей. Основной предмет — вероучение. В специальном здании располагается одна государственная начальная школа, в которой 386 детей. Есть в городе и педагогический техникум — даруль мугаллимия. В нем 1 580 студентов. На постоянных курсах ликвидации неграмотности обучается 30 тысяч жителей в возрасте от 20 до 50 лет. До освобождения грамотных в Кашгарии было не больше 8 процентов, а сейчас их стало 30 процентов. В городе построен Дворец культуры, есть четыре библиотеки, кинотеатр, клуб, где проводятся концертные вечера. В единственной больнице несколько лет назад было всего лишь тридцать коек, сейчас стало 150. Врачи амбулатории ежедневно обслуживают до 250

больных. До установления народной власти здесь не слышали об оспопрививании, ежегодно слепли и умирали от оспы сотни детей. Только в одном Кашгарском районе за последние годы была привита оспа 147 039 детям. 8 406 человекам были введены вакцины от разных инфекционных болезней. Открыты медицинские курсы, которые ежегодно выпускают 150 акушеров.

Мы попали в Кашгар в знаменательную пору — перед самым началом реконструкции города. Глинобитные, уже обветшалые азиатские дома, простоявшие тысячелетия, скоро будут снесены и на их месте появятся прямые широкие проспекты с высокими, современной архитектуры домами. Я обрадовался тому, что успел увидеть Кашгар таким, каким он был сто лет назад, во время пребывания здесь Чокана Валиханова. Местные старики уверили меня, что за исключением десятка новых зданий в городе ничего нового за последние сто лет не появилось. Как писатель, я был удовлетворен этим обстоятельством. Мне легче будет воспроизвести обстановку того времени, колоритнее написать о быте.

Хотя Кашгар делится на старый и новый город, но разделение это в высшей степени условно. В смысле планировки и архитектуры старый город ничем не отличается от нового. Всюду узкие и кривые улочки, землянки из желтой глины, плоские крыши, с окнами во двор.

Единственным, пожалуй, отличием от многих азиатских городов служит большой, около ста метров высоты, холм посередине Кашгара. В древние времена он тянулся до самой реки Тумен, где обрывался крутым яром. Люди, селившиеся вокруг него, из века в век выбирали глину для своих нужд и оттого вытянутый когда-то холм стал постепенно поджиматься и принял, наконец, круглую, как шатер, форму.

Бедняки, которые не могли построить землянку, рыли на его склонах пещеры. И поныне в пещерах на холме живет столько народу, что холм напоминает гигантский муравейник. Здесь не только живут, но и работают — тут же располагаются кустарные мастерские.

Фабричные и заводские товары завозились в Кашгар купцами из соседних стран. Но покупателей здесь было немного, народ жил бедно, все старались обойтись предметами домашнего производства. Хитроумные местные предприниматели, те, что побогаче, пользуясь нехваткой

инструментов и сырья, заманивали кустарей к себе, безжалостно обирали и эксплуатировали их.

Мы побывали у кустарей, живущих и работающих в пещерах. Едва мы стали приближаться к холму, как услышали звонкий перестук молотков по металлу. Здесь делали ведра, корыта, кумганы, чайники, разную посуду и утварь. По соседству располагались сапожники, портные, шорники, а дальше ткали ковры и хлопчатобумажную ткань.

Большинство мелких кустарей, раньше работавших кое-как, в последние три года объединились в цеховые кооперативы. Государство помогает им обзавестись инструментами, обеспечивает сырьем. Кооперативы организовано, через своих представителей, торгуют продукцией в своих же лавочках на базаре.

Мы вошли в мастерскую кустарей-саргазов. Большая пещера. Солнечный свет падает сверху, сквозь дыру в потолке. Дыра напоминает шанырак казахской кибитки. В безветренные и ясные дни дыра остается открытой, а в непогоду, в дождь ее затягивают высушенным и прозрачным бараньим желудком. В некоторых мастерских отверстия застеклены.

Саргазы делятся на ткачей и красителей. Хлопчатобумажную еще не окрашенную ткань уйгуры называют хамой. Я помню, в детстве, бедняки из нашего аула, соблазняясь дешевизной, привозили с базара грубую, реденькую как сито и узкую белую хлопчатку для нижнего белья. Называли ее ак боз. Эта же ткань шла на саван умершему. В одной из казахских народных песен говорится:

«Бедный, не вешай голову, богатый, не задирай нос,
После смерти одинаково завернут в три кары боз»...

Кары — мера ткани. Она обычно отмеривалась от левого плеча до кончика пальцев вытянутой правой руки.

И сейчас в Кашгарии производят много грубой хлопчатобумажной ткани и меряют ее по-прежнему не аршином, не метром, а с помощью той же кары. Длина одного стандартного куска хамы превышает три кары. Некрашенный кусок стоит полтора юаня, а окрашенный — два с половиной. Одни саргазы ткут, другие покрывают неокрашенную ткань и красят ее в яркие цвета. Краски никогда не лупятся, их добывают из корней особых растений. Расте-

Кашгарские кустары за работой.

тельными красками окрашиваются и ковры. Они не линяют на солнце, не блекнут от воды и с течением времени становятся как будто еще ярче.

Рабочее место саргаза крайне примитивно. Он сидит на земле, на краю специального углубления, опутив в него ноги. Внизу на толстой вроде скамьи перекладине растянута кусок хамы — белой неокрашенной ткани. Справа от мастера — деревянная чашка с краской. На правую ладонь его надета тонкая квадратная дощечка с вырезанным снизу трафаретом. Это — штамп. Обмакнув в краску трафарет, мастер начинает быстрыми движениями накладывать его на растянутую ткань. Кажется, не уследить глазами за искусной проворностью его руки. Несмотря на виртуозную быстроту, трафарет ложится точно и аккуратно, как будто с помощью машины.

Раньше саргазы работали не поднимая головы по 15—16 часов в сутки. Тот, кто не успевал выполнить дневную норму, не уходил домой. Ему разрешалось сделать небольшой перерыв, подремать тут же возле рабочего места и продолжать работу. Но и такой адский труд плохо кормил саргаза, семья его всегда жила впроголодь.

После кооперирования их положение намного улучшилось. Кооператив, в котором я был, объединял 48 саргазов. За рабочее время, равное десяти часам, полагается по норме окрасить семь кусков хамы. Окраска одной хамы стоит 32 фыня. Следовательно, дневной заработок саргаза составляет 224 фыня, или 72 юаня в месяц. На китайской земле с такой суммой жить можно довольно сносно. Основной фонд кооператива, равный тринадцати тысячам юаней, складывается из членских взносов. В месяц нашего посещения коллектив окрасил и выпустил на рынок 6 750 кусков хамы.

Раньше никто не обращал внимания на плохие бытовые условия кустарей, об охране их прав и здоровья никто не заботился. Здесь никогда не было профсоюзной организации. Изувеченных людей — инвалидов, заболевших или состарившихся — просто выгоняли с работы на произвол судьбы. Многие нищенствовали, умирали с голоду. Работая в сырых, полутемных помещениях, кустари болели всю жизнь. Сейчас организованы профессиональные союзы. Они охраняют права рабочих, заботятся о здоровье, об улучшении быта. Они проводят массовую культурно-просветительную и физкультурную работу. Больные рабочие получают медицинскую помощь.

— Но всего этого еще недостаточно, — говорит председатель месткома товарищ Имин. — Необходимо как можно скорее переселить рабочих из земляных пещер в дома.

Народное правительство Китая уделяет огромное внимание организации культурного отдыха трудящихся. Не оставлен без внимания и Кашгар. Одной из примечательных здешних новостроек является городской парк культуры и отдыха, посаженный в 1953 году. Он располагается в южной части города, по берегам девятикилометрового канала, прорытого от реки Кызыл. Очень красивый, с обилием декоративных и фруктовых деревьев, с яркими клумбами, парк занимает площадь 450 му (немногом более 28 гектаров). В одном из уголков его находится мавзолей известного уйгурского поэта Юсуфа Шин Хасхаджиба, создавшего в 1069 году знаменитую поэму «Кудатку-Билик».

Мы приехали в Кашгар в начале июля, в самое жаркое время. Дни стояли знойные, а ночи душные. От жары люди спасались в парке. От обилия воды, от множес-

тва тенистых деревьев и благоухающих цветов вечером в парке становилось относительно прохладно, дышалось легче. Парк стал излюбленным местом отдыха всего населения Кашгара. Хотя городская электростанция не очень мощна, городские власти не поскупились хорошо осветить и дорогу к парку и сам парк.

С заходом солнца почти все жители города — старые и малые, женщины, мужчины и дети, — нарядившись в лучшие одежды, устремляются в свой любимый парк. Сюда идут пешком, едут на лошадях. Одиночками и гурьбой. Идут с шутками, с песнями, с музыкой!.. И так каждый вечер.

Несколько вечеров и мы блаженствовали в парке Кашгара и, смешиваясь с толпами местных жителей, с удовольствием гуляли по прямым и широким аллеям.

Как прекрасны летние кашгарские вечера!..

О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЫЧАЯХ УЙГУРОВ

В Кашгарии мы сразу попали в атмосферу мрачных, крепко укоренившихся в этом крае религиозных предрасудков. На протяжении многих веков темная завеса ислама плотно окутывала уединенный край. До X века в Кашгарии, в частности в южной ее части, господствующей религией, очевидно, был буддизм. Строили первые города иранские племена. Так, например, в городе Хотане, известном в истории до нашей эры, в те времена жили иранцы. Они были буддистами. В ту пору уйгуры населяли долины и северые склоны Тянь-Шаня, долины Тарбагатайских и Алтайских гор, имели свое самостоятельное ханство и вели кочевой образ жизни. В IX веке нашей эры (в 840 году) между киргизами, кочующими в Саянских горах, и уйгурами произошла ожесточенная война. Уйгуры, потерпев поражение, были вынуждены перебраться через Тянь-Шань и укрыться в песках Такламакана. Киргизы, не переходя Тянь-Шаня, закрепились на его северных склонах и между городами Урумчи и Кульджи построили свою столицу — город Манас. По версии сказочников, город воздвиг Манас, богатырь и хан, главный герой киргизской эпической поэмы.

До войны с киргизами уйгуры исповедовали шаманизм, верили в добрых и злых духов.

Чокан Валиханов утверждал, что «в одно время казахи были шаманистами. Пережитки и следы шаманства сохранились по сей день».

Уйгуры, принявшие ислам более тысячи лет назад и считавшие себя истинными правоверными, до сих пор сохранили немало пережитков шаманизма. К примеру, некоторые уйгуры и сейчас поклоняются духам. В Кашгарии в настоящее время имеется более четырехсот гробниц разных «святых», куда с испокон веков ходят кашгарцы на поклонение. Некоторые склепы, часовни и мавзолеи воздвигнуты не на месте самого захоронения того или иного «святого», а на тропинках или дорогах, по которым они будто бы когда-то проходили.

Обычай устраивать поминки и угощения в память усопшего также сохранился со времен шаманизма. В 880 году нашей эры сын Синьцзянского хана Буки погиб в войне с кенжутами, населявшими Тибетские горы. Говорят, в годовщину его смерти для угощения на поминках была зарезана тысяча верблюдов. На поминках знаменитого Аппак-хожи (подробно о нем расскажу ниже) было зарезано десять верблюдов, о чем свидетельствуют записи его современников. В Кашгаре широко распространен обычай ночевать у могилы «святого» и просить у него помощи. В местности Санжу, на северных склонах Памира, имеется знаменитая гробница Уш-булак. Сюда большими толпами идут на поклонение бесплодные женщины. Они ночуют у могилы, едят сухую глину и молят о ниспослании детей. Женщина, которая по каким-либо причинам не может лично поклониться «святому», достает «целебную» глину через родственников и знакомых путников.

До сего времени уйгуры поклоняются огню и воде. Вокруг разведенного большого костра местные юродивые и знахари-баксы исполняют танец Гульхан. Невеста, впервые переступающая порог дома своего свекра, должна прыгать через священный огонь.

Особое религиозное значение придавали шаманисты числу 40. Многие обычаи связаны с этим числом. У изголовья новорожденного на сорок дней зажигают светильник. По прошествии сорока дней новорожденного купают в сорока ложках воды. Если беременная женщина плохо себя чувствует, у нее начинается темнеть в глазах, берут веревку в сорок обхватов, кружат ею вокруг голо-

вы больной и затем бросают веревку на сорок шагов. Знахарь «лечит» больного обязательно сорок дней. У могилы умершего мулла читает Коран в течение сорока дней. И так далее.

Многие ритуалы хранят уйгуры с древнейших времен.

На четырнадцатый день лунного месяца Барат, который предшествует мусульманскому посту Уразе, берется посуда из тыквы, служившая ранее для хранения масла, и поджигается. Через огонь разгоревшейся тыквы прыгают девушки и парни. Этот ритуал позднее перешел в народную игру — машраб.

До сих пор знахари занимаются «переводом болезни». Для начала приносят в жертву какое-нибудь животное. Затем из старых тряпок делается кукла. Вместе с обглоданными костями животного куклу оставляют где-нибудь на безлюдном, глухом пастбище. Знахарь ловит черную, без единого пятнышка кошку и, срезав шерсть с ее темени, сжигает на раскаленном куске железа. Болезнь «переходит» в куклу.

Если девушка зачала вне брака, знахари с целью выкидыша дают пить жженный сахар — нават. Согревшие женщины для очищения и замаливания грехов едут к гробнице в местечко Кумалаш, где они обязаны сжечь свои косы. Если бьющий там же родник засорится и закупорится, его очищает только ишан — хранитель родника. Имеются специальные молитвы для возбуждения половой страсти.

Недалеко от города Кучар течет родник Бугур. Женщины, желающие быть счастливыми, тайно от людей моют голову водой этого родника.

При всех гробницах, склепах и мавзолеях имеются котлы разных размеров. В самый большой котел — даш — вмещается мясо нескольких верблюдов. Накипь и оставшийся в котле пригарок никогда не счищается. Обслуживающие гробницу и котлы имамы соскабливают накипь и раздают ее страждущим, как лекарство.

Если случается засуха, то в жертву режут скотину и сваренное мясо раздают людям. Если река выходит из берегов и угрожает селениям, то для того, чтобы умиротворить водяного, бросают в воду живого человека по имени Тохта, в переводе — стой, остановись! Об этом поется в уйгурской песне:

Если разольется большая река.
Бросают в нее Тохту-бедняка.
И люди жалуются на судьбу
Только богу во все века...

Песни говорят о тяжелой доле бесправного народа. До освобождения страны бай и беки в случае стихийного бедствия обязательно приносили в жертву очередного несчастного Тохту. Злодеяние в последний раз было совершено в 1948 году. В ту весну река Шая, текущая с горы Музарт, вышла из берегов, разрушила все плотины и ринулась на город Кучар. Местный феодал Осман Дойбеги, приспешник чанкайшистов, желая умиротворить взбешенную реку, бросил в нее своего батрака по имени Тохта. Но батрак, переборов волны, сумел выбраться на берег. Феодал поймал его, жестоко избил и, поломав ему позвоночник, снова бросил в реку...

Если в народе пожелают кому-то смерти, ночью тайком забираются к нему в огород и обрезают цветы тыквы... Если приходится участвовать на каких-либо похоронах, то, чтобы отвести смерть от себя, на платке, полученном на поминках, завязывают уголки, через семь дней, ночью, в одиночестве, развязывают узелки и показывают звездам... Для того, чтобы новорожденный имел зоркие и ясные глаза, на седьмую ночь выносят его во двор и показывают звездам. Чтобы избавиться от мозолей, ночью, на четырнадцатый день новолуния, выходят во двор и обнимают растущий молодой тополь. Если во время родов в дом случайно зашла соседка, то для того, чтобы она не сглазила новорожденного, крадут у соседки курицу, режут ее и кровью курицы омывают ребенка. С той же целью крадут тыкву с водой, воду разливают на четырех улицах, а тыкву зарывают в землю.

Заняты обычаи во время празднования науруза. Поэты берут палки, окрашенные в семь разных цветов, расщепляют их, вставляют свои стихи, посвященные наурузу, и раздают друзьям. Праздник проводится на одном из ближайших самых высоких холмов. В котел первым делом кладется мясо и мука, оставленные для этой цели еще с прошлого года науруза. Самый старший из присутствующих раздает это варево всем участникам.

Встреча в Аксу.

* * *

Поселившись вокруг Такламакана в середине IX века нашей эры, уйгуры смешались с местными иранскими племенами и вскоре сами превратились в оседлых земледельцев.

В район Такламакана буддизм проник через Индию и Тибет в первых веках нашей эры. С IV — V веков эта религия распространилась и среди уйгуров, населявших долины Тянь-Шаня. Уйгуры стали постепенно отходить от шаманства и принимать буддизм. С этого времени в горах стали воздвигаться буддийские храмы. Позже, когда победил ислам, большинство храмов было разрушено, а некоторые превращены в мечети и медресе.

На обратном пути из Кашгара в Урумчи мы сделали станковку в городе Аксу. Отсюда до Кучара мы решили ехать на автомашине, преследуя две цели: ознакомиться с опутными городами, расположенными на севере Такламакана, и посмотреть Мын уй — тысячу домов, крупнейший памятник времен буддизма.

Внешне город Аксу мало чем отличался от Кашгара. Он тоже делится на новый и старый. Старый город раскинулся во впадине, у подошвы горы, новый — на хол-

ме. Восточный, высокий и скалистый берег реки Аксу, огибающий впадину, напоминает стену огромной крепости. Река в этом месте очень глубока. Во время половодья она затопляет всю долину на западной стороне и приносит немало бедствий городскому хозяйству. Древние основатели Аксу, конечно, знали об этом неудобстве и все же построили город именно здесь, в низине, очевидно, по соображениям военно-стратегическим. Сейчас городские власти планируют перенос старого города на более высокое, безопасное от затопления место. На это, конечно, потребуется немало лет.

Подавляющую часть населения Аксу составляют уйгуры. В быту, в своих обрядах и обычаях они ничем не отличаются от жителей других районов Кашгарии, но говорят чуть по-иному. В некоторых словах звук «р» они заменяют звуком «з». Например, уйгурское слово «киремиз» (входим) и «журемиз» (идем, едем) они выговаривают как «киземиз», «жуземиз».

Из Аксу мы выехали на рассвете, направившись вдоль южного склона Тянь-Шаня. По пути мы делали короткие остановки в деревнях и городах и, проехав за день 150 километров, к вечеру прибыли в город Бай.

Обычно южные склоны гор бывают неровны, изрыты и шершавы, как шлак, выброшенный из кузнечного горна. И здесь на южной стороне Тянь-Шаня встречается много корявых камней и голых, красных, как ободранная скотская туша, валунов. Обдуваемые ветрами, смываемые дождями на протяжении миллионов лет, некоторые из вершин стали похожи на давно разрушенные древние города. Издали, как будто видишь остатки крепостей, домов, храмов и мечетей... Раскинувшиеся внизу долины обильно орошаются множеством речек и ручейков, берущих начало на снежных вершинах.

Город Бай расположен в непосредственной близости с горой Музарт. Вершина ее покрыта вечным льдом. Отсюда низвергаются в долину две многоводные и быстрые горные реки — Музарт и Капсалан. Обширная долина Кара жон Капсалан превращена в плодородный зеленый край. Здесь никогда не бывает недородов, урожай постоянно высокий. Поэтому и сам город и весь край назван Бай, что значит богатый.

Богатством края является не только живительная вода. Недавно здесь обнаружены богатые залежи меди,

каменного угля и нефти. О природных ископаемых местное население знало давно, но на серьезные разработки их не было ни сил, ни средств. Теперь Народное правительство планирует широко развернуть работу по освоению недр. Вскоре Байский край должен превратиться в один из крупнейших промышленных районов Синьцзяна.

Следующую остановку мы сделали в сорока километрах от Бая, в городе Сайраме. Известный уйгурский ученый XIX века, автор капитального труда по истории «Тарихи Имина» — Муса Сайрами родился, жил и умер в этом крае. В огромном саду, расположенном в восточной окраине Сайрама, находится гробница уйгурского ученого и писателя. Мы посетили ее и осмотрели куполообразный мавзолей.

От Сайрама до места расположения Мын уя около десяти километров. Реки Капсалан и Музарт по выходе из долины «Кара жон Капсалан» соединяются в одно русло и дальше уже течет река Музарт. Недалеко от Сайрама в нее вливается река Кызыл. На ее берегу, на холме, расположен Мын уй — небольшая деревушка. На юге от нее, в двух-трех километрах от реки Кызыл, Сайрама прячется в глубоком скалистом ущелье.

На высоком берегу от реки Кызыл дорога кончилась. Дальше — крутой из сыпучих песков яр, по которому еле заметно уходила узкая, извилистая тропа. По ней не то что машине, лошади, волю или даже ослу пройти трудно... За яром — лог шириной километра два, за логом — довольно высокая голая гора. В середине лога широкий овраг, заросший густым тугаем. По оврагу в тугаях невидимкой течет Кызыл.

Наш проводник, житель местной деревушки, решил достать лошадь или осла. Но оказалось, что идти за лошадью километра два или три. Ждать столько времени в нестерпимой жаре, под палящим солнцем было невыносимо. Мы решили спускаться и, спотыкаясь, то и дело падая, стали сходить вниз. Дорога оказалась действительно очень трудной. В зыбучем песке не на что было опереться, песок скользил под ногами, мы падали, с трудом поднимались. А в иных местах приходилось просто садиться и «ехать». В ботинки набивался горячий песок и при каждом шаге заставлял содрогаться от боли. Снять ботинки и идти босым по раскаленному, как железо, песку было невоз-

можно. Поднятая нами пыль лезла в глаза и затрудняла дыхание, лил пот, одежда прилипала к телу и еще больше мешала двигаться. Худощавый и шустрый Абдул Халик шел немного впереди нас. Но Абулхай, оттого ли что был тяжеловат или считал неудобным оставлять меня без помощи, шел рядом со мной. Проводник уйгур, тоже тощий, поджарый мужчина средних лет, шел вместе с нами. Он помогал мне и Абулхаю встать, когда мы спотыкались и падали, в трудных местах поддерживал под руки. Кое-как, наконец, мы добрались до подошвы горы...

Опустившись на горячий песок и немного отдышавшись, мы решили пойти в бекет, утолить жажду и отдохнуть.

С древних времен на караванных путях для ночлега и отдыха путников ставили на известных расстояниях заезжие дворы — большие назывались «караван-сараями», маленькие — «бекетами».

Бекет, куда мы направились, оказался запрятанным в гуще тугая. Это была небольшая и очень прохладная землянка из самана. В глубоком погребке, вырытом в песке, оказался огромный, величиною в обхват, холодный как лед и сладкий как мед полосатый арбуз. Мы жадно набросились на него и с большим наслаждением утолили жажду.

Но пойти в Мын уй сейчас же мы не решились. Солнце продолжало припекать. Тонкие его лучи, проникающие сквозь щели закрытых ставней в нашу прохладную комнату, жгли, как раскаленные угольки. В такую пору даже местные жители, привыкшие к жаре, стараются не выходить из дома. Нам посоветовали до наступления вечерней прохлады отдохнуть в землянке, и мы с удовольствием согласились. Я растянулся на кровати и не заметил, как задремал. Когда смотритель бекета разбудил нас, на дворе стало прохладнее, дул мягкий ветерок. Мы выкупались в реке и, насладившись еще одним холодным арбузом, собрались в Мын уй.

Перед отправлением Абдул Халик вкратце рассказал нам об этом памятнике.

— Видите вон там высокую отвесную скалу? — спросил он, показывая рукой на возвышение, похожее на стену какой-то древней крепости. — Мын уй расположен в ней.

— Что значит в ней?

— Начиная от подошвы скалы до самой ее вершины в ней вырублены пещеры. Вы их видите?

— Да. Но они отсюда кажутся не больше птичьих гнезд.

— Это не гнезда, а комнаты...

— Удивительно!

— Когда подойдем, сами увидите. В этой скале вырублено около тысячи комнат, по подсчетам местного населения. На самом деле их много больше. Пока точное число неизвестно. Высота скалы до двухсот метров, длина — около трех километров. И вся эта площадь изрыта пещерами, а лабиринты связаны между собою коридорами и галереями. Кто не знаком с их расположением, может заблудиться и не выйти обратно. Говорят, немало любопытных, заблудившись, так и погибли в лабиринте. По существу Мын уй — тысяча домов — является одним многоэтажным домом с бесчисленным множеством комнат. Дом поднимается на девять этажей и снаружи имеет только три входа. Все это бесчисленное множество зияющих отверстий — дыры, заменяющие окна...

На своем веку мне приходилось видеть немало высотных многоэтажных зданий с тысячами комнат, но такого примечательного дома, какой описал Абдул Халик, я еще не видел. Я выразил желание осмотреть его вблизи.

— Не думайте, что до него близко, — заметил Абдул Халик. — От нас не менее трех-четырех километров. Пройти пешком по глубокому песку невозможно. Можно ехать на лошадях, но лучше на ишаках.

С детства привычный к верховой езде, я пожелал ехать на коне, но очень скоро убедился, что мой выбор оказался ошибочным. По зыбучему песку лошадь шла тяжело, с натугой, а иногда останавливалась, тогда как ишак утопал в песке по колено, не знал усталости, мелко перебирая ногами и без передышки шагая вперед и вперед. Какое выносливое животное!..

К скале я добрался последним. Спутники поджидали меня у входа в одну из пещер.

— Это один из трех входов в Мын уй, — сообщил Абдул Халик. — Сейчас мы войдем внутрь, но, — он улыбнулся, — уже не на ишаках, а своими ногами.

Прежде чем войти в пещеру, я немного отошел назад и довольно внимательно осмотрел скалу. Она целиком

Рисунок на стене Мын-уя.

состояла из ракушечника, пористого известняка. Мало подвергаясь влиянию воды, ветра и других разрушительных сил природы, ракушечник легко распиливается пилой и обрабатывается топором. Население речных и морских побережий пользуется им, как очень удобным и практичным строительным материалом. Здания, построенные из ракушечника, всегда сухи и не поддаются сырости. И в нашей стране люди знают о чудесных качествах ракушечника. Жители берегов Каспийского и Черного морей строят свои дома из этого ценного материала. Я видел такие дома во многих городах и селах.

А здесь гигантская скала, которую создала сама природа, где разместились тысячи комнат.

Шагнув внутрь, мы очутились в большой многокомнатной квартире с куполообразным, как у казахской юрты, потолком. Я ощупал стены, они были сухими. Из этой комнаты можно было попасть в несколько соседних комнат, а те, в свою очередь, имели выходы в следующие сложные анфилады комнат. Но комнаты не были рас-

положены хаотически, как попало. Легко было понять, что все они построены по плану опытного архитектора. Стены искусно разрисованы, всюду изображены различные животные, растения и целые пейзажи. Некоторые из них под влиянием времени немного повреждены — выщерблены, потрескались, местами чуть поблекли краски. По внутренним лестницам Абдул Халик повел нас по этажам. Нас удивило одно обстоятельство: хотя по архитектурному замыслу комнаты и походили друг на друга, рисунки на стенах не повторялись. Каждая картина была новой и особенной...

Среди всех существовавших религий только ислам был против изобразительного искусства и категорически запрещал своим последователям изображать человеческие фигуры. Господствовавший на протяжении тысячелетий ислам не сумел, однако, уничтожить произведения народных умельцев. До нас дошло немало шелевров, имеющих мировое значение. Одну из наиболее сохранившихся и наиболее примечательных комнат этого дома в XIX веке целиком вырубил англичанин и увез к себе в Лондон в Британский музей. Но и в сохранившихся комнатах имеется немало шедевров, о каждом из которых следует написать исследование. В старое время никто не заботился о сохранении бесценного памятника материальной и художественной культуры и, возможно, со годами он подвергся бы окончательному разрушению. Сейчас Народное правительство Китая уже приняло меры по охране и реставрации этого примечательного места.

Некоторые ученые утверждают, что строителями и жителями Мын-я были уйгуры. Но это вряд ли правильное суждение. Вероятнее всего эти пещеры появились раньше буддизма, в доисторические времена язычества. Их первоначально выдолбили первобытные люди грубым орудием. Проходили века, менялись экономика и культура здешних жителей. Люди расширяли покои, придавали им вид удобного жилья, расписывали стены. Большинство стенных росписей посвящены буддийскому культу. Но здесь можно обнаружить немало картин иудейской религии, христианства и даже ислама. Я заметил на стенах некоторых комнат мусульманские молитвы, стихи из Корана, изречения Мухаммеда, начертанные по-арабски. Короче говоря, исследователю здесь нетруд-

но обнаружить следы многих эпох и разных вероисповеданий. Бесценный исторический памятник безусловно требует длительного и кропотливого изучения.

— В конце прошлого года,— заметил Абдул Халик,— Мын уй посетила английская археологическая и этнографическая экспедиция. Она работала здесь целое лето и все-таки не смогла сделать исчерпывающего описания этого памятника.

К сожалению, мы бегло осмотрели самую незначительную часть Мын уя. У себя на родине я повидал немало древних архитектурных памятников, но этот был намного интереснее, величественнее, загадочнее.

Я с большим сожалением покидал Мын уй, унося в душе неизгладимое впечатление.

Как только мы вышли наружу, опустились сумерки, и вокруг стало быстро темнеть. Я еще раз окинул скалу прощальным взглядом. В сумерках она показалась еще выше и величественней. В молчаливых звонких пещерах дремала вечность...

Ислам, оставивший незначительный след на стенах Мын уя, до сих пор распространен в Синьцзяне и особенно в Кашгарии. Под его влиянием находится преобладающее большинство населения. Интересна история проникновения этой религии в столь отдаленный край.

Ислам появился в Аравии. Время его возникновения относят к 622 году нашей эры, когда основатель ислама — Мухаммед бежал из Мекки в Медину. Новая религия, постепенно распространяясь на восток, в X веке проникает в Такламакан. Мусульмане, создавшие к тому времени на Аравийском полуострове мощный халифат и завоевавшие многие соседние государства, посылают в Такламакан, к уйгурам, своих проповедников — ходжей. На первых порах ходжи занялись распространением переведенных на уйгурский язык арабских религиозных книг. Появилось много арабских купцов и путешественников. Один из купцов-миссионеров Насыр Самани, принятый при дворе Сутук Бугра-хана, в короткий срок сумел обратить в мусульманскую веру 70 приближенных хана. Через год число обращенных доходит до 700. В 641 году Бугра-хан отказался от ислама, тогда вновь испеченные мусульмане подняли восстание и убили хана. С этого времени новая религия начинает стремительно рас-

пространяться в Кашгарии и в XV веке становится господствующей.

Что значит господствующей? Дело в том, что до поры до времени законы шариата существовали как бы параллельно с мирскими законами ханов. Но постепенно шариат вытесняет ханские законы, а сами ханы во всех административных делах начинают проводить правила шариата. Фактическим главой государства становится «Шейхулислам», нечто вроде патриарха, а в областях — Казый каляны — старшие шариатские судьи. Быстро растет количество мечетей. Для управления духовными, а заодно и мирскими делами мусульманское духовенство делилось на пять рангов. В каждую группу управления входили: Казый-мутлак — потомственный почетный судья, обычно из сеидов — потомков пророка; Казый-аглям — всеведущий судья; Казый-муфти — судья толкователь шариата, определяющий меру наказания; Казый-мударрис — судья профессор, преподаватель высшей духовной академии; Казый-муса жалил — судья, занимающийся теоретическими и философскими вопросами ислама.

Ведение следствия, судебное разбирательство, определение меры наказания виновным за любое преступление определялось исключительно канонами шариата. Сверх государственных налогов население платило налоги в пользу религии. Крестьяне сдавали мечетям «ушур» — одну десятую часть урожая, а торговцы и купцы платили «зекет» — подоходный налог — одну сороковую часть своей чистой прибыли.

Во главе мечетей стоят имамы — наставники, которые являются крупными помещиками. Они сдают свои земли в аренду мечетям. Такие земли называются «теулийскими». Мечети имеют полное право присоединять к своим владениям земли мирян под видом вакуфа — добровольного отказа от права владения по завещанию. Применяя такую политику, имамы и муллы прибрали к рукам 90 процентов лучших плодородных земель Кашгарии и превратили их в собственность мечетей. Поэтому абсолютное большинство крестьян Кашгарии вынуждено было или арендовать землю у мечетей, или батрачить на вакуфных землях.

Тяжел был труд земледельца в старое время. Крестьяне не имели плугов и пахали сохой — деревянным перво-

бытным омачом. На бороны тоже с деревянными зубьями, для утяжеления накладывали камни. Обычно в омач запрягали по несколько ослов. Иногда на помощь впрягался сам крестьянин или наемные батраки. Пахотные земли в Такламаканском округе требуют обильного орошения. Крестьяне кетменями рыли каналы на десятки и сотни километров, отводили от них целую систему арыков. Каналы ежегодно очищались. Без применения севооборотов, без отдыха почва быстро истощалась и урожай из года в год уменьшался. В почву подсыпали свежую приносную землю, удобряли навозом. Все удобрения приносили в корзинах на себе из далеких мест...

Сельскохозяйственного заработка батраку не хватало даже на прожиточный минимум. Но в то время приходилось мириться, терпеть голод и холод и до самой смерти тянуть лямку. Всех, кто осмеливался поднять голос протеста, считали восставшими против религии, против бога и мечети, их приговаривали к мученической смертной казни. Виноватого заживо зарывали в землю по шею и беспомощную голову несчастного грызли голодные псы и шакалы...

В самую мрачную для уйгурского народа пору, в начале XVII века, в Кашгарии появился «святой». Его настоящее имя было Хидоятулла. Молодой энергичный человек, он прибыл с кокандской стороны и, явившись к кашгарскому хану Исмаилу, представился ему, как прямой потомок пророка. Узурпатор Исмаил-хан, опиравшийся на власть религии, принял его с распростертыми объятиями и назначил главным имамом ханской мечети. Хидоятулла был белолиц и носил только белую одежду, за что все подданные хана стали называть его Аппак-хожой — светлым святым.

Аппак-хожа устроился в городе Яркенде в ханской ставке, объявил себя ишаном (наставником веры) и начал набирать мюридов — приверженцев и последователей. Но чтобы его мюриды отличались от последователей других ишанов, он приказал носить белые тюбетейки. Народ стал называть их «ак такым», «ак такия», «актуацы» («белошапочники», «белогорцы»). Хан освободил их от всех налогов и податей. Позже, когда число белошапочников сильно возросло, хан спохватился и отменил льготы. Недовольные белошапочники во главе с самим Аппак-хожой подняли восстание против хана, но

потерпели поражение. Оставшиеся в живых белошапочники бежали в Тибет, Джунгарию и Китай. Сам Аппак-хожа перебрался в город и женился на дочери маньчжурского правителя. Через несколько лет, заручившись поддержкой владетельных тибетских ханов, Аппак-хожа в 1668 году напал на Исмаил-хана, убил его и стал править ханством.

Он властвовал пятнадцать лет. Своих подданных Аппак-хожа держал в повиновении с помощью двух оков — шариата и тариата. Шариат, как известно, законы и предписания ислама, а тариат — разработанные на основе ислама правила поведения мусульманина, его путевода в повседневной жизни.

Нельзя сказать, что введение Аппак-хожей тариата явилось новшеством. Тариат впервые распространил известный ишан, создатель довольно своеобразного религиозно-философского учения ходжа Ахмед Яссави, живший в XII веке в городе Туркестане. В Кашгарии задолго до Аппак-хожи тариат проповедывал ишан Махмуд-Агзам.

Стонавшие под гнетом деспотических властей, отчаявшись найти счастье в бренной жизни, люди, как утопающий за соломинку, ухватились за новый тариат Аппак-хожи. Он призывал к самоотречению, к безропотной покорности судьбе, утверждал непротивление и послушание во имя благ в загробной жизни.

Нет счастья на земле, оно есть на небе!..

За короткий срок число последователей Аппак-хожи увеличилось до полумиллиона. Для управления огромной армией фанатиков и надзора Аппак-хожа создал в трех городах Кашгарии резиденции под названием сулюки. Главный сулюк находился в Кашгаре при его дворе, второй сулюк, названный «Алтынлык» мазар, — в Яркенде и третий сулюк — Асхабулкахар — в Турфане.

Аппак-хожа умер в 1683 году и похоронен на кладбище на северной окраине Кашгара. Согласно завещанию, в «мантию» ишана должен был облачиться его старший сын Хусаин-хожа. Но младший сын Хан-хожа поднял против него восстание, захватил часть страны и объявил ишаном себя. В отличие от белошапочников он приказал своим последователям надеть черные шапочки. Простой народ прозвал их «кара таким», «кара такия», «каратаулык», что значит «чернотюбетейцы», «черногорцы». Меж-

ду белогорцами и черногорцами началась длительная ожесточенная война. Соседний джунгарский хан воспользовался этим и захватил Кашгарию. Через сто лет маньчжуры уничтожили Джунгарское ханство и присоединили Кашгарию к Китайской империи. Потомки Аппак-хожи лишились ханства, но сохранили за собой право духовных вождей и святых. Они ушли в мечети и объявили себя хануками Аппак-хожи, наместниками своего знаменитого предка.

Захватчики маньчжуры вместо того, чтобы ослабить влияние ислама на народ, стали усиленно насаждать религиозный фанатизм среди уйгуров.

Узнав об огромном авторитете Аппак-хожи, желая еще больше укрепить свою власть, Кашгарский губернатор из маньчжур построил над его могилой красивый деревянный мавзолей. Паломничество к гробнице Аппак-хожи приняло массовый непрерывный характер. Туда стали съезжаться верующие не только со всей Кашгарии, но и из Индии, Пакистана и Афганистана. Особенный наплыв паломников отмечается 10 июня, в день смерти Аппак-хожи. Собравшиеся со всех концов тысячи людей в течение сорока дней днюют и ночуют у гробницы, молятся и поют псалмы духовного, «душеспасительного» содержания. Всеми ритуалами руководят имамы. Они занимаются гаданием, предсказывают судьбу, совершают «чудеса», лечат убогих, больных и калек — короче, всячески выуживают подаяния из карманов легковых, невежественных паломников.

Сорокадневная вакханалия фанатиков в просторечии называется сеилем в честь Аппак-хожи. Очевидно, отсюда происходит и казахское слово сеиль — гулянье.

В 1864 году в Кашгарии под руководством Якуб-бека вспыхнуло восстание против маньчжур. Повстанцы одержали победу и около десяти лет правили краем. Якуб-бек снял с гробницы Аппак-хожи деревянные сооружения и на их месте воздвиг монументальный, похожий на мечеть, мавзолей из кирпича. Необходимые средства для этого были «добровольно» пожертвованы населением. Строительством руководил известный в свое время зодчий Мирбаки Намангани. После постройки нового мавзолея наплыв паломников увеличился еще больше...

Мне самому пришлось быть участником одного из

сейлей. Но прежде чем описать его, необходимо рассказать о современной религии в Кашгарии.

В настоящее время здесь действует более шестисот мечетей, из них сто двадцать в самом Кашгаре. В городе с населением в тридцать пять тысяч наличие стольких мечетей свидетельствует об очень глубоких корнях религии, крепко опутавших народ этого маленького края.

По величине, по архитектурной внешней и внутренней отделке, по богатству не все мечети одинаковы. Есть большие, величественные, вмещающие тысячи молящихся людей, есть и скромные молитвенные дома и даже совсем маленькие часовенки, на пять-десять богомольцев, которых час молитвы застал на улице. Есть мечети деревянные, каменные, кирпичные, глинобитные.

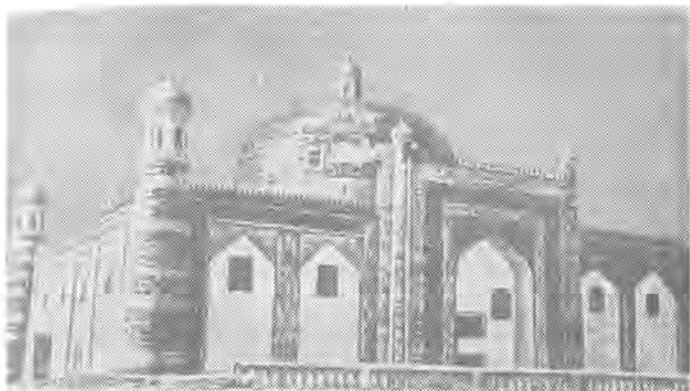
По архитектуре кашгарские мечети не похожи на наши. У нас мечети крытые, многосклонные, с одной, иногда двумя дверями, с большим залом и минаретом на самой крыше. Здесь не бывает больших холодов и, наоборот, поэтому в мечетях накрывается крышей только передняя, престольная половина зала, а вся остальная часть открыта и не имеет боковых стен. В крытом зале построены высокие нары. На них расстилаются циновки. Намазы совершаются на нарах. В дни торжественных, праздничных богослужений, в дни пятницы или престольного праздника при большом стечении народа не вместившиеся на нарах молятся в закрытом зале и во дворе мечети... Минареты кашгарских мечетей возводятся не на крыше, а отдельно, на входных воротах мечети. Поэтому уйгуры обращают внимание на украшение не самой мечети, а входных ворот. Одними из красивейших по богатству отделки считаются ворота Кашгарской соборной мечети, построенной в 1362 году. С минарета совершается азан — призыв к молитве. В дни больших праздников, таких, как Гайди рамязан (пасха) и Чайди курбам (праздник заклинания и жертвоприношения), перед началом торжественного богослужения специальные люди с минарета призывают к молитве ритмическими ударами в большие и малые барабаны. Собравшись по призыву, верующие исполняют массовый религиозный танец сана. Сана исполняется каждый день до окончания праздника.

При некоторых больших мечетях имеется ханака — маленькие кельи — места для уединения особо «благо-

честивых». В Кашгаре мы посетили одну из таких ханака, известной под названием Казан(котел). Она занимает целый квартал с большой мечетью на переднем плане. Строение одноэтажное, внутри оно разделено на множество маленьких комнат. Суфи — благочестивые люди, посвятившие себя служению богу, — проводят всю свою жизнь в этих кельях. В ханака, которую мы посетили, жили суфи в возрасте от девяти до девяноста и старше лет. Человек, принявший звание суфи и переселившийся в ханака, никогда не женится, не интересуется мирской жизнью и не копит богатства. Большую часть времени он проводит за чтением религиозных книг и молитв. В свободное время суфи прислуживает при богослужениях в мечети. Среди суфи имеются шейхуфани, отрeksiеся от мира отшельники. Они не показываются посторонним, при приближении человека прячутся от него в своих кельях. Среди отшельников есть немало мастеров прикладного искусства, изумительных граверов, резчиков по дереву и кости. Многие из них обладают сильными голосами и прекрасно поют. Имам-наставник мечети при ханака — казах, человек атлетического сложения, с красивым открытым лицом и густой черной бородой Наманжан Халиф-бан-Абдурашит — по нашей просьбе спел несколько бейтов из «Дивана Хикмата» ходжи-Ахмеда Яссави. Какой сильный, чистый голос у него! Как жаль, что такой талант пропадает в четырех стенах тесной кельи!..

Народное правительство Китая, проводя мудрую воспитательную политику в отношении верующих, не запрещает ислама, допускает в школах совместное преподавание светских и духовных наук. Школ смешанного типа в Кашгарии в настоящее время около двух тысяч. Тридцать тысяч мулл-преподавателей, как состоящих на государственной службе, получают заработную плату.

Помимо чисто культового значения, большинство архитектурных памятников имеет огромную культурно-историческую ценность. Народное правительство Китая взяло их под свою опеку, приняло меры по их охране и реставрации. В числе охраняемых памятников оказался мавзолей Аппак-хожи. Несколько лет тому назад, во время землетрясения, мавзолей дал трещину и один из двух куполов разрушился. Народное правительство ассигно-

Мавзолей Аппак-хожи.

вало большую сумму на реставрацию. Во время нашего пребывания в Кашгаре реставрационные работы шли полным ходом. Главный хранитель мавзолея 79-летний шейх Гулам Махмуд сообщил, что работы будут закончены полностью в будущем году.

Мы осматривали знаменитый мавзолей в самое интересное время — в начале сеиля Аппак-хожи. Мы ехали на машине, но огромная толпа народа, идущая к гробнице, загородила нам дорогу. Волей-неволей пришлось пробираться пешком. От шествия тысячи путников густая пыль заволокла небо. Было душно, пыль щекотала горло, лезла в глаза. Мы чихали, кашляли, с большим трудом проталкиваясь к гробнице. Вскоре по обеим сторонам дороги появились могильные холмы огромного кладбища... Уйгуры очень заботятся об умерших и содержат могилы в образцовом порядке. Они часто обновляют надмогильные холмы, обкладывают их свежим дерном, а более-менее состоятельные строят склепы, иногда очень красивые. Но, разумеется, ни один памятник по величавой торжественности и красоте не мог сравниться с мавзолеем Аппак-хожи. Внешне он походил на воздвигнутый Тамерланом мавзолей Азрет султана — Ахмеда Яссави в Туркестане.

В мавзолее шел ремонт, вход был запрещен. Но мы, путники из далекой страны, объяснили хранителю свое особое положение, добились согласия главного ишана и прошли во внутрь. Мы очутились в просторном помещении метров тридцати в длину и высоту. Посредине, на

возвышении, рядами расположены могилы. К ним можно подняться по нескольким лестницам. Между могилами и стенами широкий проход для посетителей. Стены украшены высокохудожественной резьбой и орнаментами. Ввиду ремонта мавзолей был завален строительными материалами и поэтому мы не стали задерживаться. Из похожих друг на друга серых и холодных могил выделялась одна — могила Ыйпар-хан. О ней я расскажу ниже.

Выйдя из мавзолея, мы стали очевидцами удивительного зрелища.

Паломники, тесно окружив мавзолей, прижимались к стенам. Согнувшись в земном поклоне со слезами на глазах, они жаловались «святому» на свои горести и невзгоды и просили у него помощи. Я стал прислушиваться. Вот девушка лет пятнадцати. Прижимаясь тонкими руками к стене мавзолея, она заливалась горячими слезами и умоляла Аппак-хожу вернуть ей отца, уведенного чанкайшистскими басмачами. Женщина средних лет просила «святого» заступиться перед богом за недавно умершего мужа, очевидно, большого грешника, чтобы душу его не отправили в ад... Возле дальнего угла мавзолея, еле держась на ногах, плакал древний седобородый старик с посохом. Он рассказывал о своей старости, о долгой грешной жизни и о приближающейся смерти. Он называл имя своего умершего безгрешного малолетнего сына и просил «святого» помочь ему в загробной жизни свидеться с сыном. Пусть невинная душа младенца ходатайствует перед богом о помиловании грешного отца... Вот худая, в лохмотьях седовласая старуха. Обильные слезы сделали ее запыленное лицо полосатым. Ее губы громко и страстно шепчут: «О, наш заступник Аппак-хожа!.. Тебе ведомо, что мой первый муж умер в молодости, а второй оказался непутевым и злым. Но и он умер в этом году от старости. Мне тоже недолго жить. Когда я умру, сделай так, чтобы на том свете я сошлась с первым мужем, а не со вторым!..»

Не все просители Аппак-хожи обращаются к нему за содействием на том свете. Многих интересует благоденствие и на этом свете. Больные просят исцеления, бездетные — детей. Некоторые просят излечить пьяниц, вернуть на путь истинный азартных игроков в карты и косяги. Грешники чистосердечно раскаиваются и просят про-

щения. Незамужние молят о хорошем женихе, потерпевшие неудачу торговцы — об улучшении своих коммерческих дел, обворованные просят найти похитителей.

Кроме жалоб и просьб к святому, кроме чтения Корана и богослужения, во время сеиля Аппак-хожи устраиваются религиозные ритуалы и народные игры. Один из знаменитых ритуалов называется зикрусана. Среди вошедших в казахский язык религиозных арабских слов мне не раз приходилось слышать зикру — хвала богу. Что означает «сана», я не знал. Казахские муллы тоже объяснить не могли. Теперь на сеиле Аппак-хожи мне стал понятным смысл этого слова — пляска. Так как в казахском быту танцев не было, то и сами муллы не понимали значения этого слова. Получается нечто вроде восхваляющей бога пляски.

В сеиле Аппак-хожи зикру-сана исполнялся в следующем порядке: мужчины разных возрастов садятся в круг. Людей много, получается несколько concentрических кругов. Ишан становится в центре и начинает громко, нараспев, читать душеспасительные псалмы и песни известных мусульманских мистиков Суфи Аллаяр-хожи, Ахмеда Яссави, Сүлеймана Бақыргани. Участники подтягивают ему. Ишан-запевала называется зикирчи. Он поет с большим чувством, трогательно. В особо скорбных местах, где описывается страшный суд, муки грешников в аду, он заставляет фанатиков громко рыдать и постепенно приводит их в состояние экстаза.

Когда закирчи поет о прощении аллахом всех правых благодаря ходатайству Мухаммеда и о переселении их из ада в рай и когда нервы слушателей напрягаются до предела, ишан повелительным взмахом руки поднимает служку, и тот, выкрикивая: «Ух-ху-ух-ху ил-лялла!», — начинает медленно, кружась, обходить сидящих. Это и есть сана — благодарение богу за избавление от мук ада. Сделав три круга, служка как бы невзначай шлепает рукой по спине одного из сидящих. Тот вскакивает, тоже начинает кружиться вслед и в свою очередь шлепает третьего, тот — четвертого. И вскоре все сидевшие в кругу пляшут и выкрикивают «ух-ху-ух-ху ил-лялла!» От топота беснующихся в экстазе людей поднимается пыль. Пляшущие кружатся быстрее и быстрее, развевающиеся полы халатов напоминают шум полета птичьих стай. Слышны гортанные, охрипшие возгласы,

у некоторых из рта бежит пена, глаза выкатываются из орбит... Многие теряют сознание, падают... Наконец пляска постепенно утихает. Ишан обрызгивает лежащих холодной водой, приводит их в чувство и подает глоток крепкого зеленого чая.

Мне говорили, что иногда при исполнении зикру-сана бывают и смертные случаи. Но смерть при исполнении ритуала, по шариату, приравнивается к смерти шахида — убитого в борьбе за веру. «Для умершего в такой момент место в рае гарантировано».

Среди участников зикру-сана есть плясуны, которых можно назвать профессионалами. Это юродствующие монахи — диуана. Они ходят из деревни в деревню и с помощью пляски зарабатывают себе на пропитание. На сеиле Аппак-хожи мне удалось увидеть знаменитого Яббаркул-диуана. Он ежегодно приходил пешком, чтобы участвовать в зикру-сана на сеиле Аппак-хожи. Он юродствует с девятилетнего возраста. Во время нашей встречи ему исполнилось 64 года. За всю свою жизнь он ничего не приобрел: ни дома, ни имущества, он не женился, «посвятил себя богу». Он никогда не стригся и не расчесывался. Его косматые волосы начинают седеть, борода всклочена, как свалывшаяся шерсть у тощего верблюда. Ногти на его руках и ногах скрючены, как ногти ворона. Он никогда не мылся, его тело покрыто болячками, экземой и коркой грязи. Его одежда давно превратилась в лохмотья. Он носит дырявый халат, лоснящийся от грязи и воняющий потом. Летом и зимой он ходит босиком и с непокрытой головой...

Яббаркул-диуана неперенный участник сеилей, устраиваемых по всей Кашгарии. Он всегда начинает пляску, и, как правило, первым падает без чувств. В экстазе он падает в обморок уже более семисот раз. По «откровению свыше» он знает, что умрет лишь во время тысячного обморока. Поэтому, торопясь к заветному числу и желая поскорее «предстать перед богом», он не пропу-

Беседа с представителями духовенства.

скает ни одного сеиля и часто выступает с пляской в деревнях. Видно, самому надоела такая собачья жизнь.

Среди ревнителей зикру-сана встречаются довольно примечательные люди. За несколько дней до сеиля я познакомился в Кашгаре с 75-летним Шахраимом-ходжой-Мухамедшариф-оглы. Служитель самого реакционного культа, он оказался на редкость ученым и начитанным человеком. Хорошо зная историю и поэзию Аравии, Ирана и Турции, он рассказал мне немало интересного и весьма ценного. Передо мной ожили и заговорили известные уйгурские классики Лютфи Кучари, Саккаки, Турфани, Залили Яркенди, Мухамед Гожамкули и автор «Гариб-Санам» Муллабиял Ибн Юсуф Кашгари, Гариби и Аксуи. Я узнал многое об авторе поэмы «Рагиба-Саади» Абдураиме Катибе, о жизни и деятельности знаменитых ученых и поэтов Юсуфа Хас-Хаджаба и Махмуда Кашгари. Он прочитал мне интересные отрыв-

ки из толстой рукописи «Забдатуль мусаиль», написанной двести лет тому назад, показал редчайшие рукописи Абдуль Касима Фирдоуси и Алишера Навои. Эти бесценные книги достались старому ишану по наследству. В течение нескольких столетий они передавались в его роде из поколения в поколение...

Он свободно разбирался в философии, толковал догматические положения ислама, разбирался в средневековой юриспруденции, изложенной в «Мантыке» — логике, в «Акаиде», «Мулла Джаляла» и «Фекки» — основных книгах по праву.

Я был поражен и удивлен тем, что и под чалмой могут храниться такие обширные знания!..

И вот теперь, на сеиле Аппак-хожи, я увидел его одним из главных распорядителей зикру-сана!..

ЫЙПАР-ХАН

Среди многих захоронений в мавзолее Аппак-хожи особое внимание привлекает гробница Ыйпар-хан. На ней установлен роскошный крытый шелком паланкин, называемый по-китайски «дэсо», по-уйгурски «джау», по-казахски «куйме».

В старом Китае императоры, крупные вельможи и чиновники для пущей важности не ездили на лошадях, а если приходилось отправляться в путь, слуги переносили их в паланкинах. К примеру, в XVIII веке одному уйгурскому феодалу-вану (князю) города Кумула понадобилось быть в Пекине. Четыре тысячи слуг более трех тысяч километров несли его в паланкине.

Вкратце расскажу о происхождении паланкина Ыйпар-хан.

Как уже было сказано, Аппак-хожа и его последователи белогорцы восстали против тогдашнего правителя Кашгарии Исмаила и были разбиты. Аппак-хожа бежал в Кумул под защиту маньчжурского вана и женился на его дочери. Ыйпар-хан — правнучка Аппак-хожи. Ее настоящее имя Шамсинур — солнечный луч. После того, как она совершила исторический подвиг, народ прозвал ее Ыйпар-хан. Ыйпар, по-казахски «жупар», означает мускус, духи.

Ыйпар-хан росла стройной и очень красивой девушкой.

Пришло время, и ее просватал отважный батыр Яхья, военачальник Ильяс-хана, последователь Аппак-хожи. Они полюбили друг друга, но жениться не успели — началась война с маньчжурами. В 1775 году батыр Яхья во главе войска отправился в поход. Ыйпар-хан осталась ждать его. Бесстрашный Яхья погиб смертью героя, защищая родную землю. Но горе не сломило невесту. Она надела доспехи своего возлюбленного и отправилась на войну мстить за него. Воодушевленное ее поступком войско последовало за отважной девушкой...

Немало подобных примеров в истории уйгурского народа. Когда в 545 году до нашей эры иранский царь Ки Хусрау напал на уйгуров, в оборонительной борьбе погиб хан Бука. На его место стала жена хана (ее имя в истории не сохранилось). Она возглавила полумиллионную армию, проявила большую находчивость в военной тактике и заставила врага отступить. По рассказам, вместе с ней сражались 150 тысяч женщин.

Ыйпар-хан возглавила уйгурское войско и выступила против поработителей. Маньчжурский император, восхищенный ее мужеством и отвагой, приказал своим военачальникам во что бы то ни стало захватить девушку живой. Но это оказалось нелегким делом. Несколько месяцев войско Ыйпар-хан героически сопротивлялось полчищам врагов. Но в конце концов, разьединенная на части, армия потерпела поражения и Ыйпар-хан попала в плен.

Очарованный красотой девушки император влюбился в нее. Но, зная характер военачальницы, он понял, что силой власти он ничего не добьется. Император окружил девушку вниманием и заботой. Он привел Ыйпар-хан в Пекин и специально для нее переселил туда же тысячу уйгурских семей.

На одной из окраин столицы он построил для любимой в мавританском стиле роскошный дворец «Чань Няй-няй...»

Дворец хорошо сохранился. Вокруг него и по сей день живут уйгурские семьи. Их стало гораздо больше, они говорят на китайском языке, но по-прежнему называют себя уйгурами.

Император преподносил непокорной возлюбленной богатые дары, назначал в услужение красивейших девушек, но Ыйпар-хан оставалась верной памяти погиб-

шего жениха... Поняв тщетность своих усилий, император решил испробовать другой способ и однажды объявил девушке:

— Твой жених жив и находится у меня в плену. Если ты не согласишься стать моей, я прикажу его замучить до смерти!

— Воля ваша, — ответила Ыйпар-хан. — Вы сможете убить моего возлюбленного, но все равно своего не добьетесь, живой я вам не отдамся!

Император, боясь как бы она не покончила с собой, приставил к ней охрану и тайне решил овладеть ею силой. Догадавшись о коварном замысле императора, Ыйпар-хан запаслась сильнодействующим ядом и всегда хранила его при себе. И когда однажды император попытался исполнить свое намерение, Ыйпар-хан приняла яд и тут же умерла...

Непокорность девушки не озлобила императора, он действительно любил ее. Сердце его наполнилось уважением к умершей. Император приказал бальзамировать тело Ыйпар-хан, украсить его драгоценностями и в специальном паланкине перенести в Кашгар для похорон на родной земле, в мавзолее прадеда Аппак-хожи. От Пекина до Кашгара паланкин сопровождало десяти тысячное войско. Процессия шла несколько месяцев. Воля императора была выполнена. Ыйпар-хан похоронена в мавзолее Аппак-хожи, а паланкин по сей день стоит на ее гробнице. Это не сказка, не легенда, а истинная правда...

Сохранился и портрет Ыйпар-хан. Когда она еще жила во дворце Чань Няй-няй, в Пекин приезжал один путешествующий итальянский художник (имя его неизвестно). По желанию императора он написал портрет Ыйпар-хан, но не оставил императору, а почему-то увез с собой и выставил замечательное произведение в Римской художественной галерее. Портрет сохранился до наших дней. Народное правительство Китая обратилось к Итальянскому правительству с просьбой продать этот достопримечательный памятник, но получило разрешение только снять с него копию. Один из китайских художников побывал в Римской картинной галерее и выполнил правительственное поручение — снял копию. Сейчас она выставлена во дворце «Чань Няй-няй». В народе ходит молва, будто копия обошлась очень дорого, в сто тысяч

юаней, а в переводе на драгоценные предметы по тогдашнему курсу юаня — в полторы тысячи золотых часов... Это красноречиво доказывает, насколько высоко ценит народное правительство память национальных героев.

К великому огорчению, в Пекине нам не удалось увидеть портрет героической дочери уйгурского народа. В день нашего посещения дворец «Чань Няй-няй» оказался закрытым, поехать туда вторично не удалось из-за недостатка времени. Но в Урумчи я все-таки увидел ее портрет. Один из художников Синьцзяна поехал в Пекин, снял копию с единственного портрета и привез ее в Урумчи. Это была уже вторичная копия, копия с копии. В таком случае художник, каким бы искусным он ни был, не в силах передать точность оригинала. Получается только тень или призрак оригинала.

И все же я был очарован даже урумчинской копией. С портрета на меня смотрела девушка лет 20—25. Уйгуры, по общему мнению, являются одним из красивых

народов Средней Азии. Ыйпар-хан была красивейшей из красавиц. Прямой, правильный нос, ласточкины крылья густых черных бровей, соединенных на переносье краской «каш», чуть скуластое овальное лицо с характерным для уйгурок обаянием, с узковатыми, чуть приподнятыми к вискам живыми глазами, очевидно, доставшимися по наследству от бабушки маньчжурки. Знатные китайские женщины любили массировать щеки розовой помадой. Итальянский художник, желая отметить эту деталь, нанес кое-где алые мазки, умело сохранив природный румянец девичьих щек. Он был не просто живописец, а вдохновенный мастер своего дела. Ему удалось воспроизвести не только внешние черты девушки, но и уловить внутренний мир, духовную красоту в изгибе губ, во взгляде, и во всем облике очень стройной, гибкой фигуры. Ыйпар-хан написана в шлеме, в военных доспехах и выглядит смелым, отважным воином. Глядя на портрет и вспоминая историю Ыйпар-хан, я мысленно повторял:

— Хвала тебе, уйгурский народ, за то, что вырастил такую замечательную дочь!

НАРОДНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ

На сеиле Аппак-хожи, кроме религиозных ритуалов вроде зикру-сана, проводятся народные увеселения и игрища с музыкой, песнями и танцами. Увеселения носят общее название машраб. Это арабское слово и в широком смысле примерно означает «народно-бытовые обычаи». Машраб существует с древних времен. Это и народный театр, и народная пляска, и оркестры народных инструментов. Я видел пятнадцать уйгурских музыкальных инструментов. Перечисляю их: даб—бубен, награ—барабан, бывает большой, средний и маленький; сатар—инструмент с тридцатью стальными струнами. Из них только одна ведет мелодию, остальные служат для аккомпанемента; дутар—2-струнная домбра с длинным грифом и двадцатью четырема ладами. При игре надевают на палец металлический наконечник вроде наперстка; рауаб—похож на мандолину, с пятью тонкими струнами, с изогнутым, как гусиная шея, грифом; тембр—трехструнная домбра, похожая на дудар, но с коротким грифом; гажжак—смычковый инструмент, похожий на

казахский кобыз; чанг — инструмент вроде цимбала. При игре ударяют палочками по струнам, их пятьсот шесть; калуын — похож на русские гусли; найль — дудка, свирель; сунай — небольшой в 3—4 сантиметра губной инструмент. Несмотря на малую величину, издает звонкие, мелодичные звуки; карнай — труба, длиной больше двух метров; сапац — небольшая рукоятка с металлическими шариками, бряцает, как кастаньеты; пийн — дудка из камыша или тростника.

По утверждению музыковедов, уйгуры имеют двадцать четыре широко распространенных музыкальных инструмента.

Как и все народы тюрской языковой группы, уйгуры слагают стихи по силлабической системе, характерной особенностью которой является одинаковое число слогов в строке с ударением в середине строки и на предпоследнем слоге. Получается напевный, легкий для исполнения ритм.

Знаменитые «Двенадцать мукамов» («мукам» от арабского «макам», что означает «напев», мелодия») посвящены месяцам года. Каждый месяц воспет в отдельном мукаме. Вот их поочередные названия: 1 — Рак, 2 — Чаббайт, 3 — Сига, 4 — Чарга, 5 — Ханжга, 6 — Узхал, 7 — Мушаварак, 8 — Ушияк, 9 — Науа, 10 — Баят, 11 — Аджам, 12 — Мукам Хусаин.

Это — сложное музыкальное произведение, нечто вроде кантаты. Каждый мукам делится на три части, которые в свою очередь содержат шесть различных напевов. Например, мукам, посвященный шестому месяцу, состоит из «Узхала» с шестью напевами, «Машриби» с шестью напевами и «Достан или Даф нагма» с шестью напевами, или палашами. Получается, что «Двенадцать мукамов» состоят из 216 различных напевов. Причем знатоки говорят, что не только каждый месяц, но и каждый день имеет свой напев, даже в течение дня исполняются разные мелодии — например, утренняя и вечерняя. Если все это сосчитать, получится невероятное число мелодий, заключенных в народном эпическом музыкальном произведении.

По другому толкованию, «Двенадцать мукамов» посвящены не месяцам года, а двенадцати звездам, определяющим двенадцать главных свойств человека. Мукам Весенней звезды посвящен молодости, исполняется он

девушками, мукам Летней звезды посвящен труженикам. главным образом крестьянам, мукам Сентябрьской звезды — мудрости и силе разума. Автором «Двенадцати мукамов» и отцом уйгурской музыки принято считать Пэрца Чангира. Он же якобы создал первый самый древний музыкальный инструмент чанг.

«Двенадцать мукамов» — это не только чудесные, выразительные мелодии, но и прекрасные стихи. Удивительно, что большинство песен очень лиричны по содержанию, воспевают любовь, посвящены мирским, но отнюдь не религиозным темам.

Как-то невольно «Двенадцать мукамов» я сравнил по композиции со сложными лабиринтами Мын уя. В древнем жилище, выдолбленном в отвесной скале на берегу реки Кызыл, тысяча комнат, разных по размерам, по времени создания, соединена в один целый архитектурный и этнографический памятник. Так же и сотни напевов в своем гармоническом переплетении составили одно из чудеснейших музыкальных творений. «Двенадцать мукамов» — это энциклопедия, охватывающая все песенное и музыкальное богатство уйгурского народа от «а» до «я».

Уйгуры любят танцевать. Наиболее распространены в народе пять характерных танцев, называемых по-уйгурски усулами. Танец Жула обязательно сопровождается песнями, в танце Сырылма ноги танцующих скользят плавно и медленно, в то время как стан и руки извиваются ритмично и быстро. Шадиян танцуют вприпрыжку, с сильными и резкими движениями, Сана — религиозный, ритуальный танец, в танце Санам мимикой и движениями тела выражается любовное чувство.

Одни и те же танцы в разных местах Кашгарии танцуют по-своему. Танец Санам, к примеру, имеет несколько разновидностей — Кашгар санам, Макет санам, Курли санам, Долан санам и другие.

Иногда танцы исполняются солистами, признанными мастерами, главным образом, в городах, на частных вечеринках, но чаще танцуют массово, под открытым небом, особенно в деревнях. В Доланском округе, где население приняло ислам позже, в танцах, как правило, принимают участие и женщины. По этому поводу в одной из народных песен говорится следующее:

Доланы вышли из песков.
Хвала Аллаха за спасение.
Но настолько увлеклись развлечениями.
Что совсем позабыли о нем.

Искусство танца глубоко укоренилось в быту уйгуров. Каждая мать любовно учит своего ребенка танцевать, едва он начинает ходить.

Поводов для устройства увеселений немало — свадьба, рождение ребенка, обряд обрезания, совершеннолетие и так далее.

Так же как и у многих других народов, у уйгуров в обычае сватовство. Жениха или невесту подыскивают пожилые, острые на язык женщины-свахи. В старое время свахи были счастьем и несчастьем для уйгурских девушек. Счастьем потому, что они могли найти невесте достойного молодого человека, а несчастьем потому, что во времена многоженства, свахи помогали сбесившимся от жира баям завлекать в жены юных, красивых, но бесправных и бедных девушек. Каждый хан, как правило, в разных городах держал несколько предприимчивых свах. Они умело выматривали красивых девушек, общались о них хану, и тот насильно увозил к себе новую жену. По народной молве, уйгурский хан Тоглуктимур, живший в XIV веке, имел триста молодых жен...

В жизни простого народа сватовство добровольное. Сваха заочно представляет девушку и парня друг другу. После разрешения родителей жених и невеста назначают вечером, где-нибудь в уединении, свидание. При встрече девушка первая с поклоном приветствует юношу и затем они договариваются обо всем. После объявления о помолвке родители девушки устраивают пир, на котором со стороны жениха участвует только сваха, а сам жених остается дома и вместо себя посылает на пир свой нож. В дом тестя он приезжает лишь перед венчаньем. Жители той улицы, где живет невеста, протягивают через дорогу аркан и пропускают жениха только после получения «выкупа». Затем заставляют его перескочить на коне через костер и, наконец, разрешают войти к невесте.

В первую ночь у комнаты новобрачных ставят доверенное лицо. Если невеста оказывается непорочной, берут подарок от ее родителей. Если невеста оказывается порочной, жених имеет право тотчас же покинуть ее дом, что нередко приводит к ожесточенным спорам и кровопролит-

Работницы сельскохозяйственного кооператива
на поле.

ным дракам. Если невеста оказывается непорочной, то на утро ее подруги — девушки забирают у жениха портянки (обычно новые, из шелка или другой материи), режут их на лоскуты и берут на память... Лишь после этого начинается настоящая свадьба. Летом гости выезжают далеко в поле, на простор, зимой устраивают свадьбы в больших домах.

Невеста в дом жениха входит первой, обязательно перешагнув через огонь. Первенца она рождает в доме своих родителей, которые устраивают в честь новорожденного пир. Женщину, родившую одного ребенка, называют «кокан», родившую двух детей — «джуган». Принято устраивать специальный пир в честь «джуган». Вдову, вышедшую замуж вторично, называют «чукан»...

Мне удалось побывать на одном из машрабов.

Вечером, накануне сеиля Аппак-хожи, старшая смотрительница нашей гостиницы Халима Ханум предупредила нас, что завтра не придет на работу.

— Буду на сеиле, поразвлекусь!

— А какие развлечения там будут?

— Лучше приходите сами и увидите все собственными глазами! — посоветовала она.

На следующий день мы побывали на сеиле, наблюда-

ли зикру-сан, затем сопровождающий повел нас в сад сельскохозяйственного техникума. В саду веселилась молодежь. Слышались песни, музыка, всюду кружились танцующие.

На одной из широких лужаек мы увидели большой круг сидящих людей. Играли музыканты, с веселой, ухарской песней выступали танцоры. Среди них танцевала и наша Халима Ханум, красивая, молодая женщина. В нарядной одежде, разгоряченная весельем, она стала еще более красивой и походила на распутившийся цветок. Она была искусной и темпераментной танцовщицей. Ее белые, полные руки летали над головой, словно белокрылые чайки. Длинные ресницы казались сегодня еще длиннее, а ласковые, полные задора глаза проникали в сердце зрителя. Она была необыкновенно очаровательна...

Охваченный всеобщим весельем, я неотрывно следил за радостными движениями танцующих.

— Раньше были такие развлечения? — спросил я Абулхая.

— А как же? Где народ, там и развлечения! — ответил он. — Правда, в старое время жизнь была тяжела, но тем не менее народ всегда находил время для развлечения и игр...

Другой довольно интересный народный праздник мы увидели в кооперативе «Ени хаят» — «Новая жизнь». Кооператив объединял 787 крестьянских хозяйств. 620 трудоспособных, из них 257 женщин. Посевная площадь 1 658 му земли, из которых на 547 му выращивается пшеница. В кооперативе 46 волов, шесть лошадей и 118 ослов. Трактора нет, есть 11 сох, одна сеялка, один культиватор. Кооператив организован в 1954 году и за короткий срок успел значительно окрепнуть. Лучший производственный кооператива Юсуф Маллах в прошлом году получил на трудодни продуктов семь тысяч жынгов (4 200 килограммов), из них 450 жынгов он сдал государству, остальные оставил себе. Членов кооператива, получавших высокую оплату, в «Ени хаят» очень много. Нет ни одного члена кооператива, который бы получил менее пятисот жынгов. В Кашгарии такой заработок раньше не снился крестьянину. Неделимый фонд кооператива составляет 22 600 юаней.

Вечером председатель кооператива Мухаммед Хауаз

и парторг Омар Хашим пригласили нас в гости на машраб в богатый огромный сад.

Распоряжалась на машрабе секретарь райкома комсомола, 23-летняя уйгурка Гульсум Касымова. На этот раз, кроме музыки, песен и танцев, я увидел в истинном смысле народную драму и комедию. Артисты беспощадно разоблачали антиморальные поступки, критиковали пережитки старого быта, высмеивали религиозные предрассудки, невежество мулл и ишанов, заставляя зрителей смеяться до упаду. Зрелище буквально ошеломило меня. С одной стороны, фанатический обряд зикр-сана, с другой — такая насмешка над религией, критика пережитков прошлого. Мне стали понятны многие, до того неизвестные стороны нового быта и жизни уйгуров. Среди артистов было немало очень талантливых. Некоторые из них оказались профессионалами, имеющими сценический опыт. Прежде женщинам запрещалось участвовать в спектаклях, все женские роли исполняли мужчины. Но теперь в театральных представлениях участвуют и женщины. Раньше артисты критиковали представителей религии очень осторожно, в завуалированной форме, но теперь они делают это смело и открыто.

В Синьцзяне, в частности в Кашгарии, ко времени нашего посещения театров европейского типа еще не было, имелись только концертные группы. Их программы тоже были разнообразны и интересны, но самыми занимательными оставались машрабы — подлинно народные театры.

ПЕРВЕНЦЫ НОВОЙ ЖИЗНИ

После ознакомления с Кашгаром мне посоветовали съездить на Кенсуйское промышленное предприятие, созданное после освобождения.

Из города мы отправились рано утром на машине, держа курс на юго-запад, вдоль берега реки Туман. В 50 километрах от города река повернула в сторону. Вдали виднелись высокие снежные вершины Памира. Вскоре справа показалась довольно узкая речка Мын жол — «Тысяча допог». Она образуется на стыке отрогов Памира и Тянь-Шаня из множества родников и ручьев, бегущих из бесчисленных балок и оврагов. Говорят, по овра-

гам идут дороги в разные концы Средней Азии и будто бы число этих оврагов и дорог превышает тысячу.

Большак, по которому мы ехали, назывался Андижанской дорогой.

Чем дальше мы продвигались вдоль Мын жол, тем больше отдалялись от нас снежные хребты Тянь-Шаня и приближались такие же величественные вершины Памира. Пространство между хребтами усеяно голыми высотками и холмами, на которых снег в летние месяцы не задерживается. Издали они напоминают развалины каких-то древних городов. Я внимательно разглядывал их, но тут наш проводник, Имин Хусаин, сопровождающий нас из Кашгара, прервал мои мысли:

— Местное население называет эти вершины «Имамдарум» — «Наши наставники».

— Почему?

— Ислам проникал в Кашгарию через эти хребты. На первых порах миссионеры, принешие новую религию, не смели сразу, большими группами, появляться в Кашгарии. До поры до времени они скрывались среди этих холмов, появляясь в селениях в одиночку. Когда противники ислама подняли восстание, мусульманские хожи снова бежали сюда и скрывались здесь. Местное население стало называть эти места «Имамдарум».

— Интересно!..

— Но дальше случилось еще более интересное. После захвата Кашгарии маньчжурами часть населения восстала против захватчиков. После поражения руководители повстанцев скрылись в «Имамдарумах». На вопросы маньчжурских властей — «где скрылись главари?» — люди отвечали:

— Среди «Имамдарум!»

Маньчжуры, понимая ответ в прямом смысле, начали без разбора арестовывать имамов и заключать их в Ту Ди-гунь, в гробницу Аппак-хожи и убивать их. Ни в чем не повинные имамы требовали объяснить, почему их убивают.

— За скрытие беглецов! — ответили маньчжуры.

— Каких беглецов?

— Поднявших восстание против нас!.. Их скрыли вы, имамы!..

Только тогда выяснилась ошибка маньчжурских властей. Им объяснили, что имеется гористая местность, нося-

шая название «Имамдарум», и что беглецы, очевидно, скрываются там!..

На одном из холмов «Имамдарум», обрывающемся крутым утесом, имеется гробница Буби-Газина-ханум. Кто она, в какое время жила и чем была примечательна — никто не знает, но передают, что это была «святая женщина». Поэтому бесплодные женщины стремятся раздобыть глину с ее могилы и по сей день пьют ее, разведя в воде. Говорят, будто из могилы виднеется конец женской косы. Та, которой удастся достать хотя бы волосок, носит его на груди как талисман и считает себя приобщенной к святыне...

На кенсуйское предприятие, расположенное в 130 километрах от Кашгара, в одном из ущелий среди гор, мы доехали в полдень. Это — комбинат, объединяющий шахты и рудники, добывающие каменный уголь и цветные металлы, обогатительную фабрику, механический завод и электростанцию. Комбинат сравнительно молодой, организован лишь 5—6 лет тому назад, но все его объекты оборудованы современной техникой. Построен рабочий городок, в котором имеются школы, клубы, гостиница, больница, детские ясли и сады. Уютные красивые дома, улицы озеленены.

Директор фабрики Ти Фу-хай, его заместитель Мухаметжан Садыков (уйгур), инженер-консультант Виктор Борисович Цугуев (осетин) подробно ознакомили нас с комбинатом. Выражаясь в двух словах, это предприятие как по технике, так и по культуре является гордостью сегодняшнего Китая.

С большим интересом мы выслушали удивительный рассказ о том, как создавались местные кадры.

На комбинате работает около двух тысяч рабочих. Из них около тысячи двухсот уйгуры, около четырехсот китайцы, около ста киргизы, остальные других национальностей. Руководят ими инженерно-технические работники, их всего сто шесть человек.

О наличии в этих местах угля и цветных металлов было известно издревле. Кто знает, в какие далекие времена, еще до нашей эры, какие народы вели здесь добычу угля и меди. Осталось множество глубоких ям и шахт, а на местах плавки можно найти остатки шлака. Одно время здесь пытались развернуть добычу металла кокандские

ханы, затем англичане, но вскоре прекратили, сочтя шахты нерентабельными.

Только после освобождения при помощи советских геологов были выявлены и уточнены огромные богатства ископаемых в Кенсу. Народное правительство Китая решило использовать их. Китайцам пришли на помощь советские инженеры. Вышеупомянутый Цугуев — один из них. Оказав помощь в организации работ, подготовив инженеров и техников из местного населения, наши специалисты вернулись на родину.

Когда старые разработки стали превращать в шахты, рабочие-уйгуры категорически отказались спуститься в забой. По их понятию, на дне этих ям и пещер поджидали их огромные драконы или по меньшей мере ядовитые змеи.

В течение нескольких дней ни один из вновь набранных шахтеров не соглашался спуститься в шахту. Советских специалистов, невредимыми поднимающихся из-под земли, называли колдунами.

Отчаявшаяся администрация уже подумывала распустить уйгуров и вызвать китайских шахтеров, но в это время один молодой уйгур изъявил согласие на спуск. Удивленные его смелостью товарищи пытались его отговорить, но, увидев его отчаянную решимость, заказали какому-то имаму написать специальную молитву, которую надели на шею смельчака как талисман. Молодой уйгур спустился в шахту вместе с советским специалистом. И до тех пор, пока он не вышел на поверхность, его товарищи уйгуры, сгрудившись на краю шахты, промко пели молитвы... Смельчаком оказался Турсун Касимов, родившийся в 1932 году в одной из деревень вблизи Кашгара в семье бедного крестьянина. Когда Турсун благополучно вышел из шахты и заявил, что там нет ни драконов, ни змей, ему не поверили и стали обнюхивать его одежду — не впитался ли в нее запах дракона?.. Сейчас Турсун один из самых передовых рабочих Кенсу. Он участвовал на слетах и совещаниях передовиков в Кашгаре, Урумчи и Пекине, побывал на крупных рудниках и шахтах страны, неоднократно получал правительственные награды. В 1956 году Турсун Касимов вступил в Коммунистическую партию Китая. С помощью советских инженеров он освоил технику и сейчас руководит одной из шахт.

Вместе с Турсуном приехал в Кенсу его младший брат

Мамад Имин и поступил чернорабочим на строительство электростанции. Человек неграмотный, но трудолюбивый он проработал до пуска электростанции, затем стал монтером, а позже исполнял работу сменного инженера. Кенсу его называют «инженером без грамоты».

— В прошлом году, когда главный инженер уехал Пекин,— рассказывает Ти Фу-хай,— на электростанции случилась авария. И только благодаря большому искусству Мамада Имина электростанция и связанные с не предприятия избежали большой беды...

Немало интересного, порой смешного, рассказал Мамад о том, как местное население привыкало к электричеству. Раньше здесь не имели никакого представления о его чудесных свойствах.

После пуска станции первым делом было решено осветить квартиры рабочих. Монтеры сделали проводку, вкрутили лампочки. О том, что такое электрический свет и как пользоваться выключателями, заранее проводились широкие разъяснения. Но один из рабочих, не присутствующий при разъяснении, в день включения света решил, что «без керосина гореть не будет». Он продолбил

лампочках отверстия и наполнил их керосином. Когда всюду загорелся свет, он, разумеется, сидел в темноте.

В тот же вечер, в сумерках, другой рабочий шел по улице, и, когда увидел вспыхнувший на столбе фонарь, с криком «пожар!» начал бросать камни, пока не разбил фонарь...

Если раньше уйгурская женщина не могла ни учиться, ни работать, то сейчас она имеет полное право на это.

Восемнадцатилетняя Гулаим Иминова после учебы в Кашгарском педагогическом техникуме (она не доучилась, окончила только шесть классов, а всего, кажется, восемь) приехала на Кенсуйский комбинат и устроилась ученицей на электростанцию. Сейчас она управляет распределительным щитом.

Молодой рабочий Ушур Байканов одним из первых спустился в шахту. Неграмотный и невежественный, он на первых порах как огня боялся врубовой машины и рубил уголь по старинке — кайлом. Потом, поняв никчемность такой работы, решил перейти на врубовую машину. Но прежде чем взяться за нее, он вместе с одним из опытных рабочих принес жертву — зарезал в шахте курицу и омыл свои руки ее кровью... «Жертва, очевидно, помогла» — в первой половине 1956 года Ушур перевыполнил производственную норму на 300 процентов.

Пуск первой мартеновской печи на фабрике тоже не обошелся без довольно забавной истории. О ней рассказывал сменный инженер обогатительной фабрики Шэнь Я-фун. У мартена работали уйгуры, главным образом молодежь. Выросшие в семьях верующих, они и здесь соблюдали требования религии. Обязательно вовремя исполняли пятикратные намазы, не изменяя срока даже в разгар работы. Перед первой плавкой начальник собрал их всех у печи и провел короткий митинг. Когда из летки ринулся огнедышащий расплавленный металл, начинающие металлурги, испуганно крикнув «алла!», отвернулись и хором стали творить молитву. Позже на вопрос, чего они испугались, последовал ответ:

— Мы знаем о существовании ада. Поток раскаленного металла показался нам огнем этого ада!..

Но постепенно все привыкли и перестали бояться производства. Сейчас на Кенсуйском комбинате много хороших мастеров своего дела, поголовно все стали грамотными. Из среды местных жителей уже появились спе-

циалисты со средним техническим образованием. Неко-
горые учатся в высших учебных заведениях в Пекине и
других городах Китая.

• Усилились и окрепли партийные и общественные орга-
низации. На комбинате в то время было 280 коммуни-
стов, 450 комсомольцев и 1 300 членов профсоюза.

Для рабочих имеются два хороших клуба, на 500
мест каждый. Четыре раза в неделю показываются кино-
картины. Не обошлось без казусов и при первом кино-
сеансе. Большинство зрителей видели кино впервые. Шел
фильм о гражданской войне в Китае. Когда по ходу со-
бытий завязался бой и послышались выстрелы, перепу-
ганные зрители бросились к выходу. Началась страшная
давка...

А теперь в дни киносеансов все жители рабочего го-
родка — старые и молодые — устремляются в клуб. Би-
летов, как правило, не хватает, и поэтому городок приш-
лось разбить на кварталы и устанавливать очередность
посещения клубов.

Месячный заработок кенсуйских рабочих довольно
значителен — не меньше пятидесяти-шестидесяти юаней.
Передовые рабочие зарабатывают до двухсот юаней. О
том, что значат эти цифры, можно судить по такому при-
меру. В пору нашего посещения в Синьцзяне хороший ба-
ран стоил 15—20 юаней. «Такие заработки нашим отцам
и дедам не снились!» — говорят рабочие.

Уйгуры, в особенности крестьяне, не очень заботятся
о внутреннем убранстве своих жилищ. Климат здесь
нехолодный, поэтому в большинстве домов печей нет.
Только в бывших байских домах имеются «каны» — ки-
тайские печи. В комнатах на полу расстилаются циновки
из камыша или куги, под голову иногда кладут полено и
вместо одеяла накрываются одеждой. Обед обычно гото-
вится на дворе, на тандыре. Так жили прежде.

Сейчас квартиры кенсуйских рабочих по планировке
и по обстановке не отличаются от квартир культурных
европейцев. Но научить людей жить по-новому было не-
легко. Пока привыкли топить и вовремя закрывать печи,
было немало несчастных случаев. Некоторые рабочие от-
казывались от печей европейского типа, требовали сло-
жить каны, и только долгие, терпеливые разъяснения
заставили их отказаться от своих требований. Но и сей-

час есть такие, что печи не топят в квартирах и готовят обед во дворе, на тандырах.

Несмотря на оседлую жизнь, большинство уйгуров не пользовалось баней, ограничиваясь купаньем в холодной воде и без мыла. В Кенсу имеется хорошая баня с отделениями для мужчин и женщин. Мужчины быстро привыкли к ней, но приохотить женщин оказалось гораздо труднее. По шариату, женщина не может показаться обнаженной никому, кроме своего мужа, ибо на ее теле ни много ни мало как тридцать шесть мест являются запретными...

Упорная воспитательная работа партийных, комсомольских и профсоюзных организаций постепенно привела к тому, что большинство работниц уйгурок охотно посещают баню без особого приглашения.

Кенсуйские рабочие постепенно избавляются от невежества и начинают жить культурно. Они обзаводятся красивой мебелью, нарядно одеваются.

Запомнился мне один вечер в Кенсу... На безоблачном небе плывет ясная полная луна, светло как днем... Словно не довольствуясь лунным сиянием, на улицах горят фонари... Мы направляемся к клубу. Над входом два больших портрета — Мао Цзэ-дуна и В. И. Ленина, обрамленные маленькими электрическими лампочками. Портреты видны издалека. На площадке перед входом играет оркестр национальных инструментов... Люди кружатся в танце. Мы приблизились и невольно вспомнили слова поэта: «Какая смесь одежд и лиц». Мы увидели людей в уйгурских, китайских, узбекских, казахских, киргизских, дунганских, монгольских и других национальных одеждах. В глазах, в движениях светилась неподдельная радость... Мы были приятно взволнованы этим замечательным зрелищем.

— Интересно, сколько национальностей работает на кенсуйских предприятиях? — спросил я у стоявшего рядом Ти Фу-хая.

— Четырнадцать!

— Все так нарядно одеты... Сегодня, как видно, праздник?

— Нет, — ответил Ти Фу-хай, — никакого праздника нет. Вообще, после работы все любят отдохнуть. Здесь в горах по вечерам бывает прохладно, можно и принарядиться...

Прозвенел звонок, и все направились в клуб. Зал быстро наполнялся, началось собрание. В президиум включили и меня. На повестке стоял один-единственный вопрос: отчетный доклад дирекции о полугодовой работе комбината. Докладчиком выступил Ти Фу-хай.

Во время доклада зал оставался освещенным. Со своего места на сцене за столом президиума я разглядывал зал, похожий на огромный пестрый букет цветов. Этот живой букет олицетворял дружбу народов эпохи социализма.

ПО ДОРОГЕ В ХОТАН

Шесть уйгурских городов, расположенных вокруг Такламакана, кроме известных географических названий, имеют и другие, довольно характерные, хотя менее распространенные, названия. К примеру, город Турфан называется еще и Гарибани — Город бедности, Кучар — Уалияни — Город святых, Аксу — Газияни — Город воинов, Кашгар — Газизани — Город почтенных, Яркенд — Пирани — Город святых наставников, Хотан — Шахидани — Город военных жертв. Для посещения мы выбрали Хотан — Шахидани, расположенный от Кашгара в 550 километрах. Нам сообщили, что воздушная линия начнет работать через неделю. Мы не стали ждать. Нас отговаривали, мол, «придется ехать долго и в пути будет очень жарко», но мы решили ехать на машине.

В таких поездках самая надежная машина — «газик». Выехали впятером: Абулхай, Абдул Халик, из местных работников Абдикарим Даутов, шофер Саид Асад и я.

Из-за нехватки времени мы останавливались редко и ненадолго, только для того, чтобы слегка подкрепиться и утолить жажду. Первый привал сделали в Яркенде. Для этого нашлись два повода. Во-первых, нам хотелось посетить могилу известного узбекского поэта Фурката (1858—1909), умершего здесь в изгнании, во-вторых, посмотреть на знаменитого скорохода Ауган-почтара.

Над могилой Фурката, похороненного на большом старом кладбище, его дети когда-то воздвигли небольшой мавзолей. Долгие годы никто за ним не присматривал, стены его кое-где стали разрушаться, сама могила заросла кураем. Талантливый поэт, всю жизнь поющий о нуж-

дах и чаяниях народа, преследуемый царским правительством, был вынужден покинуть родину. Сперва он жил в Турции, потом в Индии и, наконец, перебравшись в Кашгарию, умер в Яркенде. Узбеки считают его классиком своей литературы. Зброшенная могила большого поэта смутила моих спутников. Свалив вину на старую власть, они обещали привести памятник в порядок.

Ну, а кто такой Ауган-почтарь?

Прежде чем встретиться, мы много наслышались о нем. Его настоящее имя Джамалетдин Джалялетдин, а псевдоним Чатри. Ему пошел 97-й год, но он все еще разносит почту пешком. Это неслыханный скороход. Рассказывают, что от Кашгара до Яркенда расстояние в 275 километров он проходит за один день. Уходит рано утром и возвращается на другой день к вечеру. Несмотря на свои годы, эту резвость он не утерал и по сей день.

Нам удалось побеседовать с ним. Прежде всего удивляет его фигура. За всю жизнь мне приходилось видеть немало тощих людей, но такого худого человека, как этот почтарь, я еще не встречал. Все его тело высохло, и кожа словно присохла к костям. Все кости, суставы и каждую жилу на его жестком, как камень, теле можно было пересчитать. Он брил только верхнюю губу под носом и оставлял подобие усов по краям рта. Редкая борода свисала с сухого подбородка. И усы, и борода росли как дикая полынь в пустыне — вкривь и вкось. Голову он бреет каждый день. Он никогда не носил головного убора, кожа на его голове задубела от жары и плотно обтянула череп. Смуглый кофейный цвет его тела как будто перешел даже на белки глаз. Зубы его стерты почти до основания. Он ежедневно чистит их «мисуаком» — небольшой палочкой из можжевельника с расщепленным концом. Белки его больших «иранских» глаз темно-желтого цвета. Черные когда-то зрачки сейчас помутнели.

— С этими глазами я продаваю нитку в самую тонкую иглу! — с гордостью сказал почтарь.

Мы не отказались посмотреть, как он это делает. Он отвернул ворот халата, вытянул одну из трех игл, выдернул из нее нитку и тут же, в один миг, без всякого труда снова продел ее в иголку. Он никогда не носил обуви, поэтому кожа на его подошвах ороговела, как копыто. Подумать только, по каким дорогам, камням и колючкам прошли эти ноги за долгую бродячую жизнь!

— А как ваше здоровье теперь?..

— Слава богу, ни на что не жалуясь! — ответил скороход.

Биография Джамалетдина Джалалетдина тоже оказалась примечательной. Он родился в 1859 году в Афганистане, в городе Мазар-и-Шерифе, в зажиточной семье. В течение двадцати лет он служил в армии Абдурахман-хана младшим офицером, а после смерти хана старшим офицером (1901—1906 гг.) в армии его сына Хабибуллы-хана. Это была пора полного превращения Афганистана в английскую колонию.

Русская революция 1905 года оказала влияние и на соседний Афганистан, где создалась тайная политическая организация «молодых афганцев». Ее первоочередной целью было освобождение страны из-под гнета колониализма. Продавшийся англичанам Хабибулла-хан начинает преследовать «Молодых афганцев», арестовал руководителей Абдуллу Гани, Сеида Бухари и других. Член этой организации Джамалетдин Джалалетдин был вынужден с группой единомышленников бежать в Кашгарию. С тех пор он не возвращался на Родину...

— Почему? — спросили мы.

— А зачем возвращаться? — отвечает он. — Когда правил Хабибулла-хан, всякая свобода была задушена. Его сын Аманулла, ставший ханом в 1919 году, хотя и пытался ввести кое-какие реформы, но все равно, по-отцовски, житья людям не давал. В 1929 году его свергнул Бачесакау. Мне уже было семьдесят лет. В таком возрасте трудно возвращаться на родину, кроме того, мне не нравились религиозные порядки нового хана...

— Почему в Кашгарии я устроился почтальоном?... — продолжал говорить он. — Долгие годы я прослужил в армии и потому не смог овладеть никакой профессией. Устраиваться на черную работу не хотел, а подходящей канцелярской — не было. Можно было стать учителем в духовной школе, но для этого не хватало знаний. Лучшей работы, чем разносить почту между городами, не было. Я стал почтальоном!.. Переселенцев уйгуры называют «ауган». Так меня окрестили Ауганом-почтарем.

— А почему вы разносите почту пешком?

— Разве лошадь выдержит такое дальнее расстояние? — смеется он. — А сколько времени нужно ехать на осле? Около тридцати лет я прослужил в пехоте. Вы, ко-

нечно, знаете, что наш Афганистан — страна гор. Горы там высокие, перевалы крутые, трудные. В армии мне не раз приходилось бродить по горам. Я привык к хождению по любым дорогам. И сейчас, если не прогуляюсь как следует, чувствую себя отяжелевшим, даже настроение падает.

— Как ваше здоровье сейчас?

— Мне кажется, именно сейчас нужно больше ходить. Если не хожу один день, то чувствую слабость и боль в ногах. А как разойдусь, все проходит...

Этот человек всегда бежит, за один час он преодолевает больше десяти километров. Передышки делает через пять-шесть часов — и то лишь минут на пятнадцать.

— Дольше отдыхать нельзя, может остыть кровь! — объясняет почтарь.

Он никогда не потеет.

— Даже лоб не бывает мокрым! — говорит он. — Выхожу рано, по утреннему холодку. До вечера я пробегаю двести восемьдесят километров от Яркенда до Хотана или двести семьдесят шесть километров до Кашгара. Переночевав там, на следующий день вечером возвращаюсь в Яркенд.

После освобождения газета поместила заметку об удивительном скороходе. Его вызвали в Пекин. Почтарь побывал на приеме у Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лая. Правительство предложило старому труженику хорошую квартиру, обещало обеспечить всем необходимым и советовало пойти на отдых. Ауган-почтарь поблагодарил за внимание и от всего отказался.

— Я совершенно здоров и могу по-прежнему продолжать службу. Народ меня уважает: у каждого я могу найти приют, ночлег, каждый угостит чем может. А мне много не нужно. Когда почувствую себя непригодным к службе, сам скажу. Пока буду работать!..

— С того времени прошло года два-три, — заканчивает свой рассказ Джамалетдин Джалалетдин, — я по-прежнему работаю без ущерба делу. Очевидно, наш главный председатель (так уважительно называют Мао Цзэ-дуна во всем Китае) напомнил обо мне местным властям. Время от времени они спрашивают, как я себя чувствую, не нуждаюсь ли в чем. Вот так и служу!..

— Немало сотен километров надеетесь пройти, верно? — шутливо спросил я.

— Наш предок говорил: «Только шайтан не имеет надежды». Мой дед прожил до ста тридцати лет. Отец был убит на войне, кто знает, сколько ему суждено было прожить. Хочу догнать деда по возрасту. Он тоже до самой смерти не бросал работу.

Судя по бодрому состоянию, по работоспособности, Ауган-почтарь доживет до возраста своего деда.

Если бы все люди обладали таким здоровьем и выносливостью!

После беседы с Ауганом-почтарем, мы пошли знакомиться с самим Яркендом и его окрестностями. Здесь нам прежде всего удалось расширить свои познания в области медицины.

Существует болезнь под названием «зоб». Уйгуры называют ее пукок. Это созвучно казахскому слову бугак, что означает жирный подбородок. Кстати, двойной подбородок у девушки считается у нас одним из признаков красоты и воспевается в казахской поэзии.

Но, разумеется, двойной подбородок и зоб не одно и то же. Как особая форма болезни зоб очень распространен среди уйгуров, таджиков и афганцев. Происходит постепенное разрастание щитовидной железы, иногда до размеров головы ребенка. Люди с зобом не могут нагнуть голову, не могут повернуть ее и ходят как истуканы. Кроме того, у них ухудшается и общее состояние, повышается утомляемость, раздражительность, переживание из-за уродующей внешности опухоли.

Причиной зоба некоторые ученые считают питьевую воду, в которой нет йода или его слишком мало. Обычно такая вода бывает в горных реках и родниках. Я родился в степной, безгорной части Казахстана и не подозревал о существовании такого рода болезни. Впервые я увидел человека с зобом в 1930 году в Алма-Ате.

Но и в Алма-Ате зоб распространен не столь широко, к тому же его излечивают сразу же, в начале заболевания, либо особым лекарством с йодом, либо с помощью операции.

Реки, протекающие по Яркендскому округу, берут начало на Памире и содержат очень мало йода. Как в самом городе, так и в окрестных деревнях мы видели немало людей с огромными свисающими на грудь зобами. Существует немало анекдотов по этому поводу. Вот один из них. К реке Яркенд привел напоить коня человек с

большим, подпирающим голову, зобом. В то же время на противоположном берегу появился другой человек с таким же зобом — тоже привел напоить коня. Но зобы мешали им наклонить голову и посмотреть, пьют ли воду их лошади. Тогда один догадался и крикнул: «Эй, скажи, пьет ли воду мой конь?»

Выехав из Яркенда, мы побывали в городах Пускаме и Каргалыке и добрались до местности Чолак-сай. Здесь протекает узенькая горная речка Экин с сильным, стремительным течением. В старое время какой-то бай построил недалеко от места мельницу и за помол брал третью часть зерна. Сейчас помол бесплатный для всех.

Говорят, где вода, там жизнь. Вокруг мельницы вырос большой лес. Чуть поодаль среди деревьев белеют стены домов.

В дороге мы умирали от жажды. Гостеприимный мельник быстро вскипятил чай. Мы расположились на невысоком деревянном помосте. Журчали арыки. Тенистые деревья раскинули над нашими головами зеленый шатер, спасая нас от клонившегося к закату, но все еще палящего солнца, листья освежали нас своим дуновением. Тенистая прохлада, журчащие воды, густой горячий чай, заправленный козьим молоком, все это располагало к блаженству. Но наслаждаться мне не пришлось. Кругом нас кишмя кишели серые, тонкие змеи в полметра длиной, скользили по ногам, пытались забраться на колени. Так и снуют вокруг, так и снуют... Хозяин и мои спутники, не обращая внимания, спокойно продолжали чаепитие. От страха и брезгливости я беспрестанно ерзал.

— Успокойтесь, они не тронут! — сказал хозяин.

Тронут или не тронут, но как можно непривычному человеку оставаться спокойным, когда холодные змеи скользят по твоим ногам!.. Я съежился, подобрал ноги повыше, потом вскочил с места.

Мельник принес мне чурбан, служивший у него вместо стула, и предложил сесть повыше. Но змеи, как бы рассердясь на меня за брезгливость, еще больше ринулись в мою сторону. Я был вынужден скрыться в кузове машины и уже там продолжать чаепитие.

— Вот посмотрите, они безвредные! — сказал мельник и приблизился к машине, держа в руках с десяток змей.

Пионерский лагерь близ Урумчи.

Оказывается, под помостом, на котором мы устроились, находилось большое змеиное логово. Змеи безвредные. Как муравьи или пчелы, они жили скопищем и не подпускали в свое логово змей другой породы. Иногда устраиваются настоящие побоища с пришельцами из другого логова. Сильные прогоняют слабых и занимают их место.

— Эти серые змейки относятся к породе слабых, — продолжал мельник. — Поэтому они устраиваются ближе к людскому жилью. Они понимают, что если сами не тронут человека, то и человек их не тронет. Они даже защищают человека от других ядовитых змей. Я сам видел, как мои змеи убили одну желтую ядовитую змею, появившуюся здесь. По ночам они могут забраться в постель, иногда за пазуху и спокойно спят вместе с нами. Они могут заползти в детскую колыбель и ребенок играет с ними.

За речкой Экин началась огромная безлюдная пустыня Кербала. Из Кашгара в сторону Такламакана, то удаляясь от песков, то сближаясь с ними, проходит древняя дорога Ладак, соединяющая Китай с Индией. По Кербале дорога вьется среди барханов. Кочующие пески временами засыпают ее, принуждая караваны прокладывать рядом новые тропы.

Девяносто километров идет дорога по Кербале и на всем ее протяжении нет ни капли воды. Люди пытались рыть глубокие колодцы в разное время и в разных местах, но воду не обнаружили. В старину, когда средством передвижения были лошадь и осел, переход через пустыню был тяжким мученьем. Немало людей погибло в песках от зноя и жажды. Якуб-бек, правивший Кашгарией в третьей четверти XIX века, построил вдоль дороги, на расстоянии 30—40 километров друг от друга, караван-сарай. Высокие, с куполообразными крышами, они виднелись издали и, как маяки, помогали заблудившимся, изнемогающим путникам найти дорогу. После смерти Якуб-бека караван-сарай были заброшены, стали разрушаться и до наших дней сохранилась только их незначительная часть...

ПО ДОРОГЕ К СЧАСТЬЮ

В Хотан мы приехали под вечер. Счетчик нашей машины показывал точное расстояние от Кашгара — 528 километров.

Хотан — город древний, ему более трех тысяч лет. Правильное название города — Хотан, а не Хотан и означает «местопребывание зятя». В XI веке нашей эры правитель края Хан Иляк будто бы подарил этот город своему зятю, поэтому город назван Хатаном.

Основное население Хотана и его окрестностей — уйгуры. По языку они немного отличаются от своих единоплеменников, живущих в других районах Кашгарии. К примеру, слово «район» они произносят «ярон», слово «уйгур» — «урги». Вместо «кр» (войди), говорят «ки» (надевай) и наоборот. Подобных примеров можно привести немало.

Город по архитектуре, быту и обычаям населения, по видам торговли мало чем отличается от других городов

Кашгарии. Те же кустарные мастерские и рынки. Но на хотанских базарах продаются беркуты, ястребы, соколы, сайсаны и другие породы охотничьх птиц, чего мы не видели в других городах Кашгарии. Особенно привлек мое внимание один из беркутов. В наших краях самым большим и сильным считается уральский белый орел. На хотанском базаре я увидел тибетского беркута, по величине больше уральского, с большим размахом крыльев, с более мощным клювом, широкой грудью, с могучими когтями. Ноги уральского беркута мохнаты, а ноги тибетского — голые, жесткие, как камень, берцовые кости настолько толсты, что их едва обхватишь ладонью, длина когтистых пальцев не менее четверти аршина.

Уйгуры также надевают на ловчую птицу шапочку — томага. На этом беркуте была томага величиною с тибетейку.

Я полагал, что голова и шея беркута, очевидно, продолговаты, как у грифа. «А если так, — думал я, — то эта птица питается падалью и неспособна самостоятельно ловить добычу». Но когда сняли шапочку, оказалось, что грудь у него широка, как у «лошади», шея короткая и толстая, плоская голова легко подвижна, как на шарнире. Изогнутый, отточенный, как сабля, клюв заканчивается острым шилом. Зрачки у наших уральских беркутов зеленоваты, а белки желтоваты. У тибетского беркута незаметна грань между зрачками и белком глаз. Его черно-бурые свирепые глаза переливаются темно-коричневым пламенем.

Вот где настоящий беркут!..

— Возьмите! — сказал мне сурового вида уйгур с редкой длинной бородой. — Этот беркут ловит не только лисиц и волков, но кидается и на медведя.

Я выразил восхищение великолепной ловчей птицей, но сказал, что приехал издалека и, к сожалению, не могу взять ее с собой.

— У беркута есть специальная колыбель, — сказал уйгур, — кормить его тоже не трудно. Стоит только один раз накормить сырым мясом со свежей кровью и он целый месяц не потребует пищи. Раз в два-три дня надо просунуть ему в рот кусочек льда, тогда он и пить не захочет.

— Сколько же стоит такая птица? — спросил я.

— Не дорого, — ответил уйгур, улыбаясь. — Четыре барана или одна лошадь.

— Это считается не дорого?

— Но ведь такого беркута невозможно достать! Он живет на снежных вершинах Тибета.

— Ну, а как же вы поймали его?

— В Алтын-Тау, у Золотой горы, живет мой родственник. Он и подарил мне. А ему подарил друг — кенжут из Тибета. Если я поеду с беркутом к самим кенжутам, то вернусь оттуда с целым стадом скота. Жители здешних песков не знают цены таким птицам. Осенью я повезу его в те места, где ему знают цену...

Издревне хотанские уйгуры славятся как отличные ковроделы. На мировом рынке хотанский ковер продается наравне с персидским. В узорах, накладываемых на ковры, имеется особый вид, называемый хотанским. Мы зашли в одну из древнейших мастерских. Знаменитого и старейшего ковродела Мухаммеда Изима мы застали за работой в окружении дочерей и сыновей, внуков и правнуков.

— С какого возраста вы занимаетесь ковротканьем? — спросили мы старика.

Вместо ответа Мухаммед молча указал на малыша лет пяти, сидевшего без штанов.

В Хотанском ковроделии меня поразили три вещи. Во-первых, краска, применяемая для крашения шерсти или ниток. Здесь не применяют химических красителей. Краска, извлеченная из корней особых трав, не линяет от солнца, не теряет цвета от воды и даже, наоборот, со временем становится еще ярче. В Хотане существовал обычай, засыпав песком, расстилать ковер на несколько дней на тропу, по которой ходят много пешеходов. Чем больше натопчут ковер, тем ярче окрашиваются узоры.

Закон симметрии в ковроделии соблюдается особенно строго. Чтобы избежать искривлений и неточности, узоры прежде всего наносятся на бумагу. Узоры очень сложны, их нельзя изобразить без циркуля, без элементарного знания геометрии. В хотанских мастерских ковроделов, знающих геометрию, не было раньше, нет и теперь. Человек, рисующий узор будущего ковра, — это народный умелец. Упомянутый Мухаммед Изим получил начальное духовное образование в мусульманском медресе. Порог иного учебного заведения он не пересту-

пал. Он не слышал, что такое геометрия и циркуль. Узоры Мухаммед Изим наносит на бумагу от руки, не краской и не карандашом, а древесным углем, полученным от сжигания березы или тополя, который, по его мнению, «очень мягок и отчетлив». Поражаешься, как он грубым, ломким угольком выводит на бумаге тончайшие линии чудесного рисунка! С непостижимой точностью соблюдает он симметрию на другой половине ковра и при размножении узоров...

— Ковры с узорами подлинных мастеров,— объяснял нам один из стариков-ковроделов, Ушур Нияз,— на первый взгляд кажутся одинаковыми по цвету и по рисунку. Но это только кажется. На самом деле нет одинаковых узоров, как нет одинаковых людей. Каждый ковер имеет какую-то интересную особенность. За это ценят хотанские ковры на мировом рынке.

Чрезмерно трудно, глядя на эскиз, нанесенный углем, подсчитать, сколько и какого цвета ниток потребуется для тканья узора. Нужна сметливость математика и напряженное пристальное внимание. И в этом деле люди достигают вершин мастерства. Пожилая женщина по имени Разван-гюль-ханум, глянув единожды на узор, начерченный на бумаге, уже по памяти говорит своим помощникам, сколько ниток и какого цвета надо вплетать в основу.

— Я не помню,— говорит Ушур Нияз,— чтобы она ошиблась хотя бы на одну нитку.

Подумать только, какими чудесными свойствами наделен человек от природы! Разве есть на свете вещь, которую не смогли бы сделать люди, имея, конечно, желание для этого? Я видел женщин, которые печатают на пишущей машинке, не глядя на клавиши и одновременно разговаривая с тобой, причем не допускают ошибок. Так же и ковровщицы не глядят на разноцветные катушки ниток, ощупью безошибочно находят пальцами нужные нитки, не глядя вплетают в основу, не глядя срезают ножницами. Узоры ложатся правильно, строго симметрично, ни одной лишней нитки. Ворс подстрижен равномерно, словно под машинку, на подравнивание уходит совсем немного времени.

В Хотане мы ознакомились еще с несколькими предприятиями — старыми и новыми, созданными после освобождения. Особое внимание привлекла шелкопрядиль-

ная фабрика. Прежде она была маленькая и принадлежала какому-то богатею. Число рабочих не превышало ста человек. В конце 1955 года была завершена реконструкция (первой очереди) фабрики. Сейчас на ней работает около 1 800 рабочих, в основном женщины, в большинстве уйгурки в возрасте от пятнадцати до тридцати пяти лет. Фабрика по конструкции зданий, по оснащению техникой, по организации труда, по управлению, по перевыполнению производственных планов, по дисциплине и воспитательной работе является в подлинном смысле социалистическим предприятием. На стенах красуются лозунги: «Богатырскими шагами вперед!», «Изучать и осваивать опыт передовых!», «Больше направления в работе!», «Всем коллективом выдвинемся в ряды передовых!».

Замечательная фабрика, не уступающая нашим отечественным передовым предприятиям, имеет интересную особенность. Здесь, наряду с выработкой красивых шелковых материй, воспитываются люди с красивой душой, в коммунистическом духе. Некоторые могут возразить: разве работники наших социалистических предприятий не воспитываются в коммунистическом духе? Безусловно, да, но условия воспитания у нас и в Кашгарии совсем не похожи.

В Советской стране все женщины давным-давно получили личную свободу, пользуются равными правами с мужчинами, принимают активное участие в политической, экономической, культурной жизни. Казашке, мать которой сорок два года тому назад была продана за калым, сейчас надо читать многочасовую лекцию, чтобы разъяснить сущность калыма.

Как же обстоит дело в Кашгарии и, в частности, в Хотане?

Последние тысячу лет в Кашгарии господствовал ислам. Согласно шариату, девятилетняя девочка считается достигшей половой зрелости и может быть выдана замуж. По тому же шариату, мужчина вправе иметь четыре жены. Таким законом руководствовался в первую очередь сам основатель ислама — пророк Магомет, имевший четырех жен, причем одной из них — Хадаче — было отроду девять лет.

Многие мусульмане решили пойти дальше своего пророка. Если позволяло состояние, они старались довести

количество жен до нескольких десятков. Женидьба на девятилетней девочке разрешалась каждому мужчине, лишь бы оплачивался калым.

Бесчеловечный закон шариата имел особенно широкое распространение в Кашгарском крае.

Обремененные мучительным трудом, бедняки всю жизнь не вылезали из долгов. Они вынуждены были продавать дочерей своим хозяевам. Все девочки, рождающиеся в семье батраков, сразу же заносились в специальную брачную книгу «Никах» и специальный секретарь следил за тем, когда девочке исполнится девять лет, чтобы сообщить об этом помещику. Начиная с этого момента, помещик вправе жениться на девочке, когда ему заблагорассудится. Батрак-должник не имел права без разрешения хозяина продавать свою дочь другому. Если новая жена чем-то не понравилась хозяину, он имел право в любое время расторгнуть брак. Но это было невыгодно, ибо отец девочки мог ее снова продать, а помещик лишался одной работницы. Во избежание убытка помещики обычно не разводились с девочкой, а содержали ее в качестве батрачки. Говорят, были помещики, вступавшие в брак такого рода не менее пятисот раз...

После освобождения Китая от чанкайшистов и установления народовластия был положен конец издевательству над женщинами. Выдача замуж девочки, не достигшей шестнадцатилетнего возраста, запрещена декретом. Бракоразводные дела изъяты из ведения мечети и переданы органам народной власти. Отныне бракосочетания стали проводиться без выкупа, без принуждения, только по любви.

«Можно избавиться от болезни, но не избавишься от привычки», — говорит казахская пословица. Понятно, что религиозные предрассудки и глубоко укоренившиеся пережитки быта невозможно ликвидировать сразу, одним лишь декретом или постановлением.

Местные органы народной власти стали строго следить, чтобы девушек до 16 лет не выдавали замуж.

Трудно было вовлечь женщин-уйгурок в общественную работу, здесь недопустимы меры принуждения. Требовалась умелая, осторожная и длительная агитация, направленная на повышение сознательности самих женщин.

На первых порах агитация не имела успеха. Уйгурки

с девятилетнего возраста и до самой смерти не имели права раскрывать лица перед чужими людьми, кроме своего мужа и родственников, не имели права работать нигде, кроме своего дома. Уйгурки не шли на производство и отказывались от общественной работы.

Что же делать?

До освобождения в Кашгарии было много безработных. Кроме небольших и немногочисленных ремесленных предприятий, здесь не было промышленности, в сельском хозяйстве доминировало земледелие с дедовскими и крайне изнурительными способами обработки земли. Народная власть, хорошо знающая эти трудности, чтобы ликвидировать безработицу, сразу же взялась за крутой подъем легкой промышленности. Умножилось количество заводов и фабрик, производящих продовольствие, одежду, обувь, инструменты, предметы домашнего обихода. Так, появилась шелкопрядильная фабрика в Хотане.

Органы власти, призывая женщин на работу, обещали не задевать религиозных чувств, обычаев и традиций. В обращении говорилось, что женщины могли приходить на работу в чадре, в парандже, могли привести с собой мужа и детей. После работы они вольны идти домой или оставаться в общежитии, находящемся во дворе предприятия. По желанию, можно было обедать в столовой или варить обеды самим в общежитии. Детей можно было отдавать в детские ясли при фабрике или оставлять при себе в специальной комнате.

На призыв прежде всего откликнулись безработные и, как бы желая проверить, стали приходить в одиночку. Они поняли, что можно хорошо заработать, увидели неплохие бытовые условия. Число приходящих стало расти. И когда весть о новых фабриках дошла до отдаленных селений, хлынули толпы людей.

— Короче говоря, — рассказывал нам директор фабрики Вэ Минь, — в 1955 году на фабрике работало только четыреста работников. За какой-нибудь год количество их возросло почти в пять раз. К сожалению, мы принимали на работу не всех желающих, фабрика смогла принять только тысячу восьмьсот работников. К концу текущей пятилетки мощность фабрики увеличится почти в пять раз, а количество рабочих и работниц — до десяти тысяч человек.

— Если бы вы приехали к нам в прошлом году,— продолжает Вэ Минь,— то увидели бы, что весь цех работает в парандже и накрыт чадрой. А сейчас уже более половины женщин работают с открытым лицом. Заставила их сделать это сама новая жизнь. Приняв участие в общественной работе и на производстве, женщины почувствовали большую самостоятельность, стали смелее. Усиленная агитация велась среди мужчин, чтобы они не наказывали жену, снявшую чадру.

— Но и сейчас имеются женщины, носящие паранджу?

— Да, их еще немало. Укоренившийся обычай не моль, которую можно срезать ножом. Нужна большая воспитательная работа. Радостно то, что лекарство уже найдено. Как ни тяжел процесс лечения, мы безусловно верим в исцеление народа от недуга.

Мы решили пройти по цехам фабрики.

— В каждой стране много красивых женщин,— сказал нам Вэ Минь, человек веселого нрава,— но если я скажу, что в мире нет женщин красивее уйгурок, в этом не будет преувеличения. Можете убедиться сами.

Часов около пяти ходили мы по фабрике. Фабричный корпус построен в европейском стиле. У входа — здание конторы, дальше раскинулся широкий двор, весь в зелени. За садом расположены жилищные комбинаты, клуб, библиотека, столовая и другие культурно-бытовые помещения.

Уйгурки работницы немного смутились при виде нас, людей посторонних, но быстро овладели собой и продолжали свое занятие как ни в чем не бывало. Мы убедились, что подавляющее большинство женщин в возрасте от пятнадцати до тридцати пяти лет. Работниц более пожилых гораздо меньше. Это, главным образом, опытные мастерицы ткацкого и красильного дела или надсмотрщицы, присланные из городов и кишлаков для надзора за соблюдением нравственности среди молодых женщин...

— На первых порах старушки здорово петушились,— рассказывал нам Вэ Минь,— много брали на себя. Но, увидев воспитательную работу, которую ведут здесь партийная, профсоюзная, комсомольская организации, они отказались от параллельной «наблюдательной ра-

боты» и сами постепенно втянулись в общий производственный процесс.

Когда открылась фабрика, среди работниц насчитывались единицы грамотных людей. Теперь неграмотность среди давно работающих уже ликвидирована. Сейчас из числа грамотных и политически сознательных женщин многие руководят общественной и культурной работой. При клубе организованы кружки драматические, музыкальные, танцевальные, они периодически ставят спектакли, устраивают концерты.

Легкую работу на фабрике выполняют девочки от десяти до пятнадцати лет. Большинство их на фабрику приходит вначале, сопровождая своих матерей. Для детей школьного возраста при фабрике организованы школа и интернат. В момент нашего посещения в интернате содержалось около трехсот детей.

В 1937 году Джамбул, побывавший на юбилее Шота Руставели, писал о грузинских девушках: «Если хочешь увидеть гурий рая — езжай в Грузию».

Я невольно вспомнил о словах Джамбула, увидев уйгурских девушек. Здесь было столько юных подлинных красавиц, которых невозможно описать!..

Мы пожелали познакомиться с биографией некоторых женщин.

— У большинства здешних уйгурок биографии очень похожи одна на другую, — пояснил Вэ Минь. — По одной капле можно узнать о вкусе воды всей реки. Точно так же по биографии одной женщины можно получить представление о дореволюционной жизни всех женщин.

— В таком случае сами посоветуйте, с кем мне лучше побеседовать.

Вэ Минь поговорил со своим заместителем Абдраимом Ибрафилем, с секретарем парткома Цоу Цзи-чаном и порекомендовал поговорить с Аминисой Тохта, председателем месткома ткацкого цеха.

Аминисе 22 года. Очень красивая молодая женщина, она является членом правительства Уйгурского автономного района и членом Хотанского городского Совета. 16 лет она поступила работать на старую фабрику и вскоре стала передовой работницей, получала награды от правительства, принимала участие во многих важных совещаниях. Девятнадцати лет она стала членом Ком-

мунистической партии. Четвертый год работает председателем месткома. Сейчас она, окончив среднюю школу, учится заочно на историческом факультете педагогического института. Она председатель фабричной санитарной комиссии и преподаватель школы малограмотных. В 1953 году Аминиса вышла замуж за молодого красильщика шелковых тканей, который на восемь лет старше ее. Сейчас ее сыну два с половиной годика и дочери — около двух.

Я спросил Аминису о прошлом, и лицо ее сразу потемнело, словно она почувствовала себя на тонущем корабле. Как видно, много горя перенесла эта женщина. Аминиса не выдержала и расплакалась. Немного успокоившись, она тяжело вздохнула и рассказала о своей жизни до освобождения.

От ее слов волосы вставали дыбом. Некий помещик Даут когда-то женился на девятилетней девочке Абзыхан, от которой родилась Аминиса. Когда Аминисе исполнилось девять лет, Даут женился на своей дочери. Девочка Аминиса жила среди многочисленных жен Даута.

После установления народной власти Даута судили за чудовищные преступления.

Суд продолжался много дней, — рассказывала Аминиса, — потерпевших собралось несколько сот человек. Пришли свидетели и просто любопытные, слышавшие о бесчинствах Даута. В селе не было здания, куда бы могла поместиться тысячная толпа. Заседания суда проходили в саду. Когда привели преступника, собравшийся народ встретил его громкими проклятиями. По мере избличения Даута в бесчисленных преступлениях толпа присутствующих все больше и больше накалялась гневом. Когда преступника вели на очередное заседание, народ, стоявший шпалерами у дороги, начал бросать камни и поленья. Власти вынуждены были возить Даута в закрытой повозке.

Четыре часа рассказывала Аминиса о судебном процессе. Перед моим взором проходили события, словно в большом интересном романе. Кроме стенографистки, никто не успел бы записать ее рассказ. То, что я кое-как записал на бумаге, было похоже на прерывистые следы тушканчика, оставленные на песке.

Только о деле Даута можно было рассказывать не-

сколько дней. Ясно представив себе общий ход судебного процесса, я попросил рассказать о приговоре суда.

— Суд, по всем вопросам защищавший интересы народа, в особенности пострадавших, в одном вопросе не удовлетворил общего желания.

— Интересно, какое желание? — спросил я, насторожившись.

— Народ требовал: «Выдайте нам в руки Даута. Мы определим ему достойное возмездие». Но суд ответил, что закон запрещает ему выполнить такое требование. Тогда народ попросил приговорить Даута к публичной казни через повешение. Чтобы труп висел на площади пока не сгниет. «Нет такого закона», — ответил суд. Народ просил публично расстрелять преступника. «В дни революции, — ответил суд, — такое наказание применялось к врагам народа. Но сейчас, в мирное время, так поступать нельзя».

— Короче говоря, — продолжала Аминиса, — по приговору суда Даут был расстрелян и похоронен на сельском кладбище. Люди протестовали и против этого, требовали удалить его бесчестное тело с кладбища, где покоятся останки справедливых людей. Но муллы кое-как уговорили жителей, сказав, что перенос тела будет противоречить шариату. Тогда каждый, кто проходил мимо могилы Даута, стал посылать ему проклятие и швырять камень. Из камней на могиле образовался холм.

— Получился памятник Дауту, — мрачно пошутил я. — Имя его сохранится надолго.

— Пускай, — презрительно молвила Аминиса. — Нет человека, который не знал бы «дьявола». Но кто же любит его? Таков и Даут...

— Верно. Вы тоже швыряли камень на его могилу,

— Нет.

— Почему?

— Разве вы не знаете, что мусульманкам запрещено приближаться к кладбищу? А кроме того, хоть и ненавидела я его за преступления, когда увидела в несчастье, даже пожалела...

— Суд над Даутом, — продолжала Аминиса, — имел огромное общественное значение. Когда оглашали приговор и перечисляли все жестокие издевательства над женщинами, многие уйгурки, громко проклиная старую жизнь, тут же сбросили с себя чадру, паранджу и в

присутствии народа сожгли их. Этот суд снял слепоту, открыл глаза многим уйгурским женщинам. После оглашения приговора и приведения его в исполнение местная партийная организация провела многочисленный митинг. Много женщин пришли на митинг с открытыми лицами. Говорилось о том, что в Хотане открылась шелкопрядильная фабрика, куда требуются рабочие, говорилось о зарплате, о новом воспитании. Вместе с первыми тридцатью женщинами я пришла во двор фабрики, где и работаю до сих пор...

— В вашем лице я поздравляю всех уйгурок с новой жизнью! — сказал я, пожимая руку Аминисе.

Вэ Минь повел меня по цехам, вежливо предупредив:

— Прошу помнить об одном: еще не все женщины освободились от пережитков старого, хотя мы прилагаем огромные усилия. Поэтому не удивляйтесь, если встретитесь с древними привычками.

— Это даже интересно — увидеть привычки прошлого. Для более полного впечатления, — ответил я.

В цехах я видел работниц с открытыми, веселыми и бодрыми лицами. Но рядом с ними, понуро склонившись, сидели женщины под чадрой. Их было, к сожалению, немало.

— Можете говорить о чем угодно, с любой работницей, начиная с маленьких девочек, кончая пожилыми женщинами, но не спрашивайте, пожалуйста, об их семейных делах, — попросил меня Вэ Минь. — Мы стараемся не напоминать им о прошлом.

Уместно заметить, что уйгурки обычно жизнерадостны, шутливы, любят иронизировать и подтрунивать. Эту черту характера я узнал еще у наших казахстанских уйгурок, бывая в уйгурских кишлаках.. На хотанской фабрике женщины (разумеется, те, что без паранджи) оказались такими же зубастыми: на шутку отвечали бойкой шуткой.

В прядильном цехе мы обратили внимание на тоненькую проворную девочку лет тринадцати. В цветастой повязанной косынке, она стояла перед станком. Шелковые нити непрерывно тянулись сверху, подобно цветному низвергающемуся водопаду, и наматывались на бесчисленные веретена. Девочка ничуть не смутилась, когда мы подошли, смело поздоровалась, прямо глядя на нас чер-

ными красивыми глазами. Она говорила с киргизским акцентом.

— Как ваше имя?

— Не лошадь, а осел! — ответила она спокойно.

— Как так? Разве у людей бывает такое имя?

— Вы должны знать, что уйгуры ездят вместо лошади на осле.

Вспомнив, что слово «ат» означает одновременно имя и лошадь, я понял каверзный ответ девочки и засмеялся:

— Вы хитрая, оказывается?

— Нет, наоборот, я думаю, что еще молодая.

«Хитрая», по-казахски «ку», означает вместе с тем «иссохшая». Девочка возразила, следовательно, что она не иссохшаяся, а молодая, свежая.

— Вижу твою молодость, — сказал я, смеясь.

— Откуда вы видите мою «подушку»? — Я же не в постели, а стою перед прялкой!

Я, попросту говоря, опешил. Слово «жастык», означающее «молодость», также означает и «подушку», она опять превратила в шутовскую игру слов.

Продолжать словесное состязание с девочкой мне, старому человеку, было стыдно. Откровенно говоря, смущенный ее находчивостью, я опасался шутить дальше. Я отечески похлопал ее по плечу и признался:

— Я побежден, милая.

— Если не будете голодать, вряд ли при вашей комплекции наступит облегчение, — бойко ответила девочка.

Я снова попал впросак — слово «побежден» вместе с тем означает «облегчен». Я сконфуженно засмеялся, решив поскорее идти дальше.

— Ну, дорогая моя, до свидания. Пусть растет твое счастье, — сказал я на прощание.

— Я не садовница, я — прядильщица.

— У казахов счастье обозначается тем же словом, что и сад, милая моя. Я говорил именно о счастье. Разве ты против него?

— Кто же откажется от счастья? — ответила девочка. — Мне не все казахские слова известны. Но слово счастье я знаю. Я принимаю ваше доброе пожелание.

— Будь счастлива!

— Спасибо дядя!

Отойдя подальше, я спросил сопровождающего меня заместителя директора фабрики Абдрайма Исафиля:

— Что за девочка, такая острая на язык?

— Бывшая жена пожилого торговца-киргиза, приехавшего в Хотан из Уш-Турфана. Он взял ее в жены, когда ей было десять лет и жил с ней года два. Сейчас ей четырнадцать лет. Она — одна из лучших прядильщиц, очень способная, много читает. Грамотная и пишет красиво. Поэтому ее назначили секретарем редакции стенной газеты, кстати говоря, самой лучшей на фабрике.

Обходя фабрику, я невольно вспомнил легенду о «Кыз-Жибек». Влюбленный Тулеген в поисках Кыз-Жибек догонял один за другим караваны кочующих казахов. Он видел немало девушек и всякий раз восхищался: «Ах, какая красавица!

Не эта ли Жибек!» Но в каждом караване девушки оказывались одна красивее другой. Тулеген восторженно вглядывался в каждую и терялся. Наконец он совсем умаялся и только тогда догнал повозку Жибек...

Я шел по цехам и, глядя то на одну, то на другую работницу, думал: вот это настоящая красавица! Ан нет! Следующая оказывалась еще красивее. Да простят мое пылкое сравнение, хотанскую фабрику можно назвать «фабрикой красавиц».

На своем пути мы встретились и с Кыз-Жибек. Зовут ее Зайнап. Ей восемнадцать лет. Она — секретарь комсомольского комитета фабрики. Без лишних медоточивых слов, скажу сухо и прозаически: много стран я объездил, много видел красавиц на своем веку, но нигде еще не встречал такой прелестной девушки, как Зайнап!..

Через два дня вместе с Зайнап мы вылетели на самолете из Хотана в Кашгар. Зайнап с тремя комсомолками летела на совещание в Урумчи.

В назначенный день на рассвете мы отправились в аэропорт. Местные жители говорили, что до сих пор ни один самолет не садился в Хотане. Железную птицу видели только в полете, на небе издалека. И вот вчера вечером первый самолет прибыл из Кашгара в Хотан и сделал посадку. Сегодня утром он отправлялся обратно...

В дороге на аэропорт мы убедились, какую новость для жителей Хотана представлял самолет: бесконечная вереница людей тянулась к аэродрому пешком, на ослах, на лошадях, на верблюдах, на быках, не давая проехать машинам. В телегах теснились седоки, как сельди в бочке. Верхом на осле восседали двое, на коне — трое, бедные животные едва поднимали всадников. Пешие на руках, на спине несли детей.

— Куда они стремятся? — спросил я.

— Смотреть самурук, — ответил шофер, знающий все новости.

Самурук — гагантская птица, главный персонаж многих восточных сказок.

— Откуда здесь самурук? — удивился я.

— Здешние люди не знают слова самолет и называют его самурук. Ночью распространился слух, что близ Хотана сел самурук. В дальних селениях не ложились спать, двинулись к Хотану посмотреть на сказочную птицу.

Аэропорт стоял от города в четырех-пяти километрах. Наша машина кое-как, стороной, обогнала людской поток и выехала в степь. За городом была такая же картина, повсюду брела к аэродрому густая толпа.

Когда мы подъехали туда, некуда было ступить, все заполнила плотная толпа. Сначала люди боялись подойти к самолету и смотрели издали, затем, освоившись, начали приближаться, а потом уже стали гладить, ощупывать и даже поколачивать по нему. Служащие аэропорта, опасаясь порчи самолета, беспрестанно отгоняли любопытных. Но поток любопытных сметал их, оттеснял от машины. Тогда из города вызвали отряд милиции...

У аэропорта нас встретила нарядно одетая Зайнап со своими спутницами.

На устах у собравшихся было только одно слово: самурук.

— Не боишься лететь? — спрашивали у Зайнап.

— А чего бояться? — отвечала девушка. — Не впервой! Я много раз летала из Кашгара в Урумчи, оттуда в Пекин, Шанхай, Кантон и другие большие города.

— А что, внутри у него пустота? Или, может быть, есть вроде требушины, печенки, селезенки?

Зайнап объясняла, что внутри самолета пусто, никакой печенки там нет, есть только мотор. Но любопытные любители новой техники плохо понимали ее.

— А удобно сидеть там, внутри самолета?

— Чудесно! — отвечала Зайнап. — Сидишь, как дома!..

— Голова не кружится?

— Нет!..

— За сколько дней можно долететь до Кашгара?

— За полтора часа!

— Да ведь на лошадях десять дней ехать надо!

— То — лошадь, а это — птица! Даже быстрее птицы.

— Эта птица приносит счастье?

— Конечно.

— Черт возьми, всем бы нам полетать! — гудит толпа.

— Конечно, все будете летать со временем, — успокаивает Зайнап. — Сегодня первый день вылета самурука

из Хотана. Скоро их будет очень много.

— Какая ты счастливая, Зайнап, вылетаешь на первом самуруке!

Подошло время посадки.

Зайнап и ее спутницы распрощались с провожающими. Когда все вместе направились к самолету, многие кричали вслед: «Счастливого пути, Зайнап!».

Пассажиры уселись, мотор заревел, и люди от испуга бросились врассыпную, кто куда...

Самолет поднялся в воздух и, словно желая покрасоваться перед оставшимися на земле, сделал троекратный круг над аэродромом. В лучах солнца неожиданно за-

мельтешили сотни маленьких листовок. Они поздравляли жителей Хотана с вылетом первого самолета. Внизу сначала испугались несметному рою листовок, похожих на перья гигантской птицы. Потом, убедившись, что это бумажные листовки с приветствиями, все стали гоняться за ними, чтобы сохранить на память.

С самолета было видно, как толпа, довольная зрелищем, высоко вознесла руки, аплодировала. Люди рукоплескали наверняка не безмолвно, издавали возгласы удивления, восторга и ликования. Сейчас, в рокоте мотора, мы ничего не слышали. В ушах у меня звучали слова, услышанные при посадке в самолет:

— Счастливого пути!

От всей души я пожелал того же уйгурскому народу, ставшему после освобождения на подлинно счастливый путь!

ДЖАЙЛЯУ ДРУЖБЫ

В Синьцзяне, кроме оседлых уйгуров, живут еще и кочевые народы: казахи, киргизы, калмыки.

Подавляющее большинство киргизов живет, группируясь вокруг города Артуша, неподалеку от границ Советской Киргизии. Мы ехали по горным ущельям и долинам. Изредка в ложбинах попадались родники, но многоводных рек и озер мы не встретили. Малопродуктивные земли нескольких кишлаков орошает единственный канал Устан-арык. Основное занятие киргизов, обитающих здесь, отнюдь не земледелие, а скотоводство. Хлебопашество не всегда оправдывается.

Проехав примерно девяносто километров, мы прибыли в киргизский аул Истык-Кора-Кол, расположенный у подножья горы, возле родника. Вблизи аула мы увидели многочисленную толпу киргизов в белых войлочных шляпах. Здесь, как видно, проходило какое-то торжество. И действительно, оказалось, что в прошлом году умер в возрасте 117 лет почтенный аксакал по имени Коке. Родственники аксакала построили надгробный памятник и в связи с открытием его сейчас устраивалась поминальная трапеза. Сюда съехались представители многих районов Киргизского уезда.

Мы присутствовали на трапезе и смотрели национальные киргизские игры: байгу (скачки), борьбу в пояс,

стаскивание всадников с коней, турнир по прокалыванию копьём, погоню за девушкой и многое другое.

Следующую остановку мы сделали в урочище Байгуртка, где находился административный центр киргизов, называемый Четвертым районом. Я невольно вспомнил положение наших аулов середины двадцатых годов. В ту пору центры волостей, еще не полностью перешедших на оседлость, состояли из пяти-шести изб — канцелярии, хозяйственных построек, медпункта, школы-интерната. Между ними располагались юрты для служащих и длинный барак — зимнее жилище. Служащие, которые не имели комнаты в бараке, обычно ночевали в канцелярии. Четвертый район был точной копией наших волостных центров.

Секретарь райкома партии Саут Кожекейулы рассказывал, что в районе 665 дворов. 99 процентов жителей занимаются животноводством. Кампания по объединению хозяйств в кооператив начинается предстоящей осенью.

Киргизы приняли нас гостеприимно, угостили кумысом, и не успели мы, как говорится, глазом моргнуть, как на столе появилась аппетитно пахнущая баранина.

За урочищем Байгуртка началось ущелье Кара-теке — Черного козла. По дну его тянулась дорога вдоль берега горной реки. Здесь прокладывалось шоссе, работало несколько тысяч уйгуров, китайцев и очень немного киргизов, отказавшихся от кочевого образа жизни.

Чем ближе мы подъезжали к советской границе, тем чаще нам попадались киргизские аулы, расположенные в долинах между невысокими горными хребтами, возле речек и родников.

Мы представились советским пограничникам и остановились на ночлег в киргизском ауле у аксакала Абдыкадыра на китайской стороне. Селение располагалось в урочище Соньколь. 26-летний сын Абдыкадыра — Алиш оказался заместителем председателя местного Совета. Участник освободительной борьбы, энергичный джигит, он рассказывал нам немало интересного. Основная отрасль хозяйства в этом районе — овцеводство. Прежде, в пору царизма в России, крупные уйгурские баи содержали здесь от двадцати до пятидесяти тысяч курдючных овец. Через Алма-Атинские и Копальские базары они продавали овец купцам Российской империи. Сами уйгурские баи жили в Кашгаре, Уш-Турфане, в Аксу, Яркенде, а хо-

зяйством руководили подрядчики. Овец пасли местные киргизы, не имевшие скота. Самый богатый из здешних киргизов имел не больше тысячи овец, сто лошадей и не более десяти яков. Скудные пастбища, горы не позволяли киргизам держать коров и верблюдов.

После установления Советской власти в Казахстане уйгурские баи пригоняли своих овец на ежегодную летнюю Каркаринскую ярмарку в Кегенском районе Алма-Атинской области. Ярмарка закрылась в конце двадцатых годов, и уйгурские баи вынужденно сократили поголовье овец, ибо на внутреннем Синьцзянском рынке мясо большого сбыта не находило. Вот почему за последние двадцать лет у самого крупного уйгурского бая не было больше четырех-пяти тысяч овец.

Кооперирование здешних хозяйств началось с 1955 года. Были вовлечены и уйгурские баи, сдавшие в кооперацию 22 633 овцы. Общий порядок кооперирования, проводимого по всему Китаю, сохранился и здесь. Четверть подлежащих пастьбе овец сдается государству в порядке налога, четверть получают за свой труд чабаны, четверть остается в фонде выращивания и последняя четверть принадлежит владельцам овец.

Яков здесь называют топозами. Очень интересны повадки этих животных. Яки сами боятся подходить близко к аулам. Самки, или, попросту говоря, коровы, приходят в аул только в том случае, если там содержится отбитый от стада теленок. Коровы становятся домашними, их доят. На следующий год жители снова стремятся поймать теленка и примануть корову в аул. Время от времени яки-быки перед рассветом, подойдя к аулу, будят коров своим ревом и зовут их на дальние пастбища. Если хозяин, ухаживающий за теленком, окажется нерадивым, то корова уводит теленка с собой и тогда поминай как звали.

Мясо яка, по мнению знатоков, очень вкусное. Жир откладывается не сплошной массой, а мясо прорастает тонкими слоями. У других видов рогатого скота жир быстро остывает на холоде, а жир топоза, подобно жиру лошади или медведя, ни при каком морозе не остывает, лишь слегка подмораживается на поверхности. «Молоко топоза густое, очень питательное, в нем много сливок», — говорят киргизы. «Съешь одну чашку и целые сутки будешь сытым». Мы попробовали кислое молоко,

оно оказалось очень вкусным и сытным, с густыми сливками, жирное, пьешь его, как топленое масло.

До заката солнца верхом на конях мы ездили по киргизским аулам и к ночи вернулись в дом Абдыкадыра. Здесь уже собралось много людей — старых и молодых, мужчин и женщин. Они с интересом расспрашивали о жизни советских казахов и киргизов. Затем, видя, что хозяин собирается потчевать гостей, разошлись. Остались только те, которых Абдыкадыр попросил «посидеть за одной скатертью с гостями».

Здесь уже не было той жары, которая мучила нас в окрестностях Такламакана. Аул находился сравнительно высоко в горах. Сразу же после заката солнца стало прохладно, а когда мрак ночи окутал аул, стало даже холодно. Мы были одеты по-летнему и начали мерзнуть. Внимательный хозяин накинул на нас овчинные тулупы и начал угощать мясом топоза. Оно действительно оказалось вкусным.

Здесь киргизы вместо вина пьют бузу — домашнее пиво. Выпив две-три чашки густой кисловатой, но вкусной бузы, мы поели мягкого теплого мяса топоза, вместо остывшей баранины, и сразу почувствовали, что начали согреваться. Абдыкадыр велел открыть войлок под сводом юрты и зажег толстые сучья можжевельника. Жаркое пламя взметнулось на метровую высоту, быстро нагрело воздух юрты, и мы скинули тулупы. Пылающий можжевельник издавал чудный аромат, и на душе у нас стало еще отраднее.

После сытного ужина в приятном расположении духа Абдыкадыр обратился ко мне:

— Уважаемый гость, может быть, вы хотите послушать песню?..

— Конечно, с удовольствием, — ответил я.

— В таком случае возьми свой комыз, Ешим-ахон, — сказал Абдыкадыр худощавому джигиту с продолговатым пепельно-серым лицом, с узенькой, шириной в палец, бородкой, с десятком длинных волосинок, вместо усов, на краешках губ.

Киргизский комыз имеет три струны, без ладов, похож на нашу домбру. Ешим-ахон вынул из иссохшегося сыromятного кожуха небольшого размера темно-коричневый инструмент.

— Из какого дерева сделан комыз? — спросил я.

— Он выдолблен из цельного можжевельника, — ответил Ешим-ахон. — Звук его сильный и приятный.

Ешим-ахон начал играть.

Игра на комызе — высокое искусство. Бесспорно, у киргизов есть замечательные песни и кюи. И в то же время, глядя на игру комызиста, я восторгаюсь больше мастерством и техникой исполнения, чем мелодией. Кажется, нет на свете музыкального инструмента, на котором играли бы с таким стремительным движением рук, как играют на комызе. Обычно в любой стране музыкант-исполнитель держит инструмент перед собой в наиболее удобном для игры положении. Но киргизы не считают нужным держать комыз неподвижно. Не переставая играть, они то перекидывают инструмент через колено, то за спину, то поднимают над головой, то вертят юлой на затылке. И при таких жонглерских манипуляциях не нарушается ритм, не ослабевает мелодия, все так же одна рука бьет по струнам, а другая с неуловимой быстротой скользит по грифу. Такой удивительно виртуозной игры я нигде, кроме как у киргизов, не встречал.

Ешим-ахон оказался мастером своего дела. Он темпераментно сыграл несколько кюев, вертя и подбрасывая комыз и ловко изгибая свое, словно бескостное, тело, затем обратился к хозяину:

— Что же спеть гостю? «Кошыка?», «Секетпая?» или что-нибудь из «Манаса», «Семетея», «Сейтека»?

Песни были мне знакомы: первые две обрядово-бытовые, а последние — из героического эпоса о Манасе. Я выразил желание послушать отрывки из эпоса.

— Ладно, — сказал Ешим-ахон и начал негромким, с хрипотцой голосом петь Пекинский поход.

По старой традиции певцов, Ешим-ахон имитировал голоса стариков, старух, девушек, джигитов и малышей. Интересно было смотреть и слушать такую игру.

Мы заслушались и не заметили, как в юрту Абдыкадыра снова собрался народ, привлеченный песней.

Мы засиделись далеко за полночь. Наконец кто-то сказал:

— Скоро рассвет. В горах уже режут топозы, вызывают коров.

— Стожары видно?

— Нет, жасмурю. Выпал снег...

Встреча Сабита Муканова с женщинами-киргизками.

— Пора расходиться по домам, — сказал Абдыкадыр слушателям. — Пусть мой гость отдохнет немного.

Не принимая во внимание мои уверения в том, что спать мне совсем не хочется, Абдыкадыр велел домо-чадцам приготовить постель, потушить огонь очага и затянуть войлоком дымоход. Сам он оделся потеплее и ушел.

В темной юрте, на мягкой постели, под теплым одеялом, накрытые сверху овчинным тулупом, мы долго не могли уснуть. К утру заблеяли овцы, заревели топозы, заржали лошади. На пастбище двинулись отары под крики и понукания пастухов.

Оттого, что вчера я устал в пути, а затем всю ночь слушал песни, к тому же привыкший с детства к шумам аула, я незаметно уснул... Проснулся, когда солнце глядело через дымоходное отверстие, двигалось к полудню. Все уже встали. Воздух был свеж, но не столь холоден, как ночью.

Одевшись, я вышел из юрты. Выпавший ночью снег уже стоял и только на теневой стороне склонов кое-где оставались белые пятна. Темно-серые тучи, плотно затянувшие небо с вечера, полностью рассеялись, белесые клочья облаков оседали в ущелья, и небо сверкало, словно только что вытканый шелк.

Братья-киргизы оставляли нас погостить еще несколько дней, но у нас не было времени. Плотнo позавтракав, мы к полудню двинулись в путь-дорогу.

Казахов я встречал и в Пекине, и в Ланьчжоу, и в Кумуле, и теперь на джайляу в отрогах Тянь-Шаня, называемых Пи Ян-го, я увидел множество казахских аулов.

В Пи Ян-го, за шестьдесят километров, мы выехали из Урумчи на автомашине. Кругом лежала безмолвная гладь степи. Она использовалась, как зимняя тебеневка, весеннее и осеннее джайляу. Редкие посевы виднелись только у подножья гор, орошаемых горными ручьями. Раньше здесь занимались хлебопашеством дунганские помещики, а сейчас — кооперативы.

Мы приехали затемно в казахский аул, расположенный на джайляу, называемый по-китайски Гангу, а по-казахски Курган-сай — Суходол. Наутро мы увидели, что джайляу как две капли воды похоже на высокогорную долину нашего Ала-Тау: на склонах густо высятся тянь-шаньские ели, по ущелью шумит речка, сверкают родники. Влажная, щедрая земля пахнет травянистым дерном, на черноземе волнуется типчак, перистый ковыль. И здесь за грядями увалов видны белоснежные вершины и скалистые утесы; и здесь в прохладном воздухе не слышно ни комаров, ни мух.

Быт казахов здешнего аула ничем не отличался от жизни и быта аулов нашей страны в первые годы установления Советской власти. Как и у нас в те годы, классовое сознание аульной бедноты начало пробуждаться недавно. Бедняки стали разбираться, кто их враг и кто друг; появилось убеждение, что для построения социализма необходимо объединиться и трудиться сообща. И экономическое положение их точь-в-точь такое, как в наших тогдашних аулах. Люди еще не полностью перешли на оседлый образ жизни. Зимние жилища, прилепившиеся в ущельях и оврагах, наполовину вырыты в земле. Летние юрты такие же, как и у нас, никакой разницы. Сохранились обычаи и нравы наших старых аулов. Подлинная национальная культура только-только начала развиваться, создан казахский алфавит (на арабском шрифте), появились начальные школы. Недостает учебников и учебных пособий, большинство учителей в состоянии преподавать только в начальных классах. Не все дети школьного возраста вовлечены в учебу. В пионерских организациях еще мало опыта. Газета, издающаяся после освобождения в Урумчи, плохо распростра-

няется в аулах. Редко кто выписывает литературный журнал «Литература и искусство Синьцзяна». Издание книг также не на высоте, тиражи их совсем незначительны.

Советские казахи за сорок два года после Октябрьской революции под руководством Коммунистической партии достигли высокого уровня экономического и культурного развития. Потребуется еще много и кропотливо поработать, чтобы поднять уровень жизни синьцзянских казахов. И все же отрадно, что за короткий срок благодаря правильному руководству Китайской Коммунистической партии в экономической и культурной жизни Синьцзяна происходят значительные изменения.

В ауле Курган-сай только в прошлом году организован аульный кооператив. Председателем его избран Касым Сахариулы. Ему 42 года. Родился в бедной семье. Семилетний Касым остался круглым сиротой и вместе со старшим братом нанялся в батраки. Земля, плуг, тягловая сила — все принадлежало помещику. Батрак нанимался обязательно на круглый год. Если он уходил, не выдержав срока, помещик ничего ему не платил. С урожая батрак имел право взять шестую долю. Если хлеб не уродился, батрак оставался должником за съеденные в течение года харчи и должен платить из урожая будущего года. При таких условиях батрак всю жизнь не мог избавиться от долговой кабалы.

— Кормили «добазом», — рассказывает Касым. — Это чай, заваренный листьями жимолости, куда крошат хлеб, изготовленный на пару. Другой пищи не было. А работали не меньше двадцати часов в день. Постели не было, ложились где попало. Одежда — одни лохмотья, стоимость которых удерживалась из нашего заработка...

В 1932 году дунгане восстали против тирании чанкайшистов. Восстание было потоплено в море крови. Хозяин Касыма погиб, Касым нанялся к китайскому помещику. Только освободительная революция избавила его от гнета. Сейчас Касым член Коммунистической партии Китая и один из уважаемых граждан аула.

Кооператив в основном занимается животноводством, земледелием и заготовкой леса в горах. В кооперативе 106 дворов, в том числе 20 узбекских, 13 татарских, 3 двора русских, 2 китайских, 5 уйгурских, остальные казахские. Количество скота: овец — 1 142, коз — 1 190,

лошадей — 420, крупного рогатого скота — 447 голов. Кроме того, в личной собственности членов кооператива имеется 1 500 овец и 40 голов крупного рогатого скота. В личной собственности самого богатого бая татарина Мажита имеется 150 овец и около 40 голов крупного рогатого скота.

В 1956 году кооператив засеял 1 800 му (около 112,5 гектара). Тягловая сила и плуги пока находятся в личной собственности, и кооператив арендует их у своих членов. Ежемесячная арендная плата за каждого быка и за каждую лошадь — 15 юаней. Члены кооператива получают зарплату в зависимости от трудодней. Так, например, в прошлом году семья передового труженика Жумакана (сам он, его жена, сын, сноха и младший сын) заработала за год 1 200 юаней, 58 мешков хлеба, 25 коз (включая и молодняк), 3 теленка и одного жеребенка.

— Ну, как, по-вашему, агай?¹— спросил меня Касым, хвастливо улыбаясь.— Мало? Или много?

— Не мало, но и не много! — хитро ответил я.— Хороший заработок.

— Есть у нас вдова Шайза. Всю жизнь она мыкала горе и только в кооперативе смогла кое-что получить за свой труд. В прошлом году вместе со своими четырьмя детьми она заработала 650 юаней, 40 мешков хлеба, 18 голов скота. Вот так постепенно и укрепнем, неправда ли, агай?

— Безусловно.

Еще одно хорошее начинание привлекло наше внимание. На джайляу в Пи Ян-го китайские агрономы, зоотехники, врачи и другие работники обязательно изучают язык местного населения и для практического усвоения разговорной речи время от времени живут вместе с казахами. В свободные от работы часы они играют на музыкальных инструментах, поют песни и общаются в играх. Китайцы быстро овладевают чужим языком. Через два-три месяца они уже довольно толково изъясняются с казахами. Меня поразило, с какой бойкостью, без всякого акцента китаянка Я И говорила по-казахски. Я заговорил с ней, спросил, какая у нее профессия.

¹ Агай — уважительное — дядя.

— В следующем году я приеду сюда работать врачом. Мне не обойтись без знания казахского языка. Кроме того, — девушка потупила взор, — у меня есть жених казах...

Вечером мы побывали в другом ауле, где местная молодежь вместе с китайскими студентами устроили игрища. Приятный вечер запомнился мне надолго.

Покинув гостеприимное джайляу в Пи Ян-го, мы побывали в центре уйгурского автономного района, городе Урумчи, и познакомились с культурным и экономическим его положением. Вместе с работниками культуры Синьцзяна мы хорошо отдохнули в последний день в роще на берегу реки Буланбай. 12 июля выехали на автомашине из Урумчи в Кульджу.

Меня сопровождал известный казахский писатель в Синьцзяне Бухара Тышкамбаев с супругой Сарой, дочерью акына Танжарыка, о котором я уже рассказывал.

Бухаре Тышкамбаеву немногим более тридцати лет, он выше среднего роста, богатырского телосложения с волнистыми черными волосами. Он опубликовал несколько сборников стихов и рассказов и в соавторстве с одним из китайских кинодраматургов создал фильм «Хасен и Жамиля». Бухара, являясь одним из ведущих писателей Синьцзяна, работает заместителем председателя Синьцзянского отделения Союза писателей Китая.

Бухара, как говорится, прошел «огонь и воду». Несмотря на сравнительно молодой возраст, он многое повидал. Он приветлив, но скуп на слова. Если не начнешь его расспрашивать подробно о чем-нибудь, сам он особенно не разговорится. Его супруга Сара — женщина с мягким характером, очень скромная, серьезная и рассудительная.

По дороге мы с интересом беседовали. Шоссе тянулось по широкому ущелью. Проехав 130 километров, мы ненадолго остановились в городе Манасе, бегло осмотрели его достопримечательности и двинулись дальше. Проехав госхоз «Чихадзе», мы остановились переночевать на нефтепромысле Май-Та — Масляная гора. Руководители промысла просили нас остаться на несколько дней, но у нас, к сожалению, не было времени, мы спешили в Кульджу.

На следующий день утром мы коротко задержались в пикете Жын, в 424 километрах от Урумчи. Затем ми-

новали пикеты Ын-ху, Бахан-ху, Такьян-зе, У-тай и к вечеру приблизились к высоким холмам, называемым Шель адыр — Пустая гряда. По словам Бухары, в этом месте сталкиваются два горных отрога, справа Канжыга — Оторочка, слева Кус емшек — Птичьи соски. Мы ехали между голыми грядками.

— Впереди нас пикет Сяньжай, — заметил Бухара. — За ним на спуске лежит большое, километров в шестьдесят, озеро Сайрам, окруженное со всех сторон горами. Я прочитал ваш роман «Ботагоз», в котором вы рисуете красивое озеро Челкар с его утесом посередине. Челкар представляется мне похожим на Сайрам. Здесь тоже близ берега высится каменный утес.

Петляя между холмами, мы выехали на берег Сайрама... Прежде всего оно значительно больше Челкара. Озеро окружают высокие горы, и вода в нем чудесная, глубинно-зеленая, как море. Метрах в двухстах от берега на южной стороне возвышался величественный утес, куда больше утеса на озере Челкар. По всему побережью Сайрама раскинулись аулы. Здесь богатейшие пастбища, которыми сообщаются пользуются казахи и калмаки.

Отражаясь в лучах склонившегося к закату солнца, каждая капля воды в озере сверкала, как золотая рыбка. Мы были очарованы не только красотой самого озера, но и живописными его окрестностями. Затормозив машину, мы кубарем вывалились из нее и бегом пустились вниз, к берегу, на песчаную отмель. Стояла безветренная тишина. На желтый песок накатывались прозрачные, как слезы, волны и отходили назад, утопая под вновь набегающей волной. Далеко было видно глубокое и узористое дно озера. Чистая вода имела приятный привкус свежего кобыльего молока...

Плененные красотой озера, его светлой водой, мы собирались искупаться, когда заметили темную, как дым, тучу, накрывающую солнце. Бухара предложил поскорее добраться до аула, где нам должны были предоставить ночлег.

Мы помчались по берегу озера, убегая от тучи. Когда вдали показался аул, навстречу нам поскакала группа всадников. Они окружили машину и проводили нас к дому некоего Иртая.

За дальнюю дорожку мы очень устали и пораньше улеглись спать. Наутро в чистом воздухе, еще не успев-

шем накалиться от солнца, необъятная зеркальная гладь, зеленая с вечера, сейчас переливались, как перья павлина. Контуры гор вокруг озера вырисовывались поразительно отчетливо, с долинами, ущельями и распадками. Седые облака опускались с вершин в ущелье, обнажая сырые утесы. Кое-где виднелись под ними темные прямые нити дождя. Где-то в неохватной дали неожиданно вспыхнула молния, и страшные раскаты грома сотрясли воздух и землю. Стремительный караван туч быстро двинулся на нас, угрожающе сверкая и гремя и так же неожиданно, не успев разразиться ливнем, а только напугав нас, перевалил через хребет.

— У вас в Казахстане поэты и прозаики больше всего воспевают красоту Кокшетау, — заговорил Бухара, самозабвенно влюбленный в природу. — Мне трудно судить о вашем крае. Но я думаю, что и наша земля не менее красива. Кого не вдохновит озеро Сайрам со своими окрестностями!

— Верно.

В это время большая толпа, кто верхом, кто в телегах, показалась вдаль на берегу озера.

— Что это за люди? — спросил я.

— В урочище Ак-байтал — Сивая кобылица — сегодня начало ярмарки. Она проводится ежегодно в это время. В прежние времена на ярмарку съезжались купцы из России, Монголии, Китая, Афганистана и Индии. В период господства Чан Кай-ши ярмарка была закрыта. Склады, сарай и дома были разрушены. Но с прошлого года торговая традиция восстановлена. На первую ярмарку съехались только пять ближайших районов: Бурата, Арасан, Жын, Коргас и Суйдин. Говорят, что в этом году съедутся представители торговых организаций и из других областей. Отсюда до Ак-байтала километров тридцать. Советую пожертвовать еще одним днем и съездить туда. Право, не раскаетесь.

Я согласился.

Когда мы завтракали в шатре рядом с юртой, подъехал старик с седой окладистой бородой в сопровождении пяти всадников. Он спешил и поздоровался с нами. Крепкому, с молодцеватым лицом Бостекбаю было восемьдесят четыре года.

— На старости лет потянуло на ярмарку, — молвил аксакал, — дорогой услышал, что здесь гостит писа-

тель из Казахстана, я нарочно заехал, чтобы поздороваться.

Совершенно неграмотный, Бостекбай оказался надежным недюженным природным умом, с ним интересно было поговорить. Он в совершенстве знал историю происхождения казахских, киргизских и монгольских племен и любил говорить об этом. Как всякий мудрец из народа, он неплохо разбирался и в политике. Когда мы заговорили о межнациональных отношениях, Бостекбай очень толково начал объяснять, почему власть имущим было выгодно разжигать национальную вражду.

— И все-таки простой народ всегда стремился к дружбе. Например, калмыки и казахи. Хань и баи всю жизнь натравливали их друг на друга, старались посеять ненависть между ними. Но даже в тяжкие времена междоусобиц трудящиеся казахи и калмыки жили добрыми соседями и помогали друг другу. Наши аулы располагались на одном джайляу. В калмыцком становище у меня был друг Суранжаб. Мы росли вместе и очень дружили. Он был беден, но честен и горд. Он не давал себя в обиду баям и бекам, и те ненавидели его. Но шли годы, мой друг Суранжаб состарился и занемог. Пришла пора умирать...

Бостекбай вздохнул, нахмурил редкие брови.

— И чего только не пережил темный народ. По старому обычаю, труп покойника калмыки бросали на съедение собакам. Я сам не раз видел, как они это делали. Еще хуже обстояло дело со стариками, которым предстояло умереть. Их оставляли на безлюдном пустыре с куском хлеба и глотком воды и никто не интересовался, как и когда умрет этот несчастный. Ничего не поделаешь, жестоким был религиозный обряд и нарушать его никому не дозволялось. Мой друг Суранжаб состарился, и жизнь опостылела ему. Он решил умереть и остался один-одинешенек на месте юткочевавшего родного аула. Услышав об этом, я вывел пару лошадей и помчался туда, где мой друг собрался заживо похоронить себя. Я скакал быстро, но только на третий день увидел Суранжаба. Он лежал совсем обессиленный, измученный и голодный. Я накормил его, дал воды, и он постепенно пришел в себя. Я с ужасом слушал рассказ Суранжаба. В ожидании смерти он пережил очень много... В тех краях водятся волки и хищные птицы, привыкшие лакомиться

человечиной. Они смело нападали на одиноких и безоружных, особенно на детей и стариков. Увидев умирающего Суранжаба, волки напали на него. Старик решил защищаться и вступил в неравную борьбу с хищниками. Но, кроме булыжников, ничего под рукой не оказалось. Напрягая последние силы, Суранжаб начал швырять камни. Над головой старика уже кружило воронье в ожидании добычи. Жажда жизни придавала силы умирающему, и волки ушли восвояси.

Бостекбай умолк.

— Что же вы сделали с Суранжабом? — нетерпеливо спросили мы.

— Тайно привез в свой аул.

— Почему тайно?

— По религиозному закону, оставшийся умирать не имеет права возвращаться к людям. Это великий грех. Фанатики убивают грешников, подвергая его страшной пытке...

— Кто-нибудь узнал вашу тайну?

— Признаться, я трусил не на шутку. Я решил надежно спрятать друга на некоторое время, подлечить его и, когда он окрепнет, переправить на советскую землю. Но изголодавшийся, ослабленный Суранжаб с каждым днем стал таять, как свеча, и через неделю скончался.

— А как же похоронили беднягу — тайно или открыто?

— Сыновья Суранжаба знали, что их отец жив и прячется у меня. Они стали приезжать к нему тайком, чтобы соплеменники не заметили их. Когда Суранжаб умер, родственники решили, по обычаю, сжечь его тело. Ночью они отвезли покойника далеко в горы. При сжигании самые близкие родственники умершего обязаны поливать его тело топленным жиром, чтобы оно быстрее сгорело. У бедных родственников Суранжаба не было такого жира. Тогда я зарезал свою козу, вытопил ее сало и отдал им.

— Вы тоже присутствовали при сжигании?

— Не только присутствовал, но и принимал участие. Тело Суранжаба положили на камень, снизу зажгли можжевельник и начали понемногу обливать жиром. Пламя трещало и горело ярко. Мне дали поварежку, и я тоже поливал салом своей козы тело друга... Этот обряд сделал меня самым близким человеком в семье

Суранжаба. Некоторое время спустя они меня спасли от неминуемой смерти.

— Интересно как?

— Палачи Шэн Ши-цзя арестовали меня и еще нескольких мирных людей и отправили в закрытой повозке в Кульджу. Мы знали, что все ранее арестованные погибли мучительной смертью. Дома я навек распрощался со своими, уверенный, что живым мне больше не вернуться. Нас впихнули в темный кузов, как в преисподнюю, и повезли. За перевалом Талкы-суы, когда машина спустилась в узкое темное ущелье, послышались выстрелы. Какие-то вооруженные люди остановили машину и выпустили нас. Тьма-тьмушая, кто они такие — неизвестно. Они разоружили палачей, расстреляли их, а трупы свалили в овраг. Оказалось, что двое сыновей Суранжаба, узнав о нашем аресте, вместе с несколькими калмыками и казаками сделали засаду и поджидали конвой на спуске с перевала... До самого дня освобождения я партизанил с ними в горах. Так я спасся от неминуемой гибели.

— Старые обычаи калмыки соблюдают и сейчас? — спросил я.

— Нет. Народная власть запрещает все дикие, вредные обычаи. Разве не начали жить по-новому?

— Правильно, аксакал!

В шатер вошел молодой казах с тонкими усиками, в белой войлочной шляпе и в европейском костюме. Он был высок, статен и красив собою.

— А, Адильхан, здравствуй! Проходи повыше, на почетное место, — предложили ему в шатре. Джигит поздоровался и сел. Один из местных жителей стал знакомить нас.

В Синьцзяне есть Монгольская автономная область. Центр ее — город Буратала, в шестидесяти километрах отсюда. Там живут калмыки и казахи. Джигит Адильхан Мязжанов — заместитель председателя политического комитета этой области. Оказалось, что Адильхан назначен руководителем открывающейся в Ак-Байтале ярмарки и приехал, чтобы пригласить нас. Немедленно выехали все вместе на нескольких автомашинах.

Невиданное множество людей собралось в огромном огороженном котловане. Вокруг пасся скот. Когда мы подъехали ближе, услышали звуки оркестра. Толпа плот-

ной массой двинулась нам навстречу и расступилась для того, чтобы пропустить нас. Мы вышли из машины и пошли к телеге, накрытой ковром.

— Народ Чжунго считает советский народ своим старшим братом,— обратился ко мне Адильхан.— Вы — представитель советского народа. Поэтому мы просим вас перерезать красную ленточку ярмарочных ворот.

Мы поднялись на телегу. Вокруг нас разливалось пестрое море разноцветных одежд.

Адильхан, хороший оратор, сперва говорил на казахском языке, а затем на калмыцком. Горячо и темпераментно он сказал о нерушимой дружбе всех народов, населяющих Китайскую Народную Республику, и закончил здравницей в честь вечной дружбы великого народа Джунго и великого советского народа. Долго раздавались над площадью рукоплескания многотысячной толпы.

Через два дня мы выехали в Кульджу. От озера Сайрам путь лежал через лесистое узкое ущелье Кен-сай к перевалу Талкы. Когда мы поднялись на самый перевал, Бухара остановил машину.

— Если разрешите, я вам прочту песню акына Танжарыка, которую он сочинил при виде перевала Талкы.

— Пожалуйста! — ответил я.
Бухара начал читать:

За долгие годы горе в груди накопело.
На далекой чужбине я скитался в жестокой неволе,
Через семь лет вернулся обратно,
В землю Такен.
Долго стоял со слезою во взоре
На перевале Талкы.
Здравствуй, родная земля!
Здравствуйте, люди, товарищи, сверстники,
Казахи, узбеки, киргизы, татары,
Русские, дунгане, и уйгуры с монголами.
Здравствуйте, деды мои, аксакалы.
Прости меня, родина,
Сын твой вернулся.
Сколько настрадалась из-за меня родная мать,
Сколько молитв прошптала она днем и ночью!
Живы ли вы, старшие братья мои?
Вы надежда моя, опора и щит.
За семь лет вы, наверное, поняли,
Насколько велика или мала цена моя,
Живы ли, здоровы, любящие тетушки мои?
Порадует ли вас мое возвращение?
Тот баловник, что не давал вам покоя,

Снова вернулся.
Живы ли сверстники мои незабвенные,
Без которых я не мог и двух дней прожить
И с которыми, подобно стригунку-жеребенку, резвился?
Живы ли вы, младшие братья мои?
Кто мог угадать, что стрясется со мной беда.
Вы — мои крылья, если я захочу лететь,
Вы — мои руки, если я захочу взяться за дело.
Как ваше здоровье, дети мои!
Насколько серьезны ваши мысли и устремления?
Днем и ночью я помнил о вас,
Мои Валихан, Шапай и Сара.
Увидев родную землю,
Склоняю голову перед вами с почтением.
Исцелились мои раны, рассеялась темная ночь.
Крепко держала семь лет
Опутавшая меня сеть.
Истосковался я, мать, родная земля.
Озорной сын твой снова пришел к тебе.
Дай мне краешек кошмы — и я буду счастлив,
Только не выпускай меня больше из своих объятий.

Сара — дочь Танжарыка, слушая песню, вспоминала погибшего отца и плакала...

В полдень мы приехали в Кульджу и устроились в гостинице. Город мало отличается от других уйгурских городов. Бывший здесь сто лет тому назад Чокан Валиханов писал: «Бродяг и слоняющихся по улице без дела очень много... Немало и умирающих с голоду... в особенности безработных китайцев... уйгуры, не имея другого занятия, целыми днями сидят в чайхане за чаем, а голодная лошадь, привязанная к дереву, гложет кору... В чайхане много и проституток...»

Нынешняя Кульджа уже не та. Как и во всем китайском государстве, жители города заняты созидательным трудом... Между старыми азиатскими домами решительно вклинились новые многоэтажные здания. Улицы в центре города асфальтируются. За городом мы осмотрели крепость Куре, бывшую столицу Джунгарского ханства. Видели азиатский полуразрушенный город Суйдин. В 1864 году знаменитый уйгурский батыр Садыр-палуан поднял восстание против маньчжурского гнета. Восстание было жестоко подавлено. Оставшихся в живых маньчжурцы заключили в Суйдинский застенек вместе с предводителем Садыр-палуаном. О легендарных подвигах Садыр-палуана любят рассказывать в народе.

После нескольких запоминающихся встреч с кульджинскими артистами, писателями, учителями, работника-

ми печати мы отправились на джайляу Кок-камыр, в казахские аулы, к северу от Кульджи. Дорогой мы миновали уйгурские кишлаки. Верхний Пежин и Нижний Пежин, в которых насчитывалось по несколько тысяч дворов и которые буквально утопали в зелени. Дальше пришлось пересечь высокие перевалы: Шатки Жота, Тара-су, Ламбура, Кайши. Наконец, остановились в большом ауле у Султана Куширбаева, человека бывалого, имевшего средняцкое хозяйство.

В ауле мы повстречали замечательного человека, старого учителя Асеина Жаксылыка-улы. Он умел весьма интересно рассказывать и, между прочим, от него я узнал многое о знаменитом казахском певце Асете.

Не будет преувеличением сказать, что в казахском народе нет человека, который не знал бы песню, начинающуюся словами: «Если будешь петь, пой песню, как пел Асет!» Своей мелодичностью, нежностью, поэтичностью песня давно пленила народ. Сейчас ее можно часто слышать со сцен академических театров в опере «Ер Таргын» и в пьесе Мухтара Ауэзова «Энлик Кебек».

И вот с этим Асетом, создателем знаменитой песни, я встретился в Китае, но, увы, не с живым, а только с доброй памятью о нем.

Асет Наймантай-улы родился в 1864 году в Каркаралинском районе нынешней Семипалатинской области Казахстана. Род его — Кара-кесек, подрод — Майкы. Отец будущего певца Наймантай имел небольшое бедняцкое хозяйство и не пользовался известностью. Маленького Асета отдали в мусульманское духовное училище в Семипалатинске. В пятнадцать лет, не имея средств на учебу, он покидает училище. Говорят, он уже в детстве получил прозвище мальчика-певца. Бросив учебу, Асет стал одним из прославленных певцов. Влиятельные люди того времени приглашали Асета к себе, чтобы он своими песнями украшал их гостеприимство. Он бывал в доме знаменитого Абая Кунанбаева и пел ему свои песни. Говорят, что песни Асета послужили толчком для создания Абаем прекрасных стихов о народной песне.

Народный акын Асет в 1916 году после разгрома восстания казахов бежал в Китай вместе с преследуемыми повстанцами и там остался до конца своих дней. И здесь, на китайской земле, Асет продолжал петь. Семья

его влачила жалкое существование, а сам он скитался по аулам, пел на свадьбах, пирах, на праздниках.

По характеру своих мелодий Асет является учеником Биржан-сала. Они имеют своеобразный ритм и очень трудны для исполнения. Поэтому нелегко бывало певцам заучивать песни Асета.

Текст одной из песен Асета, под названием «Асет», почему-то приписывали одно время советскому поэту Ильясу Джансугурову. Сам Ильяс очень любил эту песню и на вечерах исполнял ее с упоением. Если спрашивали, чьи слова, Джансугуров отвечал:

— Самого Асета, я только слегка подправил.

Это верно. Я имел возможность сличить текст, исполняемый Ильясом Джансугуровым, по книге Асета, изданной после его смерти в 1945 году в китайском городе Сарсумбе.

Песен, сочиненных Асетом, очень много. Певцы китайских казахов полностью знают его мелодии. Хотя очень трудно выучить песни Асета, имеются безукоризненные исполнители. Сейчас песни Асета записываются по нотам.

Среди китайских казахов есть люди, знающие наизусть поэмы Асета: «Салима-Самен», «Агаш ат-Кзыл пабан», айтысы с девушкой Ырысжан и акыном Карибаем, песни-эпиграммы на Асета, Даута и многое другое.

Известный в народе певец-импровизатор, неутомимый исполнитель, он как-то простудил свое горло и временами стал терять голос. Говоря медицинским языком, видимо, это был хронический ларингит. Асет лечил горло нашатырем.

Однажды летом 1923 года Асет приехал на джайляу Кок-камыр погостить у татарского бая Апари-ходжи. Здесь он встретил мелкого торговца-лотошника, продающего также и «медикаменты». Асет купил нашатыря. То ли по ошибке, то ли по злему умыслу (в народе говорят, что у Асета были не только друзья, но и враги) торговец вместо нашатыря дал ему порошок сулемы. Асет по неосторожности выпил сулему. Когда же узнал об оплошности, было уже поздно. Выпил молока, но тщетно. Врача по близости не было, и Асет скончался. На похороны его собралось несметное количество народа. Певца похоронили на джайляу Кок-камыр, на холме под названием

Жалгыз-карагай.— Одинокая сосна. Перед смертью Асет обратился к родному народу с прощальной песней.

Я побывал на могиле Асета в день большого религиозного праздника Курбан-айт — Дня жертвенника. Вместе с Султаном Куширбаевым и Асеином Жаксылык-улы, мы верхами выехали к могиле Асета. По пути к нам присоединились праздничные процессии, тоже на лошадях. Здесь были и подростки, ехавшие верхом на стригунках, и старики, и женщины. Из Пекина приехало около ста человек туристов — все молодые люди, юноши и девушки разных национальностей Китая.

Жалгыз-карагай.— Одинокая древняя и высокая сосна — стояла на равнине. На могиле Асета возвышался холмик из камней.

Народу собралось необычайное множество. Асеин Жаксылык-улы сказал несколько слов:

— Во времена Чан Кай-ши мы были лишены возможности собираться, играть, смеяться. Даже два человека не могли поговорить откровенно. И вот под руководством Китайской Коммунистической партии создано Народное правительство. Мы получили свободу. Сейчас мы собрались у могилы певца Асета, чьи звонкие песни звучат в наших сердцах. По религиозному обычаю, мы должны совершить молитву над его могилой. Вместо молитвы я предлагаю другое. Такая огромная масса народа еще ни разу хором не исполняла песен Асена. Сегодня, вспоминая поэта и певца, безвременно умершего в бедности, споемте, друзья, одну из его песен.

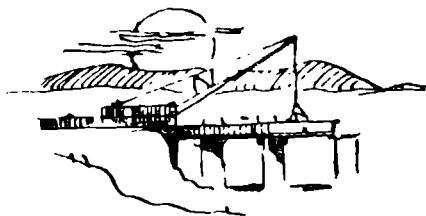
— Споем!— загудел народ.— Давайте споем «Асета»!

Асеин начал: «Если будешь петь, пой песню, как Асет!», народ могуче подхватил слова. В большом волнении запел и я...

Туристы из Пекина переглянулись и сначала неуверенно, а потом все громче и громче запели, присоединяясь к народному хору.

В мощном раскате голосов я услышал ликование дружбы свободных наций и народностей великого Китая...

Звонче греми, песня! Слався, джайляу дружбы!

БАИ ХУА ЦИФАН

(ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

Из Кульджи, получив визу консула в Синьцзяне, я отправился на свою родину в полдень 21 июля и должен был пересечь границу возле города Панфилова. На китайской земле я пробыл полных два месяца.

И вот последний китайский город — Коргос. Он известен под другим названием — Хоргос.

Оставалось пять километров до советской земли.

Не хотелось останавливаться в Коргосе, ой, как не хотелось! «Почему?» — спросит уважаемый читатель. Да разве остановился бы молодой джигит, подъехав к аулу любимой девушки, муж — к дому любимой супруги, отец и мать — к своим детям! Кто в силах преодолеть влечение к дому и остановиться перед самым порогом?

Родная земля!.. Да разве найдутся на свете слова, которыми можно воспеть, как дорога она сердцу после разлуки!

Но цифра «22 июля», начертанная на визе, стреножила меня на целые сутки. Я вынужден был переночевать в Коргосе, в большом по виду азиатском селе.

По словам местных жителей, в четырех-пяти километрах к северу от Коргоса некогда существовала орда

Алтындык, или Золотая. Правил ею Кутлуг Темир, потомок Тамерлана, бывший в конце XIV и в начале XV веков эмиром Белой Орды. Кутлуг Темира похоронили в Алтындыке и воздвигли над его могилой мавзолей. После погребения любимого сына эмира неподалеку был выстроен второй мавзолей. Прошли годы, и полчища врагов превратили Алтындык в руины, но оба мавзолея были пощажены. Они сохранились и по сей день, местами размытые дождем и потрескавшиеся от ветра и солнца.

После стольких достопримечательностей, увиденных по всему Китаю, можно было и не рассказывать об этих мавзолеях, если бы не одна интересная история, связанная с могилой Кутлуг Темира.

Мы помним, что казна Чан Кай-ши была пуста, он продавал родину империалистам и не брезговал тем, чтобы грабить исторические памятники с роскошным убранством и драгоценностями. Я уже рассказывал о том, как правительство Чан Кай-ши пыталось продать Америке девятиэтажную пагоду, сделанную китайскими мастерами из цельного бивня мамонта и как народ самоотверженно спасал ее.

Чан Кай-ши не оставил без внимания и богатую могилу Кутлуг Темира. Прослышав, что в мавзолее зарыто много золота и серебра, Чан Кай-ши решил поживиться. Он издал приказ, и генерал Я У-синь силой оружия пригнал местных уйгуров и казахов к могиле и заставил проводить раскопки. Кирпичный фундамент мавзолея в виде казахской юрты был заложен на глубине 4—5 метров. Грабителям от правительства удалось проломать брешь в стене и проникнуть внутрь. Посветив фонарем, они увидели перед собой огромный мрачный темно-коричневый гроб... Никто не осмелился приблизиться к нему, всех обуял страх. Генерал Я У-синь пригрозил расстрелом, но никто из жителей не отважился узнать, что здесь захоронено.

— Делай что хочешь, — говорили люди, — религия запрещает нам входить в могилу.

Разъяренный Я У-синь на глазах у собравшихся застрелил человека. Но это не помогло. Тогда генерал пообещал смельчаку выделить изрядную долю из найденных драгоценностей. Нашелся чудаковатый, лет двадцати, парень-казак по имени Галиаскар. Он поза-

рился на посулу генерала, при свете электрического фонаря пролез внутрь и начал топором разбивать гроб.

Огромный, высокий, сделанный из дуба гроб был обит снаружи листами чистого серебра толщиной в два полнокровных пальца. Галиаскар снял листы и начал колотить по дубовым доскам. Однако Галиаскар, пробив брешь, все же не осмелился шагнуть в зловещую темень. Тогда генерал, видя, что словесные угрозы не помогают, приказал подстегнуть струсившего Галиаскара острым копьем. Не выдержав пытки, парень юркнул внутрь гроба, осмотрелся и при свете фонаря увидел два иссохшихся и пожелтевших трупа. Один мужской, бородатый, лежал с головы до ног украшенный драгоценными камнями. Рядом желтел труп женщины, тоже в дорогом одеянии. Дрожа от страха, Галиаскар кое-как выволок оба трупа, с которых прислужники Я У-синя тотчас начали срывать драгоценности. Были забраны серебряные листья, было унесено все, что имело какую-то ценность. Голые трупы оставили в могиле, а ободранный гроб снова забили. Галиаскар поднялся наверх и тут же сошел с ума. Его продержали связанным по рукам и ногам около трех месяцев, и он умер на руках матери... Генерал Я У-синь забрал золото, драгоценные камни и серебряную обивку, весившую 22 килограмма.

Выслушав рассказ об этом событии, я решил съездить к мавзолею Кутлуг Темира. По архитектуре он был точной копией среднеазиатских мавзолеев. Его купол был покрыт трещинами от дождевых потоков, но стены были настолько прочны, что могли простоять столетия. На могиле Кутлуг Темира лежали истлевшие разноцветные знамена с мусульманскими надписями времен междоусобных войн, тут же наклонно висел флаг, сделанный из хвоста яка и прибитый к длинному шесту. Очевидно, набожные местные жители считали Кутлуг Темира святым. Об этом можно судить по тому, что на могиле оставлено много разноцветных тряпок и по-всюду разбросаны жертвенные деньги.

У мавзолея я услышал еще одну интересную историю. По участку, где располагалась орда Алтындык, сейчас протекает большой канал. Берега его непечны, легко размываются, а потому русло почти ежегодно меняется. Летом 1948 года дехкане селения Алтындык

работали с кетменями на своих полях. Тринадцатилетний мальчик Исфаиль нашел у подножья крутого яра большой позеленевший медный кувшин. Отец его в присутствии соседей вскрыл кувшин, и все увидели, что он доверху заполнен золотыми монетами. Бедняки-дехане, рассорившись, не смогли поделить между собой неожиданно найденный клад и стали, как принято говорить, «добычей собаки», то есть кто-то донес администрации Шэн Ши-цзя о находке, и тот забрал все золото.

Когда взвесили монеты чеканенные, с грабской надписью, то чистого золота оказалось 16 килограммов — целый пуд!

Люди из Алтындыка пригласили меня к себе, гостеприимно и долго угощали и отпустили лишь с наступлением сумерек.

Поздно ночью я остался один в номере коргосской гостиницы.

Не спалось. Надо было готовиться в путь-дорогу, завтра предстояла встреча с Родиной. До утра оставалось несколько часов. Что же делать? Одолевала тоска и нетерпение. Я начал искать, чем бы скоротать время.

«Во время поста лучшее времяпровождение — перекочевка», — говорят казахи. Тут я вспомнил о своих записных книжках, начал разбирать их, и меня охватила растерянность от обилия и бессистемности моих записей. Как их привести в порядок? Одновременно и с радостью, и с отчаянием я убедился, что собрал колоссальный материал. «Девяносто витиеватых выражений можно выразить в маленьком словесном узелке», — говорят казахи. Где узелок моих записных книжек?!

И вот на 192 странице одной из книжек я нашел начертанное иероглифами и написанные по-русски слова: Бай хуа ци фан. Это означает буквально — пусть расцветают все сто цветов, или пусть каждый цветок цветет своим цветом, а каждая птица поет своим голосом. Как это следует понимать?

Содержание популярного лозунга «Бай хуа ци фан!» сводится к тому, что каждый житель страны должен применить все свои лучшие качества для строительства социализма и для блага народа. Цвети своим цветом, пой своим голосом!

Мне думается, что такой лозунг можно использовать

не только внутри китайского государства. В равной мере он полезен и для тех стран, которые строят социализм в других условиях...

Я быстро и вдохновенно записывал свои мысли, не замечая, что на дворе уже наступило утро.

Проснулись мои спутники. Позавтракали. В окружении китайских друзей, сопровождавших меня на четырех машинах, я выехал к границе моей Родины. Там, за пограничными воротами, меня ожидали люди нашей страны, среди которых были члены моей семьи. Вместе с китайскими провожатыми мы пришли на пограничную заставу. На больших воротах развевалось с одной стороны китайское знамя, с другой — знамя Союза Советских Социалистических Республик.

Мы обнялись с китайскими друзьями и сказали друг другу заветные слова на прощанье:

— Бай хуа ци фан!..

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. ПРИЧИНА ПОЕЗДКИ

Родные картины	
Небо Монголии	
Великая столица	
Первый мост	
Коротко о маршруте	

Глава вторая. ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ СТЕНА

Где усыпальница императоров	
На мирных улицах	
Город на Жемчужной реке	
Народные представители	
Самое драгоценное в Китае	
Китайская грамота	
Пятое июня	
Цирк, театр, музыка	

Глава третья. ЕДИНСТВО

Китай, покоряющий реки	
Освоение земли	
Три зла, которые уничтожены	
Китай физкультурный	
Все внимание — детям!	
Дорога дружбы	

Глава четвертая. СИНЬЦЗЯН

Мальчик с отметиной	
Из прошлого Синьцзяна	
Вокруг Такламакана	
О религиозных обычаях уйгуров	
Ыйпар-хан	
Народные увеселения	
Первенцы новой жизни	
По дороге в Хотан	
По дороге к счастью	
Джайлау дружбы	
Бай хуа Цифан (вместо эпилога)	